

TARTU RIIKLIKU ULIKOOLI

TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

524

ПРОБЛЕМЫ ВНУТРИСТРУКТУРНОГО
И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ
ЯЗЫКА

Труды по русской и славянской филологии

XXXIII

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 524 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

ПРОБЛЕМЫ ВНУТРИСТРУКТУРНОГО
И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ
ЯЗЫКА

Труды по русской и славянской филологии

XXXIII

ТАРТУ 1980

Редакционная коллегия:

А.Д.Дудиченко, П.С.Сигалов, М.А.Шаликин (отв. редактор)

О СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ВИДО-ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ГЛАГОЛА

М.А. Шелякин

Видо-временная система современного русского глагола, как известно, состоит из бесспорных двух видовых форм в прошедшем и будущем времени (писал - написал, буду писать - напишу). Что касается формы настоящего времени, то не так давно ее считали обычно одновидовой, представленной только несовершенным видом (пишу), хотя и были высказаны мысли о наличии в русском языке и настоящего совершенного (Л.П. Размусеном, 16/1, А.А. Шахматовым, 19/107, А.М. Пешковским, 13/213 и др.). Несколько позднее в поддержку последней точки зрения уже аргументированно писали Э. Командер /9/137/, В.В. Виноградов /4/574/, И.К. Бунина /3/156/, Д.С. Маслов /12/404/, Е. Крижикова /11/, А.В. Бондарко /2/51 и далее/. В АГ-1970 принята компромиссная и непоследовательная точка зрения. С одной стороны, в ней говорится, что глаголы совершенного вида имеют два времени: будущее и прошедшее /6/357/, с другой стороны, указывается на возможность употребления формы будущего простого в значении настоящего, "если условия контекста исключают отнесенность действия к будущему" /6/359/. При этом делается оговорка относительно следующих предположений, в которых форма будущего простого в значении настоящего времени не обусловлена контекстом: "Попробу меня не учить. Пропущу отдельные эпизоды и перейду к главному. Возвращусь к теме беседы" и др. (там же/360). Следовательно, эта грамматика не считает употребление будущего простого в значении настоящего транспонированным. По сравнению с АГ-1954, которая видит в соответствующем функционировании будущего простого "не столько временные, сколько видовые и модальные значения" /5/487/, АГ-1970 утверждает, что данная форма может выражать несовершенно настоящее время, "т.е. значение, не исключавшее настоящего, но не имеющего точного временного приурочения" /6/358/: "Не разберешь, сколько ему лет", "Не припомню; никак не найду" и др. Понимаемое таким образом "несовершенно настоящее время" не является, строго говоря, временным зна-

чем, и здесь АГ-1970 отходит от взглядов А.В. Бондарко и др., считавших такое настоящее собственно настоящим, но всегда неактуальным и разделяющих форму настоящего-будущего на два значения - будущее совершенное и неактуальное настоящее (в концепции Е. Крижковой они омонимичны, в концепции А.В. Бондарко они связаны друг с другом, т.е. форма многозначна). Таков первый спорный вопрос видо-временной системы современного русского глагола.

Второй спорный вопрос касается функционально-временного различия между будущим простым и будущим сложным. Еще С.Карцевский, а вслед за ним В.В.Виноградов и др. заметили, что будущее несовершенное, в отличие от будущего совершенного, выражает в русском языке будущее без связи с настоящим, ссылаясь на различие во фразах "Она сейчас оденется" (действие может быть уже начатым) и "Она сейчас будет одеваться" (действие еще не начато). В последнее время это положение оспаривается рядом исследователей. Так, Е.Крижкова, приводя примеры "Как долго ты будешь заниматься? Как долго ты будешь еще сидеть?", полагает, что будущее сложное может указывать и на связь действия с настоящим. Специально данному вопросу посвящена статья А.А.Фуксман. В ней выделено около 20-ти типов контекстов, в которых, по мнению автора, форма будущего сложного выражает связь будущего с настоящим и делается общий вывод о том, что "форма будущего несовершенного может обозначать как будущее, связанное с настоящим, так и будущее, отрешенное от настоящего" /17/101/. Однако все же остается неясным, почему предложение "Она сейчас оденется" может употребляться и при уже начавшемся действии, а предложение "Она сейчас будет одеваться" всегда исключает ситуацию начала действия.

Третий спорный вопрос видо-временной системы русского глагола связан с интерпретацией презентной формы в значении будущего времени: типа "Я завтра иду в театр, уезжаю в Москву" и под. Обычно футуральное функционирование презентной формы объясняется ее транспозицией в область будущего времени и тем самым характеризуется как метафорическое, ярко и подчеркнуто контрастирующее с темпоральным контекстом будущего /13/208, 2/171, 4/572/. Как известно, А.А. Потехня тоже задавался вопросом о природе аналогичного употребления формы настоящего несовершенного - в древнерусском языке: "пред-

ставляет ли сам говорящий будущее настоящим, или же он употребляет только формы настоящего, придавая уже им значение будущего?" /15/129/. А.А. Потебня склонялся к первому решению по отношению к древнерусскому и современному языку (см. там же). В то же время он допускал для древнерусского языка такое, еще лишнее видовых различий, настоящее, которое обозначает будущее по значению /15/130, 139/. Не является ли таковым настоящее ряда глаголов и в современном русском языке? Другого мнения придерживаются Н.С. Пospelов. Он относит примеры типа "Замуж выхожу", "Подал в отставку", "Ночью мы выступаем, уходим" к значению настоящего: действие "осуществляется в ближайшем или более отдаленном будущем, но включается говорящим в настоящее" /14/216/. Однако Н.С. Пospelов не раскрывает, в чем проявляется включение такого будущего в настоящее.

Ниже выскажем свои соображения по каждому из поставленных вопросов.

I

Значение настоящего времени, как оно выражается формой настоящего несовершенного, определяется с большим трудом в связи с разнообразием его частных проявлений и употреблений в речи. Оно во всяком случае не сводится к обозначению одновременности совершения действия (разового или расширенного) с моментом речи, хотя и является специфичным в этой функции для формы настоящего времени. Отнесенными к настоящему времени могут быть и повторяющиеся, и узувальные, и обобщенно-постоянные, и потенциальные, и качественно-характеризующие действия, которые не соотносятся непосредственно с моментом речи, не совершаются одновременно с ним. Ср. Я каждый день хожу/ходила/ буду ходить в библиотеку, поезд в Москву отправляется в 7 часов вечера, он работает/работал/ будет работать на заводе, она решает/решала/ будет решать любые задачи, я играю/играл/ буду играть в шахматы, она хорошо одевается /одевалась/ будет одеваться и др.

Учитывая актуальные и неактуальные значения формы настоящего времени, А.В. Бондарко предложил считать значением (общим) настоящего несовершенного выражение "современности"

(в широком смысле, без дальнейшей детализации)" /2/76/. Но что такое современность в широком смысле слова? С философской точки зрения равно понятие бытия, того, что существует или входит в бытие. Видимо, так и понимает современность А.В. Бондарко, когда пишет, что под значением настоящего (современности) "мы имеем в виду его соотношенность с временными связями внеязыковой действительности" (2/77/ и что это значение совпадает с системным значением временной формы настоящего времени как выражающим одновременность по отношению к грамматической точке отсчета (там же). Думается, что такая интерпретация совпадения грамматического времени с внеязыковым временем не во всем соответствует прямому употреблению формы настоящего времени и еще не проявляет, в чем проявляется одновременность неактуальных действий по отношению к грамматической точке отсчета. Кроме того, с позиций изложенной концепции грамматического настоящего трудно объяснить употребление и актуального настоящего по отношению к объективно прошедшим действиям: ср. "Вот они где, а я по всему дому ищу. Здравствуйте, ясные соколы, хлеб да соль..." (Чехов. Иванов), "Павел, тебя зовет Мелания Николаевна" (Горький. Дети солнца), "Это она кричала? - Она..., а они ее и потащили... боекь я! - Чего же она кричит?" (там же). Ср. также фразы, в которых формы настоящего времени употреблены по отношению к объективно будущим действиям: "Ну-с, тем не менее все-таки я продолжаю (берет книгу). Мы остановились на лабазниках и крысах..." (Чехов. Чайка), "Иду, иду... Ложитесь..." (Чехов. Вишневый сад), "Хоть бы взглянули разочек, Яна. Вы уезжаете...меня покидаете..." (Чехов. Вишневый сад).

Обычно подобное функционирование формы настоящего времени объясняется переносным употреблением, но не олинком ли широко при этом понимается вообще транспозиция грамматических форм и, в частности, временных форм? Ведь при переносном употреблении как стилистически намеренном (как правило, в повествовании) всегда есть выбор между формами, не влияющими на смысл предложения. Тем не менее, сказать по-русски в диалоге, в спонтанной речи, "А я вас по всему дому искала" или "А я вас по всему дому искала", "Павел, тебя зовет Мелания Николаевна" или "Павел, тебя звала Мелания Николаевна", "Вы уезжаете..., меня покидаете..." или "Вы уедете, покинете" вряд ли однозначно. И дело здесь не столько в нюансах, сколь-

ко в разной грамматической информативности фраз об одних и тех же ситуациях: форма настоящего времени всегда подчеркивает актуальность обозначенного действия для речевой коммуникации. Н.И. Формановская справедливо заметила, что часто закончившиеся в ближайшем прошлом или будущем действия удерживаются в настоящем тем, что они ожидают ответной реакции в настоящий момент /17/5-6/. Считать приведенные формы настоящего времени глаголов переносными нельзя хотя бы потому, что они сами создают во фразах определенный временной план, а не другие, какие-либо неглагольные средства, способствующие фигуральному пониманию значений времен.

На наш взгляд, грамматическое значение настоящего времени сводится к отношению говорящим действия к временному периоду, включающему момент речи и имеющему для говорящего имплицитные признаки прошедшего и будущего, т.е. настоящее время занимает промежуточное положение между прошедшим и будущим и служит средством актуализации действия для речевой коммуникации. Но это не означает, что любая актуализация действия для речевой коммуникации вызывает прямое употребленные формы настоящего времени. Речь идет именно о таких действиях настоящего, которые в момент речи существуют или еще/уже существуют и значимы для говорящего. В последнем случае - еще/уже - формы настоящего времени содержит, в свою очередь, признаки настоящего и прошедшего или настоящего и будущего, так же, как перфектное значение прошедшего времени содержит признаки прошедшего и настоящего. Следовательно, значения временных форм не резко противопоставлены друг другу, а носят как бы характер континуума. Поэтому можно говорить не только о значении "чистого" настоящего, но и о значениях настоящего-прошедшего и настоящего-будущего в форме настоящего времени. Сама характеристика существования действия может быть различной: реально протекающей, реально повторяющейся, потенциальной, узальной, обобщенно-постоянной и др., в том числе и актуальной для речевой коммуникации независимо от объективного времени действия.

Временной период настоящего отличается от временных периодов прошедшего и будущего не только тем, что он представляет действие как существующее для говорящих через включение в него момента речи, но и отсутствием каких-либо эксплицитных временных границ, т.е. этот временной период "размыт" в

сторону прошедшего и будущего. Для прошедшего и будущего момент речи — это правая или левая граница соответствующего временного периода, в пределах которого для говорящих существует действие. Вот почему в предложениях типа "Ну вот я и пришел", "Я сейчас расскажу ему обо всем", в которых действия прошедшего и будущего максимально приближены к моменту речи, употребляются формы прошедшего и будущего времени. Здесь момент речи действительно является, по выражению О. Есперсена, нулевой точкой, а не репрезентацией настоящего времени, так что грамматическое прошедшее и будущее — это буквально не "преднастоящее" и не "посленастоящее", а существование действия до момента или после момента речи. В этом заключается более "дингвистический" характер прошедшего и будущего времени, чем настоящего, хотя и оно не всегда совпадает с логическим пониманием настоящего.

Так же, как и в настоящем, действия в прошедшем и будущем могут быть охарактеризованы различно. Лишь возможность представления действия во всех временных формах позволяет говорить о наличии определенного грамматического значения времени. Если замена грамматических форм времени в глаголе не сигнализирует противопоставленности временных планов, то мы имеем дело с нейтрализацией временных значений и отнесением действия к "всевременному" обобщенному периоду. Это происходит, как справедливо пишет Г. А. Золотова, на уровне познания постоянных связей между явлениями действительности /7/121/. Ср. пословицу: "Горбатого могла исправить/исправляет/, всегда исправляла".

Обращаясь к проблеме настоящего совершенного, мы и будем иметь в виду три взаимосвязанные признака грамматического настоящего: 1/ включение момента речи (обозначения действия) во временной период, 2/ существование для говорящих действия в разных характеристиках в момент речи и 3/ наличие у временного периода настоящего эксплицитных признаков прошедшего и будущего /отсутствии у настоящего крайних временных границ/.

Если признавать отличие настоящего совершенного от будущего совершенного, то следует определить признаки будущего времени; как они выражаются грамматической формой. Вопрос, как известно, трудный: по происхождению форма будущего времени во всех языках является либо формой настоящего времени,

либо сочетанием инфинитива с модальными глаголами. На этом основании ряд исследователей вообще исключает будущее из временной системы языков, считая его чистой модальной или переносной категорией. Не обсуждая здесь данного вопроса, мы считаем, что в русском языке значение будущего времени все же является системно-временным и грамматикализованным в формах будущего совершенного и несовершенного, хотя и всегда осложненным модальными признаками, исходящим из самого понятия будущего и его становления.

Грамматическое будущее — это, во сути дела, то же настоящее или прошедшее действие, перенесенное в свое существование (непосредственно или через временной интервал) после момента речи. Даже если действие и началось в настоящем в момент его обозначения или осуществляется, что не исключает либо сама форма будущего (ор. она сейчас спит, мы скоро выйдем изной), либо контекст (ор. ты долго еще будешь сидеть здесь?), то такое будущее представляется говорящим как завершающееся или прекращающееся именно после момента речи. Будущее всегда модально окрашено признаками desiderativности, необходимости, обязательности, вынужденности, которые являются следствием переноса в план будущего действий настоящего или прошедшего, т.е. следствием осуществленного /осуществляемого действия после момента речи. По словам Э. Косеру, будущее — это "завешенный" момент, к которому стремится существование" (2/262). Поэтому формы будущего могут употребляться в императивной функции: "Ты сейчас пойдемь и все ему расскажешь!".

Следовательно, у грамматического будущего можно выделить такие признаки: 1/ исключение момента речи из всего или части временного периода действия, 2/ существование, бытие действия в разных характеристиках после/и после момента речи, 3/ наличие у временного периода начальной границы, представленной моментом речи и 4/ модальность направленности действия на существование /необходимости, обязательности и др./.

После предварительных замечаний о значениях форм настоящего и будущего рассмотрим проблему настоящего совершенного в русском языке, используя материал работы А.В. Бондарко и его наблюдения(2). На наш взгляд, форма настоящего-будущего (типа напишу) в русском языке не омонимична и не многозначна, а синкретична в том смысле, что она постоянно совмещает

признаки настоящего и будущего: контекстуальные условия только усиливает один из них при ослаблении другого, но не "исключает" или "включает" определенный признак (2/55). Сам механизм и следствия усиления/ослабления признаков настоящего и будущего в форме настоящего-будущего можно представить следующим образом:

I. Усиление признаков настоящего приводит к выражению модальности возможности в настоящем. Эта модальность опирается на столкновение значения настоящего с видовым значением совершенности: последнее во временном периоде настоящего индигирует признак будущего в качестве возможности, так как возможность в настоящем выражает предпосылки будущего в настоящем и необходимость реализации действия в будущем (после момента речи). Модальность возможности как модальность между предикативным признаком и субъектом может иметь различные субъективно-модальные оценки. В форме настоящего-будущего при усилении признаков настоящего модальность возможности отличается оценкой уверенности, убежденности, подчеркнутости. Однако здесь встречается одна трудность, связанная с наличием в ряде случаев модальности возможности и у будущего. Ср. Кто решит эту задачу? - Кто может/сможет решить эту задачу? Я решу эту задачу - я могу/смогу решить эту задачу. Возможность в настоящем имеет обычно обобщающий и нереализуемый характер: ср. Я решу любую задачу. Возможность совершения будущего действия имеет конкретный характер и направлена на реализацию его после момента речи: ср. Я решу (сейчас) эту задачу. Критерием настоящего совершенного можно считать допустимость замены его настоящим несовершенным со снятой модальностью возможности, а критерием будущего совершенного - допустимость замены будущим несовершенным со снятым значением целостности действия: ср. Я решу любую задачу - решаю любые задачи, Я решу эту задачу - буду решать эту задачу. Модальность возможности совершенного настоящего при замене настоящим несовершенным трансформируется в значение обобщенного умения, способности как наличного свойства субъекта (он играет на гитаре, танцует и т.д.). Это значение часто называют "настоящим потенциальным", но на самом деле оно является не модальным, а характеризующим: ср. формы прошедшего времени - он решает/решил любые задачи, но он решил любые задачи при отнесенности в план прошедшего трансформируется в

он решил не делать этого (никак он решил не делать этого, а решил не решить ни одной).

Условия усиления в форме настоящего-будущего признаков настоящего, проявляющих себя в модальности возможности, сводятся к следующим типам контекстов:

I.1. Отрицание возможности достижения результата усиленно осуществляемого (результативно-тенгентивного) действия или возможности ожидаемого действия в момент речи. Ср. Никак не найду/не могу найти/не нахожу книгу - настоящее (в ситуации поиска), не нашел/не мог найти - прошедшее, не найду/не смогу найти - будущее; никак не пойму вас/не понимаю вас (в ситуации попытки понять); не нагряжусь, не достигнусь; стоит и даже не поведется/не поведется (в момент речи). Здесь признак настоящего усиливается отрицанием возможности (имплицитивного признака будущего) прикрепленного к моменту речи действия (частицей никак). А.В. Бондарко, возражая И.К. Буниной, считает, что такие примеры иллюстрируют настоящее потенциальное неактуальное, так как "к моменту речи относится не процесс осуществления действия, а выражение невозможности его осуществления" (2/221). Думается, что конкретность настоящего не обязательно связана с процессуальностью и модальность возможности/невозможности в настоящем имеет не линейный характер (сначала возможность, а потом действие), а характер соименности с действием.

Допустимая замена в приведенных примерах формы настоящего-будущего формой настоящего несовершенного снимает подчеркнутую модальность невозможности, но сохраняет тендентивный характер действия: никак не нахожу, не понимаю, даже не поведется и под. Встречаются однако глаголы, которые не допускают аналогичную замену: Никак не объясню, никак не речу, не напишу, с утра собирается в дорогу и все никак не соберется, никак не приду в чувство, как только не свалится и др. Скорее всего это объясняется отсутствием у данных глаголов в несовершенном виде настоящего времени признаков тенгентивности, но ср. наличие его в возвратной форме: никак не решается, никак не вспоминается. Кроме того, совершенный вид может актуализировать в глаголах особые результативные значения, не представленные в форме несовершенного вида: объяснить в значении "растолковать, разъяснить" (он не мог объяснить себе свой поступок), не приду в чувство - фразеологизм с экспрес-

сильной окраской (по ср. он ищет на конюшне/не конюшне в конюшне), никак не собирается выразить подчеркнутую результативность. Именно этой причиной вызвано употребление только совершенного вида в таких предложениях, как "Нет, к скаканию, не скаку, где находится..."

1.2. Констатация отсутствия желаемого действия при самом акте коммуникации с воспринимательно-побудительным, по определению А.В. Бондарко, подтекстом: Что же вы все не приглашаете/не приглашаете кавалера чаю? Что же вы не спросите/не спросите о моих делах? Я пишу, пишу, что же вы не отвечаете/не отвечаете; Что же вы не скажете/не скажете, что мы можем вам и др. И здесь действия носят конкретно-разовый характер и прикреплены к моменту речи. Разница между совершенным и несовершенным видом проходит по линии подчеркнутой модальности нежелания.

Если в высказываниях отсутствуют показатели прикрепленности действия к моменту речи, то форма настоящего-будущего имеет значение невозможности будущего, а не настоящего действия: Ты ни за что не справишься с этой работой; Олив ей не донесет/не сможет донести этот чемодан - слишком слаб... Вы не спросите его об этом - я запрещаю; Он не поймет твоего объяснения и под.

1.3. Все остальные подтипы модального употребления настоящего совершенного объединяются общей функцией абстрактного настоящего (абстрактной потенциальности в настоящем) с признаком качественной характеристики и подчеркнутой уверенности. А.В. Бондарко приводит многочисленные примеры на абстрактно-потенциальное значение настоящего совершенного (без отрицания и с отрицанием), допускающие замену настоящим несовершенным с утратой модальности /2/104-III/: типа "Он всегда найдет/может найти/находит выход из положения", "Никогда не ответит/не отвечает напрямик", "Что только не вспомнит/не вспоминает человек, проживший полвека", "Эта столовая всегда вместит/вмещает до тысячи человек", "Мало ли что случится/случается в жизни", "Есть вещи, которые дамы не простят/не прощают" и т.д. Ср. еще: "В игре ее конный не словит, В беде - не сробеет, - спасет: Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет" (Некрасов). Этот тип настоящего абстрактной потенциальности можно назвать настоящим обобщенной потенциальности по аналогии с настоящим обобщенным, /выражаемым формой

настоящего несовершенного вида. Усиление признаков настоящего происходит за счет контекстуальных показателей "всегда", "никогда", употреблением форм числа существительных в понятийно-родовой функции и др. Ср. форму прошедшего времени: "Тотъ земли, которые дамы равны не пропали он/ не пропали", "Он равны всегда имел он/находил выход из положения, а теперь стал другим..." и под.

Симиле не все глаголы совершенного вида со значением абстрактного настоящего-потенциального можно заменить настоящим несовершенным. К ним относятся, во-первых, некоторые глаголы в отрицательных обобщенно-личных предложениях в значении невозможности: "По лицу не поймешь, сколько ей лет", "В двух словах не расскажешь", "Разве все запомнишь" (со скрытым отрицанием). Во-вторых, глаголы в предложениях с обобщительно-распределительными местоимениями каждый, любой, всякий. Ср.: "Дорогу туда вам любой покажет", "Да это вам каждый ребенок объяснит", "Никто не поверит/любой не поверит/, что такие вещи случаются в наше время". Сравнение с другими глаголами, допускающими в данных контекстах замену формой настоящего несовершенного, свидетельствует о лексических и синтаксических ограничениях перевода совершенного настоящего в несовершенное настоящее: ср. "Всегда что-нибудь да забудешь/забываешь, чего-то не предусмотреть/предусматриваешь", "Эту задачу решит/решает любой ученик", "Никто не строит/не построят дом за два дня".

1.4. В отдельный подтип настоящего абстрактной потенциальности можно выделить выражение спорадической потенциальности в настоящем. Как известно, в русском языке единичная форма совершенного вида не сочетается с показателями неограниченной и регулярной повторяемости. Вместе с тем, если в контексте присутствуют показатели спорадического повторения, сведение повторение к частным случаям (каждый, любой раз, время от времени и др.), то употребление совершенного вида допустимо при выражении потенциальной исключительности действия в настоящем на фоне узуальных, обобщенных характеристик. А.В. Бондарко, описавший данный подтип видо-временного контекста /2/210-214/, отделяет его от рассмотренного выше модального абстрактного настоящего. На наш взгляд, он тоже окрашен модальностью возможности, допустимости. Ср. примеры, приводимые А.В. Бондарко: "Он ничего все-таки... Только так

иногда брызгается...вряд ли как насчет твоего паспорта" (Горький. На дне), "Говорит он складно, плавно, без запинки и лишь из кокетства иной раз позволяет себе заикнуться..." (Чехов. Бабье царство), "Начало осени - лучшее время года в забайкальских степях... Редко когда случится один или несколько дождливых дней" (Бобринский. Ливотный мир и природа СССР) и др. Всегда допустима замена "только так иногда может брызнуться/брызгается", "и лишь из кокетства иной раз может позволить/позволяет", "редко когда может случиться/случается..."

1.5. Следующий тип модального настоящего абстрактного представлен кратно-соотносительными действиями. В лингвистической литературе кратно-соотносительные действия в форме настоящего-будущего относят вообще к абстрактному настоящему, не уточняя характер такого настоящего, хотя само описание синтаксических конструкций и контекстуальных условий, в которых встречается форма настоящего-будущего в данной функции, позволяет дифференцировать подтипы кратно-соотносительных действий в абстрактном настоящем. Так, по наблюдениям А.В. Бондарко, кратно-соотносительные контексты могут встречаться в а/ условных предложениях (связных и бессвязных) и б/ условно-временных (с союзами когда и как). Ср. "Какие эти мужчины! Увидят молоденькую девушку - так уж как глаза-то таранят" (А. Островский), "Вы маменька, только рот разинете, так уж и сморозите" (Салтыков-Щедрин), "Когда вот я про этих Веревкиных вспомню, чудно мне делается" (Мамин-Сибиряк) и др. Значение условия в настоящем имеет всегда усиленный признак реальной потенциальной обусловленности другого действия, так что приведенные примеры иллюстрируют соотносительные действия настоящего потенциального с недифференцированной их кратностью. Ср. еще: "В горах, если столкнуть с высоты камень, он сорвет в своем полете другой, третий, они повлекут за собой десятки, которые обвалят сотни, - и вот целая лавина камней, глыб и комьев земли рунится в пропасть" (Федин. Первые радости). К данному подтипу относятся и недифференцированная кратность "совмещающихся фактов" (А.В. Бондарко) с признаками потенциальной возможности субъекта и ее категоричности: "Живет он дома не без пользы: он и в лавочку сбегает, и заказ отнесет, сумеет и кашу сварить, и инструмент отточить, и пьяного отца разденет, спать

улетит...". (Достоевский. Мещанское счастье). Ср. также кратность повествования-воспоминательных и потенциально-чередуемых действий: "Все тихо; разве без оглядки Фальдтгера пролетит сезон. Или обратные лошади, Похура голону, или Иродут" (Назаров. Несчастие); "Летом - совершенно как в некримельской земле: тут тебя обокрадут, там тебе веренертят, там - не донесут" (Лисенковский. Люди сороковых годов).

Мелкие различия между совершенным и несовершенным настоящим при выражении обобщенных кратко-ценных действий: "Ничто ваши дамы обидят клятые, два раза наденут - и поджавкой новое" (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); "Наденет клинсы, заберется с ногами на диван, посадит этого Ренца на колени - скармливает ему конфеты" (Антонов. Аляска); "Читаешь четверть, полчаса и вот замечаешь, что студенты начинают поглядывать на потолок, на Петра Игнатьевича, один полезет за платком, другой сидит поудобнее, третий улыбнется своим мыслям" (Чехов. Скудная история).

При контекстуальных показателях той или иной кратности или исторического настоящего кратко-соотносительных действий модальность возможности терпит и на первый план выступает значение их реальной повторяемости. Ср. "Только иногда, взгляды пристально в нее, он вдрогнет страстно, или она взглянет на него мимоходом и улыбнется..." (Гончаров. Обломов); "Иногда весной бывает так: влетит буря, погуляет часа два-три и так же неожиданно затихнет, как началась" (Троепольский. В камнях); "Молодой, здоровый парень появляется в институте в десять, а то и в одиннадцать утра, слоняется по лабораториям, зайдет в библиотеку, перелистает журналы, побалагурит в коридоре с дежурками" (Гранин. Иду на грозу); "Утро он встречал так: дождется выхода солнца, трижды, по привычке перекрестится на него, умоется родниковой водой и пойдет осматривать бахчу" (Троепольский. Записки агронома); "Бывало, что ни случится - придет ли Вонифатий доложить, что сахару нет, выйдет ли наружу какая-нибудь дрянная ослетня, поссорятся ли гости - она только кудрями встряхнет, скажет: "Пустяки!" и горя ей мало" (Тургенев. Первая любовь); "Пыли нет; набегает туча: нет-нет да и капнет редкая крупная капля" (Гаршин. Из воспоминаний рядового Иванова); "У самых талантливых из них нет-нет а и промелькнет нечто высокомерное"

(Достоевский. Дункин). Подобные контексты с разными видами в форме настоящего времени отличаются друг от друга не столько модальными оттенками, сколько стилистическим характером: совершенный вид вносит элемент динамизма в следование, чередование и другие отношения действий, несовершенный вид — элемент описательности, "развернутости", ср. "Иногда весной бывает так: налетит/налетает буря, погуляет/гуляет часа два-три и так же неожиданно затихнет/затихает, как началось".

В современной аспектологии употребление совершенного вида в рассмотренных подтипах абстрактного настоящего принято объяснить переносным, изобразительным применением совершенного вида, который в такой функции называет наглядно-примерным, сближая с ним и его потенциальное значение: "Можно сказать, что потенциальное значение в наиболее типичных случаях — это наглядно-примерное значение плюс тот или иной модальный оттенок потенциальности" /2/23/. Если учесть, что наглядно-примерное значение совершенного вида допускает замену несовершенным видом без внесения в контекст значения повторяемости, то нет оснований приписывать наглядно-примерное значение только совершенному виду. Аналогичная замена абстрактного потенциального значения совершенного вида значением обобщенного настоящего вида также не свидетельствует об изображении постоянного потенциального через единичное, ср. "Вот уж некупой — последнюю рубашку отдаст" (Л. Толстой. Два гусара), возможна замена "отдаст", но она отличается от совершенного вида только отсутствием модальности. Представляется, что и в том и другом типе употребления совершенного вида мы имеем дело с нейтрализацией видов с остаточными, коннотативными признаками: ни выражение кратности эпизодов, состоящих из соотносительных действий, ни выражение обобщенной абстрактности не являются релевантными позициями для грамматической семантики видов.

2. Усиление признаков настоящего в форме настоящего-будущего может быть связано с выражением одновременности обозначения действия и самого его совершения. В реальной коммуникации факт обозначения действия в момент речи обычно не совпадает со временем его осуществления. Поэтому форма настоящего времени, как правило, выступает в несовершенном виде при выражении одновременности действия с моментом речи /идет, идет и т.д./.. Вместе с тем еще Э. Кошмидер преду-

вряд ли, что "не каждое настоящее, которое предполагает, что в момент речи мы находимся в какой-то точке в пределах временного местоположения выражаемого факта, отвечает на вопрос "что это ты делаешь?" /9/135/. Он обратил внимание на случаи коинциденции, когда "слово, которое произносится, как раз и есть само обозначаемое действие" /там же/169/, и наряду с несовершенным видом в таких ситуациях может употребляться совершенный вид: ср. "Пропу/попрошу билеты для контроля"; "Знаешь ли, что я тебе предлагаю/предложу? Поедем-ка вместе в лес"; "Ты правильно поступил, - вот что я тебе говорю/скажу" и под. Коинциденция предполагает использование совершенного вида, так как начальный и конечный моменты произнесения глагола (речи) совпадают с начальным и конечным моментами обозначаемого им речевого действия. Это позиция нейтрализации видов, при которой несовершенный вид употребляется в номинативной функции, без аспектуальных признаков. Хотя совершенный вид здесь не является футуральным, он полностью не теряет признака будущего: коинцидентный совершенный вид всегда модально окрашен оттенками намерения, возможности, желания (хочу, мог бы сказать и др.). Напротив, коинцидентный несовершенный вид актуален, категоричен и потому более эмфатический. Видимо, этой модальной разницей между видами объясняется тот факт, что ряд глаголов употребляется при коинциденции только в несовершенном виде: приказываю, клянусь, требую, приному пишу, убеждаю вас и др. Это касается прежде всего перформативных высказываний, сферой которых, по определению Э. Бенвениста, является область распоряжений (актов) власти (объявления, постановления, назначений и под.) и личных обязательств говорящего /1/306 и далее/. Обычно в синонимии видов при коинциденции участвуют глаголы речевого сообщения: говорю/скажу, предлагаю/предложу, советую/посоветую, подчеркну/подчеркиваю и некоторые др. Но не только они: АГ-1970 приводит следующие примеры: "Пропущу отдельные эпизоды и перейду к главному. Возвращусь к теме беседы. Этой мыслью мы и закончим нашу статью. Вернемся к прерванному сообщению".

Полностью одновременными с моментом речи могут быть не только изолированные действия, но и последовательные. Последние выступают при непосредственном восприятии реально сменяющихся действий (например, при спортивных играх), что

выражается так называемым настоящим репортажа. В настоящем репортаже обозначение действий совпадает с самим их совершением и фиксирует их в момент завершения (направленности в прошлое), так что при нем невозможно употребление формы настоящего-будущего.

Иную ситуацию представляет "репортаж" о чередующихся действиях в момент их восприятия: "Посмотрите, что делает заяц: то вскочит, то ляжет, то перевернется, то поднимет уши, то прижмется". Это пример К.С. Аксакова - А.М. Пешковского, который интерпретировал его как выражение одновременности обозначения процесса со временем совершения самого процесса /13/110/ и назвал такое настоящее "мгновенным настоящим", добавляя, что здесь "нет ни на йоту будущего времени" /13/213/. А.В. Бондарко, вопреки явному конкретному характеру данной ситуации, отнес ее к абстрактному настоящему /2/220/, но правильно заметил, что к настоящему времени момента речи прикреплена вся совокупность актов повторения ряда действий /2/221/, т.е. кратность соотносительно-чередующихся действий. А.М. Пешковский, говоря об отсутствии в данном случае будущего времени, видимо, имел в виду значение грамматического будущего, ибо явные признаки будущего при кратности любого действия в настоящем всегда присутствуют, в том числе и соотносительных действий. Но действительно: возможность замены в приведенном примере формы настоящего-будущего формой настоящего несовершенного, а не будущего, свидетельствует о том, что в нем употреблено значение настоящего совершенного в позиции нейтрализации видов.

II

Мы считаем, что функционально-временное различие между значениями будущего простого и будущего сложного все же существует в русском языке. Оно опирается на исторически сложившиеся формы будущего двух видов: форма будущего простого является синкретичной формой настоящего-будущего, форма будущего сложного восходит к буду в значении становления, начинательности. Поэтому форма будущего сложного представлена несовершенным видом инфинитива и указывает, как справедливо пишет Н.С. Поспелов, "на более раннюю ступень в осуществле-

нии глагольного действия во времени" /14/243/. Это означает, что форма будущего сложного относится действие после момента речи, не затрагивая плана настоящего и может обозначить приступ к действию (ср. поужинаем и будем ложиться). Что касается возможности употребления формы будущего сложного по отношению к реально осуществляющемуся действию (типа: как долго ты будешь еще сидеть здесь?), то здесь нет никакого противоречия с парадигматическим значением данной формы. Во-первых, на связь будущего действия с планом настоящего указывает не сама форма, а только лексические или грамматические средства контекста /ср. еще, говорю и буду говорить/. Во-вторых, в таких случаях выражается не переход осуществления разового действия с завершительным моментом из плана настоящего в план будущего, что может быть при употреблении будущего простого, а длительное продолжение действия после момента речи как следствие новой "порции" действия во времени; т.е. действие настоящего проецируется и во временной период после момента речи (как бы I+I). Вот почему действие в подобных контекстах характеризуется значительной длительностью и лексическими показателями типа "долго", "еще долго", которые оценивают длительность его после момента речи с учетом длительности в настоящем. Ср. примеры, приводимые А.А. Фуксман /17/: "Она была довольна тем, что ее сыночек никуда не поедет и еще целых четыре года будет жить в родной семье" (Грудзинский. Повесть о студентах). "Еще целых четыре года" указывает на прибавление четырех лет после момента речи к предшествующей длительности. "Вы, Любаша, всю жизнь будете играть роль сестры милосердия?" (Горький. Жизнь Клима Самгина). Смысл фразы заключается в том, что вся жизнь включает часть жизни и после момента речи. "Уже по дороге домой он рассердился на себя: до какой поры будет он скрывать свое истинное я" (там же) — до какой поры после момента речи. "Он будет жить" (в значении будет живым) выражает продолжение жизни после момента речи, а не включение в план расширенного настоящего.

В отличие от формы будущего сложного форма будущего простого без контекстуальных показателей может быть отнесена к ситуации уже начатого действия и выражает не длительное продолжение действия после момента речи, а лишь его завершительную фазу: ср. "Я сейчас оденусь". Так что мнение С. Кар-

цевского, В.В. Виноградова, Н.С. Поспелова и др. о функционально-временном различии двух форм будущего времени в русском языке остается в силе.

III

В начале статьи мы уже говорили, что презентная форма ряда глаголов в русском языке употребляется по отношению к будущему действию и обычно объясняется как переносная. Однако А.В. Бондарко, сторонник такого объяснения, замечает, что "в настоящем времени намеченного действия формы несовершенного вида не обозначают действия в процессе его развертывания, а лишь указывают на самый факт действия" /2/155/. Это замечание наводит на мысль, что перед нами не переносное употребление форм настоящего времени, так как в настоящем только коинцидентный тип употребления несовершенного вида не имеет процессного значения. Кроме того, А.В. Бондарко все же считает промежуточным и вместе с тем прямым, а не переносным, употребление форм настоящего времени по отношению к будущему в таких примерах, как "Преподаватели уже давно знали, что он уходит из школы..." (Меттер. Обида); "Вашей жене здесь, должно быть, очень тоскливо. Вы уезжаете, а мы уедем сегодня" (А. Толстой. Касатка). Ср. еще: "Ты идешь? - Иду, иду" /действие может быть еще не начатым/. Видимо, выделение промежуточных случаев А.В. Бондарко связывает с отсутствием в контекстах показателей будущего, когда сама форма при ситуации еще отсутствующего действия относит его в план будущего. Но ведь между "Иду, иду" и "Завтра иду в театр" нет никакой разницы в характере представления действия во времени (только одно действие является немедленно будущим, а другое - несколько отдаленным). Особенно затрудняет истолкование формы настоящего времени как переносной в значении будущего те примеры, в которых футуральное значение представлено в прошедшем времени. Ср. примеры А.М. Ломова /II/109/: "Машина, с которой ей надо было ехать, уходила в семь часов" (Симонов. Последнее лето); "Сейчас из презжких осталось только семья одесского учителя по фамилии Бачей - отец и два мальчика... Но и они сегодня покидали дачу" (Катаев. Белеет парус одинокий). Можно привести и другие примеры: "Мы пришли к товарищу,

который на следующий день уехал в командировку"; "Через неделю он выступал в клубе, поэтому сейчас много работает".

Мы склонны иначе интерпретировать рассматриваемое употребление глагольной формы. Нам представляется, что в этих случаях мы имеем дело с нейтрализацией видов, которая влияет на временное значение формы. Перед нами значение настоящего-будущего в форме несовершенного вида: оно, в отличие от будущего несовершенного, но параллельно с настоящим-будущим совершенного, имеет признаки настоящего и будущего без аспектуальной характеристики (ср. широкое употребление формы настоящего времени в значении будущего в немецком и других "безвидовых" языках). Признак будущего представлен в функции отнесения действия после момента речи, признак настоящего — в актуализации действия в акте коммуникации. Ср. "Мне некогда с вами говорить. Уйду через пять минут на собрание", "Вы выходите?" (в трамвае). Актуализация действия в акте коммуникации может принимать разные формы и иметь разные причины. В этом отношении интересны наблюдения А.В. Бондарко над модальным оттенком предписания, договоренности: "Мы с тобой договоримся... Итак, ты сегодня под утро бежишь, оставляешь записку, что все в бригаде Мозгуна нехорошие люди..." (Кочин. Парни); "Думаю, что завтра мы совсем не сможем отправиться в путь. Предлагаю такой план. Таня берет на себя всю поклажу..., а я делаю волокуму, кладу в нее Германа и тату его дальше волоком..." (Осипов. Неприглашенное письмо).

Общим значением настоящего-будущего несовершенного вида можно считать значение предвосхищенного будущего, выраженное предварительно (в настоящем) подготовленное, решенное, запланированное действие, или профетического будущего. С данным значением и связана модальность обязательности, непереносности, а также лексические его ограничения и важность выражаемого им действия для говорящих, о чем убедительно пишет А.В. Бондарко /2/154-155/. В прошедшем времени профетическое значение возникает в силу согласования относительных времен: вместо форм прошедшего времени можно употребить форму профетического будущего в относительно-временной функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
3. Бунина И.К. Система времен старославянского языка. М., 1969.
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.-Л., 1947.
5. Грамматика русского языка. Том. I. АН СССР, 1953.
6. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
7. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
8. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. - В сб.: Новое в лингвистике, III. М., 1963.
9. Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза. - В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
10. Крижикова Е. Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке. ВЯ, 1962, № 3.
11. Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.
12. Маслов Ю.С. Примечания редактора к сб.: "Вопросы глагольного вида". М., 1962.
13. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
14. Поспелов Н.С. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке. - В кн.: Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1955.
15. Потёбня А.А. Из записок по русской грамматике, IV. М.-Л., 1941.
16. Размусен Л.П. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках. - "Журнал Министерства народного просвещения", 1891, июль.

17. Ф о р м а н о в с к а я Г.И. Значение и употребление глаголов настоящего времени в современном русском языке. АКД. М., 1955.
18. Ф у к с м а н А.А. Признак наличия/отсутствия связи с настоящим временем при функционировании форм будущего несовершенного в современном русском языке.—В кн.: Функциональный анализ грамматических категорий. Л., 1973.
19. Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕДАЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В.П. Абрамов

Важное значение в лексической системе русского языка принадлежит глаголам, обозначающим передачу. Они являются предметами предложений, выражающих весьма существенные отношения между субъектом и объектом: непосредственную передачу предметов, дарения, награждения, купли-продажу, передачу и получение информации, обучения, говорения и др. Поэтому рассмотрению этих глаголов, существенно важных в языке, представляется первостепенную важность.

Несмотря на наличие ряда работ [3, 6, 13, 14, 15], посвященных так или иначе глаголам передачи, многие вопросы остаются недостаточно исследованными: не определяются четко границы класса глаголов передачи, не дается последовательное разграничение и определение семантики рассматриваемых глаголов в системе (поле), не определяется на основе системного анализа смысл каждой лексической единицы в пределах данного класса путем последовательного включения единицы в класс и подкласс, с указанием ее синонимических, конверсных и антонимических отношений с однородными единицами.

Классификация глаголов передачи проводится в предложенной статье на основании принципов, разработанных автором в статье "Глаголы передачи в современном русском языке" (принципы структурно-семантического описания). [17].

Современная лингвистика исходит из положения, что наиболее адекватное описание, учитывающее как системные связи элементов, так и их использование, является функциональное описание. Функциональный принцип описания не ограничивается только установлением системы элементов и их иерархии (ergon в понимании В. Гумбольдта), но и показывает эти элементы в их характерных функциях (emergent) [7, стр. 73]. При функциональном подходе факты языка рассматриваются как целостные единицы, синтезирующие элементы разных уровней (формальных и семантических). В качестве целостной функциональной единицы рассматривается ЛСВ, понимаемый как единство формы и элементарного значения (синтаксического и лексико-семантического). ЛСВ как единица описания рассматривается в синтагматическом

и парадигматическом рядах. Такая ее "закрепленность" позволяет вскрыть системные связи на "горизонтальной" и "вертикальной" осях и установить их взаимозависимость.

Класс глаголов передачи образуют глаголы, в составе которых выделяется общая сема (архисема) передачи: /пере/дать = "каузировать кого-то начать иметь что-то". Парадигматический класс определяется как совокупность элементов, обладающих общей семой передачи. На основании оппозиций устанавливаются определенные подклассы глаголов по их характерным значимостям.

В синтагматическом плане единица описания ЛСВ рассматривается в составе модели в двух аспектах: в синтаксическом аспекте определяется состав актантов и их структурная зависимость N_1V пер. N_4N_3 , которая может иметь разновидность вариантов:

- /1/ N_1V пер. N_4N_3 Он передал брату книгу.
- /2/ N_1V пер. N_4N_3 (за N_4) Он продал книгу (своему) знакомому за 6 рублей.
- /3/ N_1V пер. N_4N_3 (по N_3) Он сообщил (эту) новость туристам по радио. И т.п.

В качестве основания для выделения подклассов в лексико-семантическом аспекте принимается характеристика объекта N_4 - содержание передачи.²

Брат передает яблоко сестре. N_4 - "неспециализированный", "немаркированный" предмет передачи.

Он продал книгу за 6 рублей своему знакомому. N_4 - "специализированный" предмет - товар.

Колхоз сдал нам дом в аренду за 20 рублей в месяц. N_4 - "специализированный" предмет аренды.

Он сообщил эту новость студентам. N_4 - "специализированный" предмет - сообщение, информация и т.п.

Объект передачи N_4 , этот важнейший структурный компонент формулы, может быть выражен не только отдельным словом,

¹ где N_1 - субъект передачи, V пер. - глагол передачи, N_4 - объект передачи, N_3 - адресат передачи. (Цифрами указаны падежи: N_1 - им. пад., N_2 - род. пад., N_3 - дат. пад., N_4 - вин. пад.)

² Учет содержания N_4 (его типового значения) позволяет различать подклассы глаголов передачи в тех случаях, когда их дистрибутивные формулы совпадают: N_1V пер. N_4 (товар) N_3 (за N_4) (плата) Он продал книгу своему знакомому за 5 рублей (продажа) и N_1V пер. N_4 (медаль) N_3 (за N_4) (заслуги). Командир вручил медаль "За отвагу" бойцу (награда).

но и оборотом, придаточным предложением изъяснительного типа, прямой речь. Например:

"В Перми Фому ждало письмо от крестного, который сообщал, что Игнат запил с тоски о сыне и что в его годы введено так пить". (А.М. Горький. Фома Гордеев).

Класс глаголов собственно передачи следует отграничить от смежных глаголов семантических полей, которые могут выражать значение передачи, выступая в своей вторичной семантической функции.³ Например: Она нарезала ребятам халвы, и они довольные легли спать (нарезать кому-нибудь имплицитно предполагает - нарезать и дать кому-либо). Сюда мы относим такие слова как нарезать, отгрохать, заказать, свейать, взвесить, отвалить, зевнуть, намежевать, прирезать, наделить и т.д., где потенциально присутствует значение передачи, которое актуализируется текстом. Например: Он заказал нам два билета, и мы с удовольствием сходили в театр. Продавец взвесил ребятам конфет, и они вышли из магазина и т.д.

С другой стороны, мы будем относить также ко вторичной функции те глаголы, которые структурно не соответствуют данной модели, но идея передачи в них присутствует. Значение передачи здесь легко раскрывается с помощью семантической трансформации:

учить кого-то —→ передавать знания кому-то
угостить кого-то —→ предложить, дать что-либо кому-либо

Эта идея передачи обнаруживается с помощью простой синонимизации. Сравним употребление глаголов передачи в первичной функции, которые полностью удовлетворяют структурной формуле и структурно-семантическое употребление глаголов передачи во вторичной функции.

I функция

"Одновременно она преподавала физкультуру в школе ФЗУ, увлеклась живописью и проводила большую воспитательную работу с дошкольниками". (И.А. Козлов. В Крымском подполье).

"Он продолжал состоять на

II функция

"По контракту обязан он был учить меня по-французски, по-немецки и всем наукам". (А.С. Пушкин. Капитанская дочка.)

(учить кого-нибудь = передавать знания кому-либо)

"Завтра я поеду одна, буду

³ В понимании первичной и вторичной функций мы следуем за Е. Куриловичем. /9/.

индивидуальности Витеркеллера, но вместо камлотовых курток и брэк получал уже обыкновенную одежду, в воздаяния за уроки по разным предметам, которые преподавал младшим воспитанникам". (И.С. Турганев. Яков Иасныков).

"Он никогда не видел, чтобы она душилась, но всегда от нее исходил какой-то особый аромат, непохожий на обычные духи, которые он дарил ей". (Д.А. Гранин. После свадьбы).

"Один дал ему деревянную ложку, другой придвинул размоченный сухарь". (К.Э. Станюкович. Максимка).

"Новая власть дала лошадь из имения безавшего богатея Харина, нарезала большой клнн земля". (Ф.А. Абрамов. Братья и сестры).

учить в школе и всю свою жизнь отдаю тем, кому она, быть может, нужна". Э (А.П.Чехов. Три сестры).

(учить кого-нибудь = передавать знания кому-либо).

"Он угостил ее обломком шоколадной плитки, найденной им в ящике стола, куда он зачем-то полез". (Ф. Искандер. Морской скорпион).

(угостить кого-нибудь = предложить давая что-либо кому-либо).

"Уха поспела. Мелентий вылил ее в большую деревянную чашу. Нарезал хлеба. Парни усердно принялись за еду". (В.И. Костылев. Иван Грозный).

(нарезать кому-нибудь = передать что-либо кому-либо).

"Тут, понимаешь, какое дело, — он стукнул твердым ногтем в дно ванночки.

Шахтоуправление отгрохало мне индивидуальный домик".

(А.Н. Волошин. Земля кузнецкая).

(отгрохать кому-нибудь = построить, передать что-либо кому-либо).

Предлагаемая в статье классификация основана на анализе около 10 тысяч словоупотреблений глаголов со значением передачи, извлеченных из произведений художественной литературы, записей разговорной речи, словарей русского языка, а также картотеки Словарного сектора Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР.

Глаголы передачи представляют собой семантическое поле. Его удобно представить графически в виде большого круга. В центре круга помещается общее значение этого класса /пере-дать = "каузировать кого-то начать иметь что-то". Это общее значение как бы пронизывает семантику всех глаголов, образующих соответствующие подклассы и располагающихся в виде секторов круга, обращенных к этому общему значению.

В центре этого большого круга вокруг общего значения располагается малый круг, который представляет глаголы передачи в их "чистом виде с немаркированным (неспециализированным) объектом передачи N₄. Сюда относятся: /пере/дать, вру-

чить, предоставить, добавить и др. За пределами малого круга в соответствующих секторах располагается 9 подклассов глаголов передачи со специализированным объектом передачи N_4 . Эти подклассы не только функционально связаны с глаголами чистой передачи, но и представляют их специализацию:

Он передал ему эту новость и Он сообщил ему эту новость.

Отец передал сыну библиотеку и Отец подарил сыну библиотеку.

В пределах каждого подкласса, включая исходный, немаркированный подкласс, т.е. ядро класса, глаголы образуют определенную структуру в соответствии с принципами основания их дифференциации.

Исследователи глаголов передачи /3, 6, 13, 14, 15/ обычно ограничиваются лишь вскрытием общих синтаксических и семантических закономерностей, не делают различий между первичной и вторичной функциями (а часто и смешивают их), не рассматривают глаголы с точки зрения их компонентного состава, давая только частичную семантическую интерпретацию подклассов.

Компонентный анализ позволяет установить в семантике двух или более слов черты сходства и различия. Он предполагает разложение лексического значения на элементарные смыслы, дифференциальные элементы (сем)⁴.

Сходство и различие единиц в их компонентном составе устанавливается в противопоставлении этих единиц, т.е. в оппозиции. (Предельные составляющие значенки (сем) производятся путем операционного разбиения множества элементов на подмножества. Каждое из подмножеств определяется соответствующим набором сем и противопоставляется другим множествам. Единицы, входящие в данное подмножество, дифференцируются далее, противопоставляясь по семантическим признакам, сти-

⁴ Под семой понимается элементарная единица плана содержания, выделяемая в лингвистическом анализе. Сема отражает объективные различия, существующие в самой действительности. "Каждая сема представляет собой отражение в сознании носителей языка различных черт объективно присущих денотату, либо приписываемых ему данной языковой средой и, следовательно, являющихся объективными по отношению к каждому говорящему". В.Г. Гак. К проблеме гносеологических аспектов в семантике слова. "Вопросы описания лексико-семантической системы языка". Тезисы докладов, часть 1. М., 1971, с. 95.

листической характеристике и другим основаниям.⁵

Как уже отмечалось в статье /I/, подклассы глаголов передачи выделяются на основании характера содержания передачи через функциональную зависимость:

$$V \text{ пер.} = f^{\text{'a'}}(x_1 \dots x_n),$$

где $V \text{ пер.}$ - глагол передачи,

f - функция (зависимость),

'a' - общее значение передачи,

$x_1 \dots x_n$ - аргументы (содержание передачи): x_1 - товар,
 x_2 - предмет аренды, x_3 - содержание сообщения
и т.п.

На основании этого выделяются, кроме ядра семантического поля (неспециализированный предмет передачи), следующие специализированные подклассы:

1) глаголы дарения (дарить, жаловать, презентовать, пожертвовать, преподнести, ниспослать, наделить и др.);

2) глаголы награждения (наградить, вручить, премировать, преподнести, жаловать и др.);⁶

3) глаголы продажи (продать, сбыть, всучить, уступить, отдать, загнать, сплавить, спустить, сбавить, подсунуть и др.);

4) глаголы оплаты и ссуды (платить, ссудить, одолжить, авансировать, вносить, погасить, заложить, начислить, начесть, положить, отчислить и др.);

5) глаголы завешания (завещать, оставить, отказать, отписать, перевести и др.);

6) глаголы пересылки и транспортировки (адресовать, направить, переслать, экспедировать, доставить, нести, везти, пассивать, перебросить, переправить, подвинуть, подметнуть, подставить и др.);

7) глаголы передачи информации по каналам связи (теле-

⁵ О принципах операционного разбора и выделения дифференциально-семантических признаков см. (10, стр. 272-283).

⁶ Ср. значение всучить, и вручить, передать, и передеть. К каждому ГСБ приписывается свое значение. Он передал ему письмо и по телеграфу передал важное известие (сообщение). Почтальон вручил ему повестку и Генерал вручил ему орден (награда).

группировать, моделировать, сигнализировать, радировать, транс-
лировать и др.);

8) глаголы речи: письменной (писать, начертить, начер-
тать, строчить, черкнуть, накатать и др. (и устной) объ-
яснить, доложить, репортовать, выкладывать, рассказывать, из-
ложить, сообщить, донести, плести, болтать и др.);

9) глаголы объяснения (объяснить, растолковать, осветить,
втемяшить, разжевать, вслобить, преподавать, учить и др.).

Рассмотрим подробнее в качестве примера семантического
анализа глаголы двух подклассов.

Глаголы продажи

Приступая к анализу подкласса глаголов продажи и исходя
из положения, что синтагматические и парадигматические свой-
ства глаголов определенным образом соотносены, необходимо об-
ратиться прежде всего к непосредственному анализу текста,
в котором отражаются как общие, так и специфические особен-
ности глаголов продажи.

В подклассе глаголов, обозначающих продажу, содержание
передачи N_4 обозначает специализированный предмет, а имен-
но товар. Поскольку процесс купли-продажи товара неизбежно
предполагает такое важное понятие как цена (и оплата) това-
ра, настолько это часто находит отражение и в самой струк-
турной формуле глаголов этого подкласса, а именно в конст-
руктивном элементе (за + N_4): за 100 рублей, за 40 копеек и
т.д. Поэтому общим признаком "/пере/дать за деньги:, глаголы
продажи и отличаются от других подклассов. Эта архисема и
объединяет все глаголы продажи. Анализ картотеки показывает,
что специфическими синтагматическими параметрами данных
глаголов являются: указание на цену, оплату, (оплату) выше
стоимости, ниже стоимости, полноценного (неполноценного то-
вара, продажи обманым) честным путем, незаметно, насильно
или открыто, продажа всего товара или части его, с согласия
партнера и др.

Обратимся теперь к последовательному рассмотрению групп
глаголов этого подкласса.

Глаголы продать, сбыть, отдать находятся в отношении
синонимии и в основном различаются стилистически. Например:
"Разузнал все Нахом, вернулся к осени домой, стал все
распродавать. Продал землю с барышом, продал двор свой,
продал скотину всю, выписался из общества, дождался

весны и поехал с семьей на новые места". (Л.Н. Толстой. Много ли человеку земля нужно).

Фирма сбыла полностью всю партию нового товара.

"За несколько медных грошей баба отдает "орду" (закупщику тряпья) не только всякую ненужную тряпичу, но часто даже мужнину рубаху и собственную паневу". (И.С. Тургенев. Хорь и Калиныч).⁷

Второй ЛСВ сбыть₂ имеет не официальное деловое, а разговорное употребление и выступает в значении "продать ниже стоимости неполноценный товар". Этот ЛСВ часто употребляется в устойчивых словосочетаниях сбыть с рук.

"Аристон, оставшись опять наедине с Макаром, сказал:

"Ну, слава богу! Кажется, мы выгодно сбыли с рук ненужные нам вещи". (Б.Т. Нарезный. Аристон).

Глагол отдать, судя по контекстам его употребления, выступает в значении "продать ниже стоимости, в убыток".

"Прокофий кричал громко на весь рынок, уверяя, что он отдает мясо по своей цене и даже себе в убыток".

(А.П. Чехов. Моя жизнь).

"Это значит, ты даром отдал лес, — мрачно сказал Левин". (Л.Н. Толстой. Анна Каренина).

При сравнении с нейтральным глаглом продать глаголы всучить и навязать характеризуются наличием таких компонентов как "насиленно", "обманным путем", "незаметно".

"Кроме нужной вещи вам покажут еще весь товар, вместо мыла постарается всучить вам сапоги или зажималку". (Б.П. Чирков. За горами, за морями).

"Ведь вы действительно всучили горьковчанину Н.Б. Герасику холодильник пригодный, как он сообщает, для любой цели, кроме хранения продуктов". (М. Семенов. Будьте здоровы!).

"Купцам выгоден темный человек, ему можно всучить старый товар за высокую цену". (В. Семенов. Отметить день).

"Обходительность и ласковость были не более как средство отвести покупателям глаза, заговорить зубы и всучить тем временем гни-

⁷ Слова, которые в контексте подчеркивают специфические семантические и стилистические особенности того или иного глагола, даются в разрядку. В разрядку даются и слова, которые являются синонимами рассматриваемых глаголов.

л о е, л м н ю ч е е". (Г.И. Успенский. Книжка чеков).

Кроме того, эти глаголы в контекстах их употребления характеризуются дифференциальным признаком "продать неполноценный товар". Например: старый товар, испорченный, негодный и т.п.

Этим глаголам свойственно просторечное употребление.

Синонимичными и стилистическими близкими, однородными являются глаголы сплавить и сбагрить, обнаруживающие дифференциальные признаки "продать неполноценный товар обманным путем, незаметно".

"Девку-ту охотники надувают, сплавляют ей не вышедшие шкурки, брак сплавляют и вводят ее в конфуз и в у бы т о к". (В.П. Астафьев. Еловая ветка).

"Оказалось, что счетовод с нашим бригадиром не одну кобылу списали этак на волков. И быков и коров сплавляли на базары, а в актах писали - волки разорвали".

(В.В. Овечкин. Ошибка).

"Сперва вроде все было хорошо, но с годами Кирьян стал пошквять, наловчился потихоньку сплавлять на сторону кое-что из почтового хозяйства - то моток проволоки, то конскую упряжь". (А. Иванов. Вечный зов).

"Сарненцы, как водится, окружили арбитра, стали апеллировать, чем целиноградцев весьма позабавили. Счет тех устраивал: товар неполноценный сбагровали да еще деньги за него получили - 6250 рублей".

(В. Прохоров. Хитрый финт, газета "Сельская жизнь", 3 декабря 1974).

"Во время мировой войны в погоне за новыми барышами Армор сбагривал четырехлетние яйца и консервированное мясо призывного возраста - в 20 лет!" (В.В. Маяковский. Америка).

В глаголе спустить, обнаруживается значение тотальности. Это значение подчеркивает наличие в контексте местоимения **в с е** и сочетания до конца.

"Иной раз все до последней рубашки и спустят, так что на нем остается сертушка да шинелишка ... Ей богу правда! И сукно такое важное, аглицкое! Рублев полтораста ему один фрак станет, а на

рынке спустит дублей за двадцать". (Н.В. Гоголь. Реци-
зор).

"Я постараюсь продать Кучукой и Гурауф, но это так труд-
но! Разве только с у б ы т к о м и за д е ш е в у ю
ц е н у спустить. Тогда можно продать скоро". (М.П. Че-
хова. Письмо А.П. Чехову).

"Этим коммерсантам или придется мерзнуть около своих
петушков да яичек, или спускать их в п о л ц е н ы, или
поворачивать оглобли домой, а там - милости просим уча-
ствовать в воскреснике". (В.Ф. Тендряков. Падение Ивана
Чупрова).

Глагол подсунуть отличается от просторечных глаголов
сплавить и обгадить своим умеренно-разговорным употребле-
нием. В его семантике обнаруживаются компоненты - "обман",
"неполноценный товар", "незаметно".

"Купцы наши - чистые варвары, сколько я бился с ними в
Архангельске. Первым делом ему нужно г н я л о й товар
продать, - три года будет в р а т ь, божиться, плакать,
подсовывать г н я л ь е, куда и свежее у него не
сгнет". (А.Н. Толстой. Петр Первый).

"В сущности говоря, почти все товары, которыми торгуют в
городах, можно купить и в деревне. Телевизоры ... А де-
ревня стала разбираться. Д р я н ь е й не подсунешь.
Ведь время какое!" (М. Кестев. Поездка в район).

"Да в лавку-то к Ивану Михеичу заезжай, а то другие тор-
говцы как раз о б м а н у т и подсунут не знаю что!"
(Д.Н. Мамин-Сибиряк. Дедушка Семен Степанч).

Значение глагола уступить толкуется в словарях как "про-
дать, оказывая услугу, сбросить часть цены". В его семантике
обнаруживается компонент - "согласие партнера". Этот глагол
употребляется в разговорном языке, что подчеркивается слова-
ми долго уговаривал, высокой цене, за кучку, по восьми дубо-
лей и т.п.

"Какой-то человек со следами былой обеспеченности в лице
и в одежде д о л г о у г о в а р и в а л ее уступить
ему белые по восьми дублей, а подосиновики по шести за
к у ч к у, обещая взять все. Но она не уступала. Грибы
выглядели довольно свежими, потому что она отобрала для
продажи самые крепкие, потом продавала она их по в ы -
с о к о й ц е н е и ни за что не уступала, и люди ду-
мали, что грибы очень хорошие, не червивые, и брали".
(М. Ганина. Дальняя поездка).

Глагол загнать кроме компонентов "полноценный/неполноценный товар" характеризуется признаком "ниже стоимости", но без "согласия партнера" в отличие от уступить, и без компонента "тотальности" в отличие от опустить.

"Значит, полтонны драгоценного провода утекло. Следовательно, отличный и умный молодой человек, сразу все понял. Дело ясное, - говорит. Кто-то из ваших коллег загнал этот дефицитный провод к о л д х о з в н ы м д е я т е л я м. Они, знаете, фондов не получают и вынуждены ловчить". (И. Зверев. На атомной).

"Профессор, знаток Востока, "д а л д у б а", вдова, трехкопеечная дура, все профессорские коллекции загнала з а б е с ц е н о к". (В.Н. Кукушкин. Хозяин).

"Теперь перчатки были ни к чему, и Журка загнал их по д е ш е в к е". (В.Я. Дягилев. Вечное дерево).

"Юра вынул добро из сундука, надел на себя, а свою о д е ж о н к у загнал на базаре и поехал куда глаза глядят". (В.П. Астафьев. Где-то гремит война).

Как видно из контекста, этот глагол используется в просторечном употреблении, подчеркивается такими словами и выражениями как за бесценок, "дал дуба", по дешевке, одежонка и т.п.

Анализ условий употребления рассматриваемых глаголов позволил выделить несколько семантических типов:

- 1) продажа (продать, сбыть₁, отдать).
- 2) продажа неполноценного товара насильно (всучить, навязать).
- 3) продажа неполноценного товара обманным путем (сплавить, сбавить).
- 4) продажа неполноценного товара обманным путем, незаметно (подсунуть).
- 5) продажа товара с согласием партнера (уступить).
- 6) продажа товара ниже стоимости (сбыть₂, загнать).

Анализ текстов, т.е. синтагматических отношений глаголов позволил таким образом определить как общие, так и частные синтагматические (сочетательные) признаки слов рассматриваемого подкласса. Этот анализ дает основание для определения смыслового содержания каждой из единиц в плане их парадигматических отношений, их различных "значимостей", выявленных в оппозиции.

Результаты парадигматического анализа представим в виде

следующей схем:

Семантические дифференциальные элементы (семн) и стилистическая характеристика глаголы продажи; архисема "передать за деньги"	ниже стоимости	выше стоимости	полющенный товар	неполющенный товар	насилуно	обменом (безвозмездно)	все	согласие партнера	стилистическая характеристика
ПРОДАТЬ									
сбыть ₁									оффц.
отдать	+								разговор.
всучить				+	+/-	+			разговор.
навязать				+	+				разговор.
сплавить				+		+			прост.
сбагрить				+		+			прост.
спустить	+						+		прост.
подсунуть				+		+			разговор.
уступить	+							+	разговор.
сбыть ₂		+		+					разговор.
загнать	+		+	+					прост.

Глаголы дарения

Рассмотрим теперь аналогичным образом подкласс глаголов передачи с общим значением "дарить" - "/пере/дать что-то кому-то бесплатно и безвозмездно".

Общим признаком "/пере/дать что-то кому-то бесплатно и безвозмездно" глаголы дарения и отличаются от других подклассов глаголов передачи. Эта архисема объединяет все глаголы дарения.

Глаголы этого подкласса неоднородны по своему характеру. Значение "дарить" наиболее отчетливее выступает тогда, когда содержанием передачи являются конкретные предметы:

"Мы никогда не знаем, кому снисходительно дадим п я т а к на леденцы". (Л.М. Леонов. Русский лес).

"За всю свою жизнь он только дважды дарил д у х и: один раз матери после окончания авиационного училища и второй раз Марии Березковой в день свадьбы". (Г.Семеновичин. Космонавты живут на земле).

"Он был с ней приветлив, в праздник дарил н е с к о л а д н ы е к о н ф е т ы и п л и т к и / "А л е н к и". (В. Орлов. Промсвисташе в Никольском).

"На именины и дни рождения он нам всегда что-нибудь да- рил: сестрам куклы или плюшки, а мне различные п р е д м е т ы с п о р т а". (Н. Морозов. Повести моей жизни).

В некоторых случаях значение конкретности дарения сильно ослаблено, и поэтому его можно определить как действие-результат унаследования от природы, от рождения и т.п. Это проявляется в таких контекстах, как судьба н и с п о с л а л а с ч а с т ь е, природа подарила жизнь, небо покосило дождь и т.п., что связано с древнейшими религиозными представлениями.

Для семантики глаголов дарения характерен добровольный отказ от какой-либо ценности в пользу другого и следующие специфические синтагматические параметры: "/дарить/ в торже- ственной обстановке", "/дарить, "распределяя что-то между кем-то", "добровольно отказываться от ценности в пользу дру- гого", "получить какие-то черты от природы", в мифологиче- ских представлениях - "как дар неба" и др.

Обратимся к синтагматическому анализу глаголов. Глаголы дарить, предподносить, презентовать, давать, даровать, на- ходятся между собой в отношении синонимии и различаются в основном стилистически:

"Ну, а мы были народ замечательный, снабжался по-фронтowo- му, денег не тратали, - мы этим ребятам кое-чего подки- нули. Удалили им из пайка своего сахару, жиров, консер- вов ... Купили и подарили детдому двух коров, лошадку с упряжкой, свинью с поросятами, птицы всякой, курей, пе- тухов, ну и всего прочего - одежды, игрушек, музыкальных инструментов ... Между прочим, помню 125 пар детских са- лавок им предподнесли. Разадобили елочку. Одних елочных иг- рушек 8 ящиков доставляла". (Л. Пантелеев. Избранное).

"Он вдруг наклонился, бережно сломал ветку и ц е р е - м е н н о предподнес ее Тае". (Б. Горбатов. Обыкновенная Арктика).

"Когда Васко де Гама возвращался из Индии, султан Мединби преподнес ему кусок амбры, окованный серебром. Этот подарок предназначался королеве Португалии". (П.А. Сажин. Капитан Кирбаев).

Хотя для глагола преподносить мы в контекстах наблюдаем, что подарок делается по какому-либо (знак уважения, признательности, чувства и т.п.) торжественно. Как видим, глагол преподносить в отличие от дарить, употребляется в контекстах в официальной обстановке, когда преподносят подарок от имени, по получении и т.п. Ср. еще:

"Товарищ Кизяев от имени администрации и общественности серебрянный подстаканник на память преподнес. Мне как будто бы что? Силу дома, пью "краснодарский" чай из даренного подстаканника". (С. Нармьяни. Тихий человек).

"Уговорились, что подарки вручим после торжественного вечера, когда пойдем провожать дедушек домой. Я первый раз преподношу подарок, и мне очень хочется, чтобы Нина взяла его". (Б.М. Зубавин. За Роговской заставой).

Что же касается глагола презентовать, то он употребляется с ироничным или критическим оттенком в разговорной речи:

"А вот эти фи́ги мне Эпо-папа презентовал. Эпо-то за что же вам подарки делает?" (М.Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия).

"Куда же вы потом с этими консервами? Как куда? Продать. Помилуйте, да с руками оторвут, если на охотника. Первый отец Михай. Ну ему, конечно, я даром презентую". (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Все мы хлеб едим).

"По крайней мере, чановники, которые в Крутогорске плодятся непомерно, считают неременной обязанностью купить на базаре елку и, украсив ее незатейливыми сюрпризами домашнего приготовления, презентовать многочисленным Ванькам, Машенькам, а иногда и просто Ванькам и Машкам". (М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки).

В XIX веке в обиходно-бытовой речи употреблялось в качестве синонима устаревшее к тому времени слово хваловать в значении: выражая свое расположение, признавая заслуги, да-

рять что-либо низкостоящему лицу. А.А. Потемкин замечает по этому поводу: "Глагол жаловать обозначает действие любви (ср. синонимичные слова милловать-жаловать, из которых последнее и теперь еще местами значит любить), подарок, но никак не законное вознаграждение, не *legitimum vadium* не следствие договора двух лиц". /12, стр. 145/.

"Купцы и офицеры вызывают сичачей на единоборство, держат пари и сыплют в толпу серебро и бумажки, поощряют, жалуют". (Н.Г. Помяловский. Поречане).

"А у вас здесь, я вижу, перемена, занавески вот. Да-с, занавески; Николай Петрович нам их пожаловал". (И.С. Тургенев. Отцы и дети).

В приподнятой, торжественной речи употреблялось слово даровать в значении: дарить кому-либо что-либо.

"Потом он обратился к Марье Ивановне и сказал ей ласково: "Выходи, красная девица: дарую тебе волю. Я го-суда-рь". (А.С. Пушкин. Капитанская дочка).

Глагол наделить, выступает в двух ЛСВ: наделить₁ - "давать что-то распределяя между кем-то":

"Он сказал: "Если вы сдадитесь, Советская власть наделит вас землей, скотом и всем что вам нужно в хозяйстве". (Н.Н. Никитин. Это было в Коканде).

"Вечером он уезжал, унося с собой сухари, которыми наделили его матросы". (К.Э. Станникович. Морские рассказы).

И наделить₂ - "как действие-результат унаследования от природы". Субъектом передачи здесь могут быть: власть, природа, государство, учреждение и т.п.

"Ей еще предстоит стать человеком. Еще неизвестно: что в ней заложено, наделила ли ее природа большим умом или особым талантом?" (В.Ф. Тендряков. Короткое замкание).

Для глагола жертвовать характерна сема "добровольный отказ от своей ценности в пользу другого". Это значение особенно часто реализуется в ситуации, вызванной стихийным бедствием, тяжелым положением и т.п.

"А.П. Чехов всю свою большую прекрасную библиотеку пожертвовал городу, оставив себе книги только для личного употребления". (Т.Л. Щепкина - Куперник. Театр в моей жизни).

"Начал я с того, что решил пожертвовать в пользу голодающих пять тысяч рублей серебром".

(А.П. Чехов. Кена).

"Я считал: мать никуда не денется, в трудную минуту поможет, последним пожертвует ради меня". (Ю. Додолев. Верю).

Глагол ниспослать в мифологических представлениях значит: "дать (послать) небесный дар" и отличается от других глаголов данного подкласса характером субъекта передачи. Субъект передачи представлен здесь такими именами как судьба, бог, рок и т.д. Глагол ниспослать содержит непродуктивную приставку нис- книжную, старославянскую по своему происхождению. Эта приставка указывает на движение сверху вниз, акцентируя указанное выше значение (ср. низвергнуть, низзодить, низложить, ниспадать, ниспослать и т.д. Глаголы эти свойственны высокому торжественному стилю, а также стихотворной речи; для современного языка они являются уже в значительной степени устаревшими. /6, стр. 589/.

"Приди, я жду тебя: здоровья дару благой

Мне снова ниспослали боги,

А с ним и сладкие тревоги,

Любви таинственной и жалости молодой".

(А.С. Пушкин. Выздоровление).

Таким образом, вышеизложенное можно представить в следующем виде:

Семантические дифференциальные элементы (семи) и стилистическая характеристика глагола дарения; архисема, "передать безвозмездно"	торжественно						отличительная характеристика
	2	3	4	5	6	7	
ДАРИТЬ							
преподносить	+						
презентовать							кутл.- прон. (разг.)
жаловать							устн.

1	2	3	4	5	6	7
даровать						уст. (внс. стьяль)
наделить ₁		+				устн.
наделить ₂			+			устн.
жертвовать				+		книж.
ниспослать					+	устн.

Суммируя результаты анализа глаголов передачи двух подклассов, можно представить их семантические отношения в следующей схеме:

ПРОДАТЬ (v пер.)

Syn.:

сбыть₁

отдать
всучить
навязать
сплавить
сбагрить
спустить
подсунуть
уступить
сбыть₂
загнать

Anti-Conv.:

купить
приобрести
брать
схватить
взять (разг.; прост.)

и их другие экспрессивные синонимы

Sem. Der.:

перепродать
допродать
распродать
пораспродать
недопродать

перекупить
докупить
купить (все)
-
недокупить

ДАРИТЬ (v пер.)

Syn.:

преподнести
презентовать
жаловать
даровать
наделить₁
наделить₂

Anti-Conv.:

получать
принимать
брать
получать (ст. от природы)

и их другие экспрессивные синонимы

жертвовать
одарить
ниспослать

Сем. Der. :

подарить
задарить
надарить
передарить
раздарить

получить
получить (много)
набрать, напослать
получить (все)

Анализ показывает, что отношение между глаголами "передачи", "дарения" и "получения" (их конверсивами) не вполне симметрично: первые представлены большим количеством семантически и стилистически различных единиц, в то время как глаголы, обозначающие процесс получения, сравнительно меньшим количеством единиц. Это отношение несимметрично в пользу глаголов, обозначающих передачу (продажу и др). Это объясняется тем, что продажа в отличие от купли (получения) объективно является более сложным и активным процессом, требующим проявления воли, настойчивости и усилий.

ЛИТЕРАТУРА

1. А б р а м о в В.П. Глаголы передачи в современном русском языке (принципы структурно-семантического описания)/в печати/.
2. А п р е с я н Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
3. Б е л к и н а З.В. Семантический анализ глагольной лексики "давать" в сопоставлении с немецкими и французскими эквивалентами. Автореферат канд. дисс. Воронеж, 1972.
4. В а с и л ь е в Д.М. Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971.
5. Г а к В.Г. К проблеме гносеологических аспектов в семантике слова. - В сб.: Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов, часть I. М., 1971.
6. Грамматика русского языка, т. I. Изд-во АН СССР, М., 1953.
7. Г у м б о л ь д т В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода. - В кн.: В.А. З в е г и н ц е в. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. М., 1960.

8. Д у б р о в с к а я Л.А. Структура предложений с эд-ативно-адъективными глаголами. Канд. дисс. М., 1975.
9. К у р и л о в и ч Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
10. Л о м т е в Т.П. Общее и русское языкознание. М., 1976.
11. Н о в и к о в Л.А. Антонимия в русском языке. М., 1973.
12. П о т е б н я А.А. Из записок по русской грамматике, т. I, Харьков, 1888.
13. Ф о м е н к о Ю.В. Деструктивные глаголы в русском языке. Вопросы лексикологии русского языка. - Научные труды Новосибирского гос. пед. института, вып. 27. Новосибирск, 1971.
14. Ф о м е н к о Ю.В. Глаголы русского языка, объединяемые семой передачи. - В сб.: Проблемы русской лексикологии. Научные труды Новосибирского гос. пед. института, вып. 137, Новосибирск, 1977.
15. Х о м у т о в а Е.В. Глаголы со значением передачи и приобретения значений в научном языке современной физики. Канд. дисс. М., 1972.

ДИСТРИБУТИВНО-СУММАРНЫЙ СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА

М.А. Шелякин

К дистрибутивно-суммарному способу действия относятся продуктивный словообразовательный класс глаголов с приставками пере- и по-, а также ряд образований с приставками раз- и о-: перемить всю посуду, побросать все лопаты, раздарить все книги, опросить всех студентов. Дистрибутивно-суммарный способ действия образуется от предельно-результативных глаголов несовершенного и совершенного вида и грамматически характеризуется преимущественной одновидовостью, за исключением глаголов с приставками раз- и о-.

Специально исследовала данные глаголы (с приставками пере- и по-) в русском языке словачкии языковед Э. Секанинова. Она определила их значение как указание на "распределенность глагольного действия, которое охватывает постепенно объект или исчерпывает субъект в его множестве или полностью" (2/473), и выделила следующие типы их синтаксической интенции: а) для переходных глаголов - $S_{\text{sing.}} - \text{pFV} - \text{OpI}$, $\text{SpI} - \text{pFV} - \text{OpI}$, $\text{SpI} - \text{pFV} - O_{\text{sing.}}$, ср.: он переписал все дрова, они переписали все дрова, все дети перечитали эту книгу); б) для непереходных глаголов - $\text{SpI} - \text{pFV}$, ср.: все дети переболели, сыновья переженались.

Таким образом, дистрибутивно-суммарные глаголы предполагают форму множественного числа либо объекта, либо субъекта действия. При этом форма множественного числа имеет дистрибутивно-суммарное значение, поэтому она характеризуется или словами типа "все" и его синонимами в значении полной исчерпанности, или "много" и его синонимами в значении большого количества предметов. Вместо формы множественного числа могут выступать собирательные существительные, обозначающие множество однородных предметов (типа "отряд", "белые" и под.).

Ср. "Он пересмотрел десятки домов" (А. Толстой); "Немало я дум передумал с друзьями в далеком крае" (Исаковский); "Я много передума и испытал" (Гончаров); "Все переговорили, Илья Ильич, нечего рассказывать" (Гончаров) и под.; "Отряд карателей был почти полностью перебит. Трупы палачей крестьяне

побросали со скалы в горный поток" (Б. Полевой); - Сколько, брат, она добра перегношла - страсть!" (Салтыков-Щедрин); "За полтора года гражданской войны семеновцы и казаки перекололи на мясо весь скот" (Садык).

Дистрибутивная суммарность объектов или субъектов может быть также выражена сочетанием форм множественного и единственного числа, ср. "(Отец) чуть не прибил мать мою, разогнал детей, переломал кисти и мольберт" (Гоголь).

Признак последовательной распределенности действия по отношению к объектам или субъектам обнаруживается в адвербиальных показателях типа "один за другим". Ср. контекстуальное раскрытие дистрибутивно-суммарного осуществления действия: "Еще вечером я решил сам перевить все чалки ... Я повесил два мотка на гвоздь и без перерыва вил чалки одну за другой" (Гладков); "(Уланбекова): Одного прости, другого прости, так весь народ перебалуеть" (А. Островский); "Она обо всем передумала ... Куда девались другие машины медсанбата? Где Тихон Николаевич, Раиса Сергеевна, Тамара, остальные врачи и сестры?" (Шолохов-Синявский). Ср. также употребление дистрибутивно-суммарных глаголов с приставкой по-: "(Тунгус) отпряг их (собак) и, одну за другой; побросал с утеса" (Гончаров); "(Бумбарам) дал им по куску сахара, и они тотчас же молча один за другим повывлетали за дверь" (Гайдар); "(Из экипажей) торопливо повывскакивали Горемыкин, Кайзель, Бериннини и двое неизвестных лиц" (Мемин-Сибиряк).

Относительно образований с приставкой по- от основ несовершенного и совершенного вида среди лингвистов нет единого мнения о наличии в них признака последовательного осуществления действия. Одни считают, что глаголы типа повыскокочить-повыскакивать, повытопкнуть-повытопкивать синонимичны (I/267). А.И. Чижик-Полейко и В.В. Титовская, напротив, полагают, что эти пары, несмотря на их общий совершенный вид, "грамматически синонимичны", так как "в первом типе форм множественное значение вторичной приставки более автономно по отношению к семантике основы глагола, благодаря этому в форме "позакрыв" эмоциональная окраска глагола более отчетлива. В формах с вторичной приставкой, присоединяемой к основе несовершенного вида (позакрывает), лексическое значение приставки несколько теснее связано со значением основы, оно ослеплено грамматическим значением совершенного вида, сообщаемого глаголу вторичной приставкой" (4/I46). К.А. Тимофееву

не представляются убедительными обе точки зрения. Различие глаголов типа "повыскачить-повыскакивать" он истолковывает как противопоставление надлительности/длительности, одностайности/многостайности, необозначенной последовательности/выраженной последовательности действия в рамках современного вида (37/29 - 30).

Дистрибутивно-суммарное значение всегда предполагает признак последовательности, поочередности действия, независимо от приставки и характера образования. Поэтому в одном и том же контексте могут употребляться дистрибутивные глаголы с приставками пере- и по-: "Сыновой Евпраксия Михайловна ... переженила, дочерей за хороших людей замуж повыдала" (Мельников-Печерский); ср. контекстуальное раскрытие дистрибутивного действия, обозначенного приставкой по-: "Сколько она их крепилась, - от самолёба и неохоты, все же Кузьма Кузьмич повыспросил у нее почти все: об отце, ... о муже, ... о сестре Кате" (А. Толстой).

Дистрибутивно-суммарные глаголы как с приставкой пере-, так и с приставкой по- не сочетаются с адвербиальными показателями типа "вместе", "все сразу", "одновременно": ср. невозможность сочетаний "все сразу, одновременно, вместе повыбежали на улицу". Однако если дистрибутивно-суммарный глагол образован от основы несовершенного вида, признак последовательности, поочередности совершения действия представлен стилистически, видимо, более наглядно. Поэтому подобные образования часто употребляются в контексте с глаголами несовершенного вида: " - Вас дома дети ждут, внучки за воротами небось стоят теперь, уже навстречу повыбежали" (М. Вовчок); "Марья металась около своей избы, плача, ломая руки..., хотя повар был далеко, на другом краю; вышел Николай в валенках; повыбежали дети в дубашонках" (Чехов); " - Они на войку даже не собираются. А вам уже шивеля выдавали" (Сергеев-Ценский). Таким глаголам свойствен более описательный характер употребления, но в связи с тем, что "изучение материала подсказывает вывод об абсолютном преобладании в глаголах со сложением приставок образований от основ совершенного вида" (А.И. Чикал-Полейко и В.В. Титовская, 65/131), вряд ли в современном русском языке указанная стилистическая особенность глаголов с приставкой по-, образованных от основ несовершенного вида, является актуальной. Скорее всего такие глаголы принадлежат разговорному языку, имея нередко просто-

речный характер.

Дистрибутивно-суммарные глаголы с приставкой пере- образуются от следующих групп производящих основ:

а) Переходные и непереходные квалификативные* глаголы:

бедить-перебедить, чернить-перечернить, синить-пересинить, желтить-пережелтить, золотить-перезолотить, комкать-переконмкать, лудить-перелудить, брить-перобрить, стричь-перестричь, мочить-перемочить, сушить-пересушить, маслить-перемаслить, марать-перемарать, копить-перекопить, валить-перевалить, пакостить-перепакостить, пачкать-перепачкать, мять-перемять, душить одеколоном-передушить одеколоном, крахмалить-перекрахмалить, красить-перекрасить, лакировать-перелакировать, мазать-перемазать, мыть-перемыть, полоскать-переполоскать, сляпывать-пересляпывать, стирать-перестирать, чинить-перечинить, чистить-перечистить, гладить-перегладить, утюжить-перетужить, грязнить-перегрязнить, смолить-пересмолить, солить-пересолить, строгать-перестрогать, тесать-перетесать, тесать-переточить, тупить-перетупить, шлифовать-перешлифовать, ливать-переливать, графить-переграфить, грунтовать-перегрунтовать, тушить овощи-перетушить овощи, мостить-перемостить, студить-перестудить, портить-перепортить, штукатурить-перештукатурить, брызгать-перебрызгать, волновать-переволновать, полошить-переполошить, заразить-перезаразить, смешать-перемешать, калечить-перекалечить, веять-перевеять, цедить-перecedить все молоко, мести пол-перемести пол, жарить-перезарить, парить-перепарить, лечить-перелечить, крестить-перекрестить и т.д.: гложуть-перегложуть, сохнуть-пересохнуть все цветы, черстветь-перечерстветь, мокнуть-перемокнуть, ливать-переливать, ржаветь-перержаветь и др.

б) Переходные и непереходные деструктивные глаголы: колоть-переколоть все дрова, пилить-перепилить, ломать-переломать, рубить-перерубить, рвать-перервать, драть-передрать, пороть-перепороть, гноить-перегноить, гасить-перегасить, колоть-переколоть всю посуду, бить-перобить все стаканы, палить-перепалить, жечь-перезжечь много дров, топтать-перетоптать, ранить-переранить, резать-перерезать, рубить-перерубить отряд противника, травить-перетравить всех крыс, глушить-переглушить всю рыбу, губить-перегубить; давить-перedaвить, душить-передушить, морить-переморить, топить-перетопить много кораблей, стрелять-перестрелять, вешать-перевешать, крошить-перекрошить, толочь-перетолочь, и т.д., дохнуть-передохнуть, гибнуть-перегибнуть, колеть-переколеть, топать-перетопать, гаснуть-перегаснуть огни во всех домах, гнить-перегнить, трескаться-перетрескаться, лопаться-перелопаться и под.

в) Глаголы со значением действий, направленных на приобретение, получение объектов: брать-перебрать много подарков, занимать-перезанимать, удить-перелудить всю рыбу, ловить-переловить, хватать-перехватать все книги, черпать-перечерпать всю воду, доить-перелодить, красть-перекрасть, таскать-перетаскать, вербовать и перевербовать и под.

г) Глаголы со значением действий, направленных на пере-

* Под квалификативными глаголами мы понимаем глаголы со значением наделения каким-либо качеством или приобретения какого-либо качества.

мещение объектов в определенное место: бросать-перебросать все камни в воду, возить-перевозить, гнать-перегнать, двигать-передвигать всю мебель, катать-перекатать все бочки в подвал, метать сено - переметать все сено, пихать-перепихать все вещи в чемодан, сажать-пересажать всех людей в машину, совать-пересовывать все белье в ящик, толкать-перетолкать всех в коридор, таскать-перетаскать все бревна во двор, носить-переносить всех больных, швырять-перешвырять все окурки за окно, вешать-перевешать все белье, прятать-перепрятать, хоронить-перехоронить, водить-переводить всех приятелей к себе, падать-перепадать все книги на пол и др.

д) Глаголы со значением наделения объекта каким-нибудь предметом: метить-переметить все белье, клеймить-переклеймить всех овец, нумеровать-перенумеровать, штемпелевать-перештемпелевать все пакеты, ковать-перековывать, седлать-переседлать всех лошадей, обшивать-перешивать всех раненых, мазать-перемазать все раны, вычищать-перевычищать всех лошадей, крыть толем - перекрыть толем все крыши, кутать-перекутать всех детей, стлать-перестлать все постели и др.

е) Глаголы со значением скрепляющего действия: шнуровать-перешнуровать все ботинки, вязать-перевязать все вещи, пеленать-перепеленать всех детей, клеить-переклеить все бумаги, паять-перепаять все кастрюли, клепать-переклепать все цепи, штопать-перештопать все чулки и др.

ж) Глаголы со значением действий, направленных на изменение, учет и оценку объекта: вешать-перевешать все муку, мерить-перемерить, считать-пересчитать всех присутствующих, пробовать-перепробовать все продукты, трогать-перетрогать все игрушки, шупать-перешупать весь материал, нюхать-перенюхать все цветы, браковать-перебраковать все товары, сортировать-пересортировать все фрукты и др.

з) Глаголы со значением действий, направленных на установление отношений между лицами: знакомить-перезнакомить, дружить-передружить бывших соперников, мирить-перемирить, ссорить-перессорить, женить-перезенить, венчать-перевенчать все пары, сватать-пересватать и др.

и) Глаголы со значением действий, направленных на расхождение вещественного объекта: перепечь все тесто, перепрясть всю шерсть, перекрутить весь шелк, пересучить всю пеньку, перекрыть весь материал и др.

к) Глаголы насильственного физического воздействия: драть-передрать, пороть-перепороть, сечь-пересечь, хлестать-перехлестать, стегать-перестегать, драться-передрасться и нек. др.

л) Глаголы со значением сообщения: говорить-переговорить (все новости), шептать-перешептать, спросить-переспросить и др.

м) Глаголы речевого воздействия: бранить-перебранить всех соседей, дугать-передугать, смеяться-пересмеяться, хвалить-перехвалить всех учеников подряд и нек. др.

н) Глаголы со значением чувственно-направленного (познающего) восприятия и направленной психической деятельности: смотреть фильм - пересмотреть все фильмы, глядеть-пере-

глядеть, слушать-переслушать все оперы, читать-перечитать все книги, решать-перерешать все задачи, испытать-перейспытать много радостей и нек. др., ср. также: забыть-перезабыть все.

Приведенный перечень производящих основ дистрибутивно-суммарных глаголов с приставкой пере- позволяет сделать вывод о том, что их словообразовательные связи распространяются почти на все предельнорезультативные глаголы, за исключением четырех семантических групп, а именно - конструктивных глаголов, глаголов со значением передачи объектов, перемещения субъекта и отделения объекта от чего-либо (рвать зуб, драть корни).

Только несколько дистрибутивно-суммарных глаголов образовано от неопределенных глаголов: бывать-перебывать (во всех городах), плавать-переплывать (на всех судах).

Приводимые словарем под редакцией Ушакова образования "перестроить" (построить все, много чего-либо), "перелепить" (сделать лепкой что-нибудь в большом количестве), "переработать" (сделать, сработать все, много чего-нибудь) не указываются другими словарями. Пожалуй, только три глагола с приставкой пере- (перепеть все песни, перетанцевать все танцы, переиграть все мотивы), а также фразеологическое сочетание "все дела переделать" относятся к семантической зоне конструктивных действий.

Глаголы с семантическим признаком "давать также редко сочетаются с приставкой пере- в дистрибутивно-суммарном значении, встречаясь лишь в особых фразовых связях: ср. сколько я ему передал денег в долг! Словари приводят такие образования, как "пересдать" (все комнаты в наем), "перепить всех лошадей", "перекормить всех цыплят", "передарить ему всю библиотеку" и нек. др. Однако они воспринимаются скорее всего как окказиональные. Видимо, отсутствие типичных словообразовательных связей приставки пере- в дистрибутивно-суммарном значении с конструктивными глаголами и другими указанными глаголами объясняется наличием близкого по значению кумулятивного способа действия (типа настроить, надавать), дистрибутивно-суммарных образований с приставками по- и раз- (о чем см. ниже) и многозначностью самой приставки.

Образование дистрибутивно-суммарных глаголов посредством приставки по- подразделяется на образование от бесприставочных и приставочных основ (совершенного вида).

Первый тип образования представлен меньшим количеством

глаголов, чем второй. В большинстве случаев семантическая зона образования первого и второго типа совпадает с семантической зоной образования дистрибутивных глаголов с приставкой пере-, отличаясь только некоторой специализацией. Так, дистрибутивно-суммарные глаголы с приставкой по-, как правило, не образуются от квалификативных глаголов, за исключением "поразбудить всех", "повысохнуть все цветы" и нек. др. Семантическая зона дистрибутивно-суммарных глаголов с приставкой по- сводится главным образом к деструктивным глаголам, глаголам со значением действий, направленных на перемещение объектов или субъектов, на получение, приобретение объектов и др. При этом большинство таких образований является синонимичным образованиям с приставкой пере-, отличаясь разговорной сферой употребления.

Ср. деструктивные глаголы: ломать-переломать-поломать все игрушки, колоть-переколоть-поколоть все дрова, рубить-перерубить-порубить весь отряд, резать (в значении "убивать") -перерезать-порезать всех лошадей, палить-перепалить-попалить все дома, колеть-переколоть-поколоть все коровы, душить-передушить-подушить всех кур, кусать-перекусать-покусать всех ребят, стрелять-перестрелять-пострелять всех, умирать-поумирать (ср. перемереть), убивать-поубивать (ср. перебить), лопаться-перелопаться-полопаться, мерзнуть-перемерзнуть-померзнуть все цветы, клевать-переклевать-поклевать всех кур, гнать-перегнать-погнать весь картофель, ср. также: вымереть-повымереть, обить-пообить все стены, разорить-поразорить, выпарывать-повыпарывать все глаза (ср. перецарапать), разбивать-поразбивать все стаканы (ср. перебить), таять-потаять весь снег, вытоптать-повытоптать весь снег (ср. перетоптать) и др.

Ср. глаголы со значением действий, направленных на перемещение объектов или субъектов: бросать-перебросать-побросать все лопаты, кидать-перекидать-покидать, швырять-перешвырять-пошвырять, совать-пересовать-посовать все в карман, падать-перепадать-попадать, прятать-перепрятать-попрятать, раскидать-пораскидать, разбросать-поразбросать, разложить-поразложить, класть-покласть, забросить-позабросить, лечь-полечь все в кровати, улечься-поулечься, сбросить-посбросить, снимать-поснимать, выкинуть-повыкинуть, вывезти-повывезти, высечь-повысечь, вывести-повывести, разводить-поразводить, выгнать-повыгнать, вылетать-повылетать, вынимать-повынимать, выставить-повыставить, выскочить-повысочить, выползти-повыползти, выходить-повыходить, прибить-доприбить и т.д.

Ср. глаголы со значением "брать-взять": брать-перобрать-побрать, занимать-перезанимать-позанимать, хватать-перехватывать-пыхватать, красть-перекрасть-покрасть, таскать-перетаскать-потаскать, выловить-повыловить, выкрасть-повыкрасть, отобрать-поотобрать, отнять-поотнять, забрать-поразобрать и др.

Ср. глаголы со значением действий, направленных на отделение объекта от чего-либо: оторвать-пооторвать, выдернуть-

повыдрать, выдрать-повыдрать, вырвать-повырвать и др.

Ср. отдельные глаголы: валать-перевалать-повалать всех противников, просить-переспросить-выспросить-повыспросить, забыть-перезабить-позабить, терять-перетерять-порастерять и растерять и др.

И только некоторые глаголы с приставкой по- отличаются семантической зоной от глаголов с приставкой пере-: ср. вставить-повставить, вскочить-повскочить, выдумать-повыдумать, выстроить-повыстроить, написать-понаписать и т.д. (см. также глаголы со значением отделения объекта от чего-либо и перемещения субъекта).

Кроме приставок пере- и по-, в образовании особой группы дистрибутивно-суммарных глаголов участвует приставка раз-. Семантическая зона ее словообразовательных связей ограничивается в основном глаголами со значением приобретения и передачи объектов, а также направленного перемещения объектов: ср. воровать-разворовать весь хлеб, грабить-разграбить, красть-раскрасть, хватать-расхватать, таскать-растаскать, купить-раскупить, дарить-раздарить, дать-раздать, лить-разлить всю воду, класть-разложить все вещи и некот. др. Все они являются литературно-нормированными синонимами к соответствующим образованиям с приставками пере- и по- (перегра-перекрасть, покрасть и под.).

Чем же объясняется одновидовой характер дистрибутивно-суммарных глаголов с приставками пере-, по- и видовая парность глаголов с приставкой раз-? Ср. раздарить-раздаривать, раскрасть-раскрадывать, раздарить-раздаривать и т.д. Правда, некоторые глаголы с приставкой пере- встречаются в несовершенном виде, но они не меняют общей одновидовой картины данных глаголов дистрибутивно-суммарного способа действия, тем более в ряде случаев допуская другое лексическое толкование. Из несомненных имперфективных форм можно отметить лишь следующие: "это было чувство, вследствие которого охотник-рекрут пропивает последнюю копейку, запивший человек перебивает зеркала и стекла без всякой видимой причины" (Л. Толстой); "Адмирал - он ведь нынче против строгих наказаний, а давно ли перепарывал всех марсовых, если работали на минуту позже" (Станкович); "А что это у вас муленек будет - али брат? - спросила Татьяна, осторожно перемывая чашки" (Тургенев); "Не раз переглядывала портреты в венчальной шкатулке" (Лунин); "И с недоумением осматривал я свои зеленые, закоптелые стены, потолок ..., пересматривал всю свою мебель" (Достоевский);

"Чижу было поручено учесть все трофейное имущество, и он ... с утра до вечера перевешивал уголь, мерил канаты, парусину, считал железные листы" (Стопанов); "Осин сидел на Каменной тумбе, перенумеровывая квитанции и расписываясь на каждой из них" (Ильф и Петров); "Чиновник) тыкнул пальцем в угол комнаты, где сидел за столом какой-то старик, перемечавший какие-то бумаги" (Гоголь); "Лука корчует от кустарников, перепаживает, удобряет и уже начали засеивать хорошими кормовыми травами" (Паустовский); "Речь ласковой гостей он заманивает, золото, серебро пересчитывает" (Дермонтов); "Из Балахова да из Новодевичья пшеницу возили, на краснораменских крупчатках Чапурин ее перемалывал" (Печерский).

Сама возможность образования имперфективных форм свидетельствует о том, что причиной их обычного отсутствия в языке является не омонимия с другими значениями приставки пере- (ср. однозначность образований передавать, перекалечить, перезабить, переглодать и др.: словаги дают к ним имперфективные формы, но без текстовых иллюстраций), а семантические особенности приставок пере- и по- в дистрибутивно-суммарной функции. Эти особенности сводятся к подчеркнутой последовательности распределенности действия на каждый предмет всего множества и тем самым к внутренней многократности действия, объединенной признаком исчерпанности или большого количества их объектов. Это приставочное значение соответствует одному из частных значений совершенного вида (называемому также суммарным), которое реально кратное действие представляет в единстве, целостно через общий результат (ср. он несколько раз перечитал письмо и ничего не понял, всего мы провели пять занятий). Следовательно, в случае дистрибутивно-суммарного способа действия можно говорить о лексическом проявлении суммарного значения совершенного вида, как и в случае сативного (набегаться); чрезмернократного (искулигаться), чрезмерно-интенсивного (уездиться), финально-отрицательного (допрыгаться до), накопительного (настроить много домов) способов действия (5).

По сути дела, дистрибутивно-суммарные глаголы с приставками пере- и по- представляют собой видовую параллель к предельным глаголам несовершенного вида в сочетании с показателями дистрибутивно-суммарного характера действия "все, всех", "много", "один за другим, подряд": ср. ломать все стулья один за другим - переломать (все) стулья. Поэтому можно го-

ворить о своеобразных видовых парах на уровне синтагматики глаголов несовершенного вида. Так что само по себе дистрибутивно-суммарное значение не препятствует пониманию его в несовершенном виде, только оно не нуждается в этом, так как соотносительно с контекстуально обусловленным значением бесприставочного глагола несовершенного вида и указывает на исчерпанность кратности действия: такое действие с трудом поддается истолкованию в частных значениях несовершенного вида (конкретно-процессового неограниченно-кратного).

Несколько иной характер проявления действия выражат отнесенные суммарные глаголы с приставкой раз-. Они обращают внимание не на подчеркнутую линейную кратность действия и количественную множественность и раздельность их объектов, а на интенсивное разделение, распределение, "рассеивание" по частям и субъектам собирательного или вещественного предмета. В них представлен в большей мере признак процессуальности с оттенком усмилительности и совершенный вид фиксирует итоговую суммарность без подчеркнутой внутренней многократности. Ср. "Как вспорхнувшие голуби, листовки взлетели над надно расхвастывавшей их толпой" (Кремлев); "Старуха собирала устаревшие замки и относила на базар. Раскупали, моментально" (Горбатов); "Спать фанзы постепенно разграблялись и разрушались, вековые деревья падали ..." (Вересаев); "Когда гости, сытые и довольные, толпились в передней, разбирая свои пальто и трости, около них суетился лакей Павлуша" (Чехов); "Она говорила, выхватывая из чемодана пачки бумаги и разбрасывая их налево и направо" (Горький); "Представилось, что в эту ночь растащили лошадей, сбили замки с амбаров, разорвали сбрю" (Замойский); "Давка открылась на третьей неделе поста, - все туда бросались; ... в один день всю муку раскупали" (Бовчок). Очевидно, что вносимое приставкой раз- значение допускает интерпретацию действия в несовершенном и совершенном виде и не имеет контекстуально выраженной параллели с бесприставочным глаголом несовершенного вида.

К дистрибутивно-суммарному способу действия можно отнести ряд глаголов с лексически сильной приставкой о-: опросить-оправдывать, обшить-обшивать, обездять-обездять, обойти-обходить (все уголки). Они обозначают специфические предельные действия, не совпадающие с действиями исходных глаголов и также не имеющие признака многократности в совершенном виде, чем и объясняется их видовая соотносительность

и обобщая функцию повторяемости их несовершенного вида.

Аспектуальное рассмотрение дистрибутивно-суммарных глаголов наглядно показывает, как тонко реагирует в русском языке категория вида на выражение особенностей проявления действия, даже представленного одним и тем же способом глагольного действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
2. С е к а н и н о в а Э. Префиксальное выражение дистрибутивности действия в словацком и русском языках. У I международного съезда славистов в Праге 1968 (Резюме докладов, выступлений и сообщений), 1968.
3. Т и м о ф е е в К.А. О функциях глагольной приставки пов в русском языке. В сб. - Вопросы языка и литературы, вып. I, ч. I. Новосибирск 1966.
4. Ч и ж и к - П о л е й к о А.И. и Т и т о в с к а я В.В. О глаголах с вторичной приставкой. - В сб.: Труды Воронежского государственного университета, т. 47. Воронеж, 1955.
5. Ш е л я к и н М.А. О терминативно-продолжительных и терминативно-интенсивных способах действия в русском языке. - В сб. Вопросы русской аспектологии, вып. IV. Тарту, 1979.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТИПЫ КРАТНО-СООТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И.П. Кильмоя

Вопрос о кратко-соотносительных конструкциях в современном русском языке как самостоятельное явление до сих пор еще не был предметом специального изучения. Многие советские и зарубежные исследователи затрагивали эту проблему в той или иной степени в основном в связи с изучением функционирования инфо-временной системы русского [3/136-140, 198-210, 215-219; 4/67-68, 101; 8/63-64; 13/238-242; 18/154-193; 19/45-71] или других славянских языков [9/245 и следующие, 10/81-82, 104-110].

Накопленный ценный материал нуждается, однако, в некотором переосмыслении с точки зрения структуры и функционирования кратко-соотносительных конструкций.

Цель настоящей статьи - выявить круг предложений, которыми представлены или могут быть представлены кратко-соотносительные конструкции в современном русском языке, а также наметить некоторые проблемы, связанные с изучением кратко-соотносительных конструкций.

Кратко-соотносительные конструкции привлекали к себе внимание исследователей еще в прошлом веке и прежде всего необычным поведением в них форм времени. К.С. Аксаков, отрицая существование категории времени в русском языке, среди примеров, доказывающих отсутствие будущего, приводит следующие: "Во всякий день проходил у нас однообразно: я подойду к его двери, стукну раза два; он откроет, скажет мне: здравствуй, и потом пойдет со мною вместе". "Посмотрите, что делает заяц: прыгнет и приляжет, прыгнет и приляжет" [2/412-413].

То же отмечает и Н.П. Некрасов, доказывая это положение на основе примеров, среди которых есть и такие: "...Возьмемся за Цыганов. Надеюсь, что брат их перепишет, а ты пришли рукопись ко мне, я доставлю предисловие и, может быть, примеча-

ние — и с дух долой. А то всякий раз, как я об них подумаю, или прочту слово в журнале — у меня кровь портится" [11/131] "Коска обыкновенно притаится где-нибудь и ждет, когда высежит мышь" [11/131].

Однако, как было сказано выше, ни К.С. Аксаков, ни Н.П. Некрасов никак не выделяют эти конструкции в ряду других примеров. Их своеобразие впервые заметил И.В. Киреевский. В письме к К.С. Аксакову по поводу его труда "О русских глаголах" И.В. Киреевский говорит, что в предложении "Всякий день проходил у нас ..." ряд будущих в конце фразы относится не к ее началу, а "к понятию о повторяющемся действии" (к всякий день). "Если бы это был не ряд действий или по крайней мере не два действия, взаимно относящиеся одно к другому, а только одно действие, то хотя бы оно и повторялось несколько раз, но вы не могли бы выразить его формою будущего, когда оно совершалось в прошедшем. Вы не можете сказать: бывало, я подойду к его двери, и этим кончить. Вам непременно надобно прибавить другой глагол, с которым подойду будет взаимно относиться: я подойду, он отворит и тому подобное" [7/106].

Таким образом, И.В. Киреевский замечает, что здесь наличествует ряд повторяющихся взаимно относящихся друг к другу действий, который и обуславливает особенности употребления глагольного времени в подобном предложении.

Л.П.Размусэн, говоря о форме настоящего совершенного, отмечает, что ей приписывается обычно только значение будущего времени, тогда как она употребляется в значении настоящего "для выражения представленных в совершенном виде действий, которые, повторяясь или взаимно чередуясь, обнимают действительный момент представления не каким-нибудь отдельным действием, а повторением (чередованием) таких, например: Смотри, как он пляшет: то в ладоши хлопнет, то ногами топнет" [15/393].

Кратно-соотносительные конструкции стали объектом более пристального внимания в исследованиях Д.С. Маслова [10/81-92; 9/245 и следующие] и А.В. Бондарко [3/198-210, 215-219].

Д.С. Маслов впервые в лингвистической литературе рассматривает кратко-соотносительные конструкции как особый тип синтаксического употребления имперфекта совершенных глаголов в древнерусском языке и выделяет три разновидности этого ти-

на:

1) кратно-парный тип, в котором соотносительность двух (иногда одного и нескольких) многократных действий выступает особенно ярко, будучи подчеркнутой и синтаксическими средствами;

2) кратно-цепной; соотносительность между повторяющимися действиями, составляющими цепь, ощущается слабее, т.к. специально не подчеркивается;

3) кратно-пределный, где соотносительность заключается в том, что имперфект совершенного глагола обозначает кратное действие, каждый отдельный акт которого составил предел для протекания другого действия [10/81].

При этом, как отмечает далее Д.С. Маслов, имперфект глаголов совершенного вида в древнерусском языке в более поздних памятниках чаще всего заменяется настоящим временем глаголов совершенного вида [10/86-88].

Д.С. Маслов считает общими чертами, присущими кратно-соотносительным типам, следующие:

а) во всех трех типах имперфект, образованный от основ совершенного вида, имеет значение повторяющегося кратного действия;

б) во всех типах действие, выраженное формой имперфекта, оказывается более тесно (в I^М и 3^М типах) или менее тесно (во 2^М) связано с другим действием, причем это другое действие или другие действия также оказываются кратными, повторяется весь цикл, вся цепь, вся ситуация;

в) внутренние отношения между связанными действиями внутри цикла, внутри цепи, внутри этой ситуации остаются без изменения в процессе повторения всего цикла, всей цепи, всей ситуации; внутренние отношения эти при употреблении глаголов совершенного вида таковы, что для одного из действий или даже ряда их, или для всех требуется совершенный вид [10/91].

По всей вероятности, мы не можем провести прямую параллель между значением имперфекта от основ совершенного вида в древнерусском и значением совершенного настоящего в современном русском языке, т.к. значение повторяемости действия создается не формой совершенного настоящего, или не только ею, а еще какими-то другими средствами (лексическими, синтаксическими). Несомненно, однако, что эти формы связаны между собой.

В своей известной работе "Глагольный вид в современном болгарском языке" Д.С. Маслов приводит следующее определение: "В целом сложноподчиненное предложение представляет собой двучленную формулу, в которой выражена типичная, регулярная, даже обязательная (разрядка моя -И.К.) связь двух событий, двух действий: одно действие, будучи совершено, став фактом, вызывает второе, и оба действия вместе повторяются неограниченное число раз в период, охватывающий момент речи (определение дается в главе о значении форм настоящего времени - И.К.), или могут вновь произойти в любой данный момент этого периода. Такой тип связи двух действий и вообще такой тип контекста назовем кратнo-соотносительным типом, или для краткости - кратнo-парным типом" [9/245]. Соотносительность повторяющихся, связанных между собой действий может быть выражена и в сложносочиненном или "слитном" предложении или в соподчиненных предложениях - тогда можно говорить о кратнo-соотносительном цепном (кратнo-цепном) типе, где имеется в принципе неограниченный ряд действий, повторяющихся с одинаковой или неодинаковой периодичностью [9/246].

Таким образом, в любой кратнo-соотносительной конструкции имеется некий комплекс повторяющихся действий, более или менее тесно между собой связанных. Именно к такому комплексу действий применительно определение "события как системы, элементами которой и являются действия данного комплекса" [14/118].

Событие, понимаемое как единство противоположностей - вещи и процесса, может считаться элементом мира объективной реальности. Оно означает, что что-то происходит с чем-то в определенном месте и в определенное время. Категория события в разных областях знания имеет существенные специфические оттенки [12/68-69].

По справедливому наблюдению Ю.А. Поташкиной, событие может обозначаться средствами языка либо как нечто целое, нерасчлененное, несистемное, либо как система дифференцированных взаимосвязанных действий, единство которой определяется подчинением функций отдельных элементов задаче функционирования системы в целом [14/119].

Внутренняя временная структура события выражается хронологическими отношениями последовательности, одновременности, чередования между действиями. Существенно при этом то, что

эти действия являются взаимными временными ориентирами друг для друга, т.е. они соотносительны (по определению И.А. Потаниной [14/122]).

На основе вышесказанного можно выделить следующие характерные черты кратно-соотносительных конструкций:

- 1) неограниченная кратность, повторяемость события, выражаемого конструкцией в целом;
- 2) наличие по крайней мере двух взаимообусловленных действий как элементов системы "событие";
- 3) неизменяемость внутренних отношений между действиями внутри события в процессе его повторения;
- 4) временная соотносительность действий как внутренняя временная характеристика повторяющегося события.

Как кажется, причинно-следственными отношениями [9/245] нельзя ограничивать отношения между действиями повторяющейся ситуации, это лишь частный случай отношений в кратно-соотносительной конструкции, поэтому выделять их в качестве характерного признака последней не представляется целесообразным.

Кратно-соотносительные конструкции в русском языке представлены в следующих типах предложений [типы предложений приводятся на основе классификации "Грамматика современного русского литературного языка", М., 1970 (в дальнейшем - АГ-70), в соответствии с которой предложения с однородными сказуемыми относятся к сложным предложениям, поэтому и кратно-соотносительные конструкции не выступают в простом предложении]:

I. Сложносочиненное предложение:

I) сложносочиненное предложение открытой структуры:

а) соединительные, как соизные, так и бессоюзные. Например:

И Баум в таких случаях обыкновенно потребуется вина, выпьет, понимается и загогочет опять на славу. (И.С. Тургенев. Однодворец Овсянников) - между действиями внутри события отношения следования;

И, бывало, посредине спора вдруг звенела вещая струна, открывались дальние просторы, лунные клубились облака.

(В. Дуговской. Прошанье) - по классификации АГ-70, это предложение одновременности со значением прошедшего времени (употреблены формы прошедшего несовершенного, нет лексиче-

ских показателей последовательности действий, отношения чередования тоже не допускаются, т.к. нет соответствующих союзов);

б) разделительные. Например:

То исключался мов, то получался какие-то кедваки вместо гладкой, почти незаметной линии приплавла. (Н. Асанов. Ветер с моря) – предложение чередования;

В тире кто-то изредка постреливал. Иногда после слабенького отрывистого выстрела слышался звон разбитой бутылки или начинал шуметь механизм движущейся мишени. (В. Катаев. Белеет парус одинокий) – предложение взаимосоключения;

2) сложносочиненные предложения закрытой структуры с одним показателем связи между частями:

а) с союзом и

При встрече с ней скажет ей вскользь слова два, и в этих двух словах проглядывает досада. (И. Гончаров. Обрыв) – соединительно-распространительное;

Поживешь вот так, возле смерти, и диковинно становится, на что вся эта мура? (М. Шолохов. Тихий Дон) – результативное;

Бывало, заочу ему ответить – и не смогу слова вымолвить. – (Из устн. речи) – контрастного соединения;

б) с союзом а

Вот так всегда. Наговорят тебе всякой всячины, а потом и начнет мерещиться. (К. Паустовский. Пертенек – пример А.В. Бондарко) – сопоставительное предложение;

Всякий раз он поведоит с соседом, а тот начнет на него всем жаловаться – сопоставительно-распространительное;

в) с другими сопоставительными союзами. Мы не располагаем примерами из художественной литературы, однако, по-видимому, можно представить себе замену союза а в предложении: Наговорят тебе всякой всячины, а потом и начнет мерещиться – на же, например (потом же и начнет...);

г) с союзом но

Бывало, крот сделает перемичку, но под давлением воды она опять разрушится – противительно-ограничительное;

Иногда ночью в степи заметишь неподалеку огонек, но доедешь до него не скоро – противительно-уступительное;

Закат солнца в лесу каждый раз бывает невидим, но после

долго горит и светит в промежутках черных стволов - противительно-возместительное (примеры из АГ-70);

д) возможны и предложения с другими противительными союзами. Так, в предложении: Бывало, крот сделает..., союз но вполне возможно заменить союзом да или однако;

е) связанные конструкции противительно-сопоставительных предложений (конструкции глагольного типа)

Всякий раз он рассказать-то расскажет, но никто ничего не поймет. (Из уст.речи)

Необходимо однако отметить, что кратно-соотнесительные конструкции, выступавшие в сложносочиненных предложениях с союзом но в любой их разновидности, как правило, требуют наличия лексического показателя повторяемости иногда, бывало, всякий или каждый раз и др.

3) предложения с союзами не только ... но и, да и, а именно, то есть и синонимичными им:

а) градационные предложения

Заменяв в предложении "Спит, бывало, исправник, не тужит, а он и людей опросит, и благодарность соберет, и все, как следует, исправит". (М.Е. Салтыков-Щадрин. Губерские очерки - пример А.В. Бондарко) союз и на не только... но и, получим собственно градационное предложение: Спит, бывало, исправник, не тужит, а он не только людей опросит, но и благодарность соберет, и все, как следует, исправит. Ведь вот с тех пор и феклиста не в своем уме: придет да и ляжет на том же месте, где он утоп; ляжет да и затынет песенку ... (И.С. Тургенев. Бакин луг) - усиленное предложение.

II. Сложноподчиненное предложение:

I) местоименно-соотносительные предложения

Кто ест и читает, память зачтает. (В. Даль. Пословицы русского народа) - отождествительное предложение с незаполненной позицией соотносительного слова;

Грех мне, конечно, на Галку сердиться, но иногда и она такое колено загнет, что потом неделю не опомнишься. (И. Семенов. Петровка, 38) - предложение фразеологического типа с союзом что;

Тем, что другого запрешь в сумасшедший, своего ума не докажешь. (Ф. Достоевский. Бобок - пример А.В. Бондарко) - вменяющее предложение;

2) присловные предложения

Иной бывалый сибиряк скажет, что тайга, мол, всегда и приветит, и накопмит, и согрест. (С. Чивилихин. Серебряные рельсы - пример А.В. Бондарко) - изъяснительное с невопросительной придаточной частью;

3) детерминантные предложения:

а) предложения обусловленности

Если испугаешь тетерку и она взлетит, то и самец взлетит. (М. Пришвин.) - предложение усзуального условия, в котором выражены условно-следственные отношения, складывающиеся на основе привычной повторяемости явлений, действий. Это одна из типичных структур, которыми представлены кратно-соотносительные конструкции. В предложениях потенциального условия, например, они встречаются значительно реже:

Также женщины, если полюбят, то уж любят сильно, всем пылом ... (А.П. Чехов. К сведению мужей)

И где бы он ни проходил, куда бы ни заглядывал, степь так и стояла перед глазами. (С. Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды) - уступительное предложение связанной структуры

с усилительно-уступительным значением;

Всякий раз он переворачивает все в комнате, так что не знаешь, где что искать. (Из уст. речи) - предложение следствия;

б) временные предложения

Как синтаксические структуры, специально предназначенные для взаимной временной ориентации действий, явлений, они представлены наибольшим количеством примеров с различными типами соотносительности действий. В дальнейшем перечислении разновидностей временных предложений, в которых выступают кратно-соотносительные конструкции, представляется целесообразным исходить не из средств связи внутри сложных предложений, а из типов отношений между действиями внутри события, как фактора более значимого в данном случае.

А. Предложения с отношениями полной одновременности действий:

Когда же она в сумерках саделась за фортепиано, и забывался подалеке, в темный угол, и слушал ее, и был готов без конца слушать ... (А. Куприн. Нащипс) - значение одновременности создается здесь соотношением форм глаголов несовершенного вида, которые сообщают о действиях, совершавшихся во времени на всем протяжении своего существования.

Кратно-соотносительные конструкции, представляющие собой сложноподчиненное предложение с придаточным времени, в котором выражались бы отношения частичной одновременности, встречаются редко. Для этого, по-видимому, нужны особые условия контекста. Например, настоящее историческое: Бывало, когда он читает, она войдет в комнату и скажет ...

Б. Предложения с отношениями следования.

С союзами недифференцированного значения: когда -

Ранней весной, когда сойдет снег и подсохнет полегшая за зиму трава, в степи начинаются весенние палы. (М. Шолохов. Тихий Дон);

и как -

Я, конечно, отпу верил ... Но первое время, как услышу волчий вой, все равно трепсусь. (К. Паустовский. Записки Ивана Маливина)

С союзами дифференцированных значений: как только -

Потому что каждый день, как только солнышко обогреет, разныряется сильный ветер. (С.Т. Аксаков. Детские годы Багрова внука) - союз обозначает близкое следование действий главного и придаточного предложений [6/730]. В соответствии с типами видového контекста, выделенными А.В. Бондарко, форма настоящего-будущего совершенного, сочетаясь с формой настоящего несовершенного, выражает в таких случаях предшествование одного действия другому в рамках повторяющейся ситуации [3/198], что представляется более правильным и для данного предложения;

едва только -

Едва только на улице против нашего дома показывалась собачья фигура, Барбос стремительно скатывался с окошка, проскальзывал на брюхе в подворотню и полным карьером несся на дерзкого нарушителя территориальных законов. (А. Куприн. Барбос и Дулька)

В. Предложения с отношениями предшествования:

Про него недавно кто-то рассказывал, будто бы он, когда был студентом, жил в номерах, поближе к университету, и всякий раз, бывало, как постучишься к нему, то слышались за дверью его шаги и затем извне вполголоса: " Радон, je ne suis pas seul." (А. Чехов. Володя большой и Володя маленький)

в) предложения соответствия.

Всякий раз по мере того, как он обдумывал происшедшее, гнев его остывал.

III Бессознание предложения закрытой типизированной структуры:

Вот так всегда с Крыловым: переворачивает все вверх ногами, рассматривает по-своему, раздразнит и пошла схватка. (Д. Гранин. Иду на грозу) - предложение с анафорическим элементом так в первой части;

Все им друг в друге интересно было. Начнет Розанов говорить о живописи, о картинах разных, о жизни великих художников - так князь слушает, слова не проронит. А потом князь примется про овец приключенья в диких странах рассказывать, - так у художника и глаза заблестят. (А. Куприн. Картина) - предложение с факультативной позицией заключительной частицы.

Такое разнообразие минимальных конструкций сложного предложения, в которых могут быть представлены кратко-соотносительные конструкции, естественно, допускает репрезентацию последних и в предложениях, являющихся разного рода усложнениями минимальных конструкций, т.е. в многочленных или сложных предложениях усложненного типа:

Когда налетал ветер, тучи мертвой жестоты колыхались от лесов, легко кружилось в просторной вышине и несло на восток, - и тогда казалось, что над унылой осенней землей бунует багряная метель. (М. Губенков. Белая береза);
А когда я иду к вам, то перед лестницей всегда остановилась: какая-то томительная робость сковывает мои руки и ноги. (А. Куприн. Странный случай);

Продолжая этот ряд усложнений, мы можем найти уже целые куски текста, представляющие собой кратко-соотносительную конструкцию (повторяется одно событие, состоящее из ряда соотносительных действий с различными отношениями - последовательности, одновременности, чередования, предшествования или комбинациями этих отношений):

Зима, метель метет по улице, мороз избывает жмет, а они, французы, бегут, бывало, под окошко наше, к матери - она калачи пекла да продавала - стучат в стекло, кричат, пингают, горячих калачей просят. Мать в избу-то не пускала их, а в окно сунет калач, так француз схватит, да за па-

зучу его, с пылу, горячий — прямо к телу, к сердцу; уж как они тепели это — нельзя понять! (М. Горький. Детство)

Мы рассмотрели кратно-парные и кратно-цепные конструкции; кратно-предельные, как конструкции, представленные в основном не минимальными структурами сложных предложений, а многочисленными, остались вне поля зрения данной статьи.

Круг типов предложений, в которых могут выступать кратно-соотносительные конструкции, достаточно широк. В него не входят предложения, семантика которых не соответствует одному из условий, необходимых для существования кратно-соотносительной конструкции:

а) отношения, выражаемые предложением, нетипичны и поэтому не могут повторяться (сложносочиненные предложения несоответствия, с союзом а, сложноподчиненные предложения с придаточным условным ирреального или единичного реального условия);

б) в предложении выражаются отношения тождества между двумя явлениями, которые постоянны, статичны и не могут повторяться с различной степенью регулярности (сложносочиненные пояснительные предложения с союзами а именно, то есть);

в) нет соотносительных (взаимообусловленных) действий или явлений в сложносочиненных предложениях — в связанных конструкциях противительно-сопоставительных предложений как именного типа, так и допускающих именное и глагольное построение; в сложноподчиненных — в присубстантивных и прикомпаративных, а также в изъяснительных с вопросительной придаточной частью; в причинных, целевых и сравнительных предложениях).

Кроме вышеуказанных типов предложений, кратно-соотносительные конструкции не встречаются (и, вероятно, в принципе невозможны) в сложносочиненных предложениях с двумя показателями связи между частями (и поэтому, а поэтому, и(а, но) в то же время и др.). Этому препятствует, как правило, кроме отсутствия соотносительных действий, еще и следующий фактор: кратно-соотносительные конструкции, как особое стилистическое средство, выражают динамические отношения (быстрая смена действий, близкое следование, чередование, предшествование и др.); в предложениях с двумя показателями связи обычно такой динамики нет. Два показателя связи сами по себе уже как бы замедляют темп действий.

Таким образом, нельзя говорить о каких-то определенных типах предложений, о специфических синтаксических структурах, предназначенных для выражения кратно-соотносительных конструкций. Можно считать лишь наиболее типичными для кратно-соотносительных конструкций все разновидности сложносочиненных предложений открытой структуры, из предложений закрытой структуры — предложения с союзом и (результативные) и а (сопоставительные), из сложноподчиненных — местоименно-соотносительные, условные и временные, выражающие самые различные отношения между действиями, а также бессоюзные предложения типизированной структуры.

Эти наблюдения сделаны в результате анализа приблизительно двухсот примеров.

Итак, никакая определенная синтаксическая структура не является конституирующим признаком кратно-соотносительной конструкции.

Структура кратно-соотносительной конструкции определяется иными факторами. По предварительным наблюдениям, одним из существеннейших среди них является значение повторяемости. С этой точки зрения очень важно определить, какими средствами оно создается в кратно-соотносительных конструкциях. Естественно, что важную роль здесь играет лексические показатели и грамматические средства (союзы, обобщенно-личные формы глаголов); без них, например, невозможна конструкция, в обеих частях которой выступали бы глаголы (или все действия которой выражались бы глаголами) совершенного вида в форме настоящего-будущего времени или несовершенного вида в формах настоящего или будущего времени. Однако есть конструкции с формами глаголов разных видов, в которых показатели повторяемости явно не выражены. Создается ли повторяемость в таком случае самими формами глаголов?

Не менее важен вопрос о видо-временных формах глагола, которые могут создавать кратно-соотносительную конструкцию. В этой роли не могут выступать формы совершенного прошедшего в обеих частях конструкции, т.к. они выражают единичную последовательность, и к ним нельзя присоединить показатель повторяемости.

Можно ли считать кратно-соотносительную конструкцию позицией нейтрализации видового противопоставления? В понимании нейтрализации мы исходим из определения М.А. Шелякина: "одним из условий нейтрализации грамматических значений яв-

ляется именно несущественность (разрядка моя - И.К.) последних для выражаемой информации" [17/21]. Ф.Ф. Авдеев доказал, что повторяющееся действие, выраженное глаголами совершенного вида в историческом настоящем, является позицией нейтрализации видового противопоставления [1/72]. Такое историческое настоящее можно рассматривать как один из частных случаев кратной-соотносительной конструкции, что, конечно, еще не позволяет распространить возможность позиции нейтрализации видового противопоставления на кратные-соотносительные конструкции в целом, однако ставит вопрос о такой возможности.

По поводу временных планов, представленных в наших конструкциях, имеются мнения, что эти действия не локализованы во времени [3/218] или вообще вневременны [16/96].

Все эти и многие другие вопросы, связанные с выявлением типологии кратных-соотносительных конструкций, предстоит решить в ходе дальнейшей работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Ф.Ф. О выражении повторяющихся действий глаголами совершенного вида в историческом настоящем. - Уч. зап. Тартуского ун-та. - Тарту, 1977. - Вып. 434. Вопросы русской аспектологии. II. С.66-75.
2. Аксаков К.С. О русских глаголах. - Полное собр. соч., т. II. М., 1875, с. 407-438.
3. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
4. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967.
5. Бунина И.К. Система времен старославянского глагола. М., 1959.
6. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
7. Киреевский И.В. Письмо к К.С. Аксакову. - Полное собр. соч., т. I. М., 1861, с. 105-106.
8. Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.

9. М а с л о в Д.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). - В сб.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959, с. 157-312.
10. М а с л о в Д.С. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках. - Вопросы славянского языкознания, вып. I. М., 1954, с. 68-138.
11. Н е к р а с о в Н.П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
12. П а н ц х а в а И.Д., П а х о м о в Б.Я. Диалектический материализм в свете современной науки. М., 1970.
13. П о с п е л о в Н.С. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке. - В сб.: Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1955, с. 206-246.
14. П о т а ш к и н а Ю.А. О сущности функционально-семантической категории временной соотносительности действий в русском языке. - Уч. зап. Тартуского ун-та. - Тарту, 1978. - Вып. 439. Вопросы русской аспектологии. III. С. 118-135.
15. Р а з м у с е н Л.П. О глагольных временах и об их отношении к видам в русском, немецком и французском языках. - "Журнал Министерства народного просвещения", 1891, июнь, с. 376-417.
16. Р а с с у д е в а О.П. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
17. Ш е л я к и н М.А. К вопросу о методологических основах системно-структурного описания грамматических категорий. - Уч. зап. Тартуского ун-та. - Тарту, 1977. - Вып. 425. Труды по русской и славянской филологии. XXIX. С. 3-23.
18. F o r s y t h, J. A Grammar of Aspect. Cambridge, 1970.
19. Р а н з е р, В. Die Funktion des Verbalaspekts im Praesens historicum des Russischen. München, 1963.

О СЕМАНТИКЕ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Ю.П. Князев

Традиционные представления о значении степеней сравнения заключаются, в основном, в следующем. Положительная степень как форма, обозначающая качество "совершенно безотносительно"¹, противопоставляется сравнительной и превосходной степеням, называющим признак в сопоставлении с другими предметами - носителями данного признака. Отсюда делается вывод, что положительную степень прилагательного, "строго говоря, нельзя назвать "степенью сравнения", так как, если мы называем лошадь или книгу старой, мы не сравниваем их с другой лошадью или с другой книгой"². Кроме того обычно указывается, что "косвенные" степени сравнения представляют признак "как проявляющийся в большей степени, чем тот же признак, обозначенный исходной формой прилагательного"³. С этой точки зрения, в употреблении сравнительной и превосходной степеней применительно к объектам, не допускающим положительной степени (ср. декабрь - самый теплый месяц зимы; Эйфелева башня ниже Останкинской), усматривается либо появление "внесистемного" значения компаратива⁴, либо утрата прилагательным в сравнительной степени его "реального значения"⁵, либо свидетелст-

¹ Современный русский язык, ч. 2, изд. МГУ, 1964, с. 80.

² О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, с. 285. См. также: В.В. Виноградов. Русский язык. М.-Л., 1947, с. 243; А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд., М., 1956, с. 28-29; А.И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, с. 158.

³ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 336; см. также Г.Н. Воронцов. Очерки по грамматике английского языка. М., 1960, с. 300. Ср. выделение двух рядов степеней сравнения в зависимости от убывания либо возрастания абсолютного значения признака в концепции Р. Валена (R. Valin. Esquisse d'une théorie des degrés de comparaison. Québec, 1952).

⁴ Б.Л. Оскотская. О значении форм категории степеней сравнения в современном английском языке. - "Филологические науки", 1972, № 5, с. 88-89.

⁵ К. Мустейкис. Сопоставительная морфология русского и литовского языков. Вильнюс, 1972, с. 68.

во необязательности семантической связи между положительной степенью прилагательного и "косвенными" степенями сравнения⁶.

Традиционное учение о категории степени сравнения прилагательного отличается необычной для лингвистической науки устойчивостью. Думается, однако, что исходные положения этого учения нуждаются в критическом переосмыслении.

Если до недавнего времени внимание исследователей было сосредоточено на выяснении значения сравнительной и превосходной степеней, то сейчас уже очевидно, что и положительная степень прилагательного характеризуется такой же если не большей, семантической сложностью. Так, прилагательные, входящие в антонимические пары типа высокий-низкий, старый-молодой, дорогой-дешевый, большой-маленький и т.п. вовсе не являются "совершенно безотносительными". Называя какое-то животное старым, мы именно сравниваем его с другими животными этого типа и указываем, что оно прожило больше средней продолжительности (в арифметическом, а не демографическом смысле). Абсолютное значение слова старый в годах или днях определяется видом обозначенного живого существа. Длинный в предложении Эта сигарета длинная означает, что сигарета превосходит по длине среднюю, обычную сигарету, а в предложении Какой длинный поезд! - то, что описываемый поезд длиннее обычного. Напротив, короткий обозначает недостижение средней, нормальной длины для того класса предметов, к которому принадлежит денотат определяемого существительного⁷.

Ситуация несколько осложняется из-за двойственности значения прилагательного, которое может употребляться как в ограниченном, так и в неограниченном смысле. В зависимости от того или иного осмысления прилагательного точка отсчета может меняться. Однако известная неоднозначность точки отсчета не означает ее отсутствия. Например, предложение Вы-

⁶ Ср. замечание Е. Крижиковой: "Сравнительная и превосходная степени прилагательных связаны с формой положительной степени лишь по форме, но не обязательно по значению. Новее/более новые образованы от основы нов-, но они могут передавать отношения между предметами на самом деле старыми, точно так же полнее/более полный передают отношения между сосудами неполными (сравнивать полные сосуды лишено смысла; если они действительно полные, то полнее уж быть не могут) и т.п." - Е. Крижикова. Коллективная детерминация прилагательных в русском языке. - Б. сб.: Синтаксис и норма. М., 1974, с. 128.

⁷ M. Bierwisch. Some semantic universals of German adjectives. - "Foundations of Language", 1967, N. 1, p. 3.

сские городские башни будут восстановлены может означать и то, что будут восстановлены не все, а только высокие башни (ограничительное употребление), и то, что все башни города высоки и все они будут восстанавливаться (неограничительное употребление). В первом случае точкой отсчета служит средняя высота башен в этом городе, во втором - средняя высота городских зданий вообще⁸.

Таким образом, употребление прилагательных типа высокий (низкий) имплицитно включает сравнение с "нормой" - средней, наиболее обычной степенью проявления данного качества у предметов данного класса или ближайшего к нему. Превышение ее выражается прилагательными, обозначающими больший полюс шкалы варьирования признака (высокий, широкий, глубокий, старый, дорогой, большой), а недостижение - их антонимами (низкий, узкий, мелкий, молодой, дешевый, маленький).

Из того, что высокий означает 'выше нормы', а низкий - 'ниже нормы', еще не следует, что у подобных прилагательных "сравнительная степень семантически проще положительной"⁹. Достаточно сказать, что введение "нормы" в толкование значений слов типа высокий вполне совместимо и с представлениями о том, что компаратив выражает большее абсолютное значение признака, чем положительная степень прилагательного¹⁰. Сложности в этом вопросе в значительной мере вызваны очевидным смещением описываемого языка и метаязыка семантического описания. Компаратив, участвующий в определении значений слов типа высокий, и компаратив, употребляемый в высказываниях на русском языке, не тождественны и, по существу, принадлежат разным языкам. Поэтому, установив соотношение высокий = 'выше нормы', требуется в свою очередь дать толкование и форме выше.

Сравнительная степень прилагательного "называет качество, присущее данному предмету в большей мере, чем другому ка-

⁸ M. B i e r w i s h. On classifying semantic features. - В об. Progress in Linguistics. The Hague - Paris, 1970, pp. 43-44.

⁹ Ю. Д. А п р е с я н. Лексическая семантика М., 1974, с. 65-67.

¹⁰ Ср. замечание А. В. Бондарко: "... Сравнительная степень всегда обозначает "больше чего-то" (пусть даже это "что-то" само по себе может быть истолковано как "больше нормы")", - А. В. Б о н д а р к о. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий. - "Вопросы языкознания", 1974, № 2, с. II.

кому-нибудь предмету или предметам, или в большей мере, чем сам предмет обладал этим качеством ранее или будет обладать в дальнейшем"¹¹. То, с чем сравнивается предмет, может вводиться эксплицитно (ср. Русские слова, в среднем, длиннее английских; Под ним струя светлей лазури), либо подразумеваться (ср. Здесь дорога становится шире; У впадении река обычно мельче). Сопоставление подобных конструкций, включающих прилагательное в сравнительной степени, и соответствующих конструкций с положительной степенью прилагательного (типа Русские слова обычно длиннее; В этом месте река мелкая) ясно показывает, что эти две степени сравнения различаются не мерой семантической сложности, а характером объекта сравнения (или - шире - точки отсчета)¹².

Для положительной степени объектом сравнения (точкой отсчета) служит "норма", фиксируемая с выбором определяемого существительного, а в компаративе точка отсчета, по сравнению с которой отмечается большая (меньшая) степень качества, каждый раз произвольно избирается самим говорящим. Семантические толкования положительной и сравнительной степени для слов этого типа совершенно подобны и различаются лишь тем, что в первом случае точка отсчета фиксирована, а во втором - подвижна¹³:

А высокий = 'А превосходит норму ...'; А низкий = 'А не достигает нормы ...'.

А выше В = 'А превосходит В ...'; А ниже В = 'А не достигает В ...'.

Подчеркнем, что соотношение положительной и сравнительной степеней в парах типа высокий - выше далеко не исчерпывает круг грамматических явлений, различающихся только типом точки отсчета. Можно указать, например, на две разновидности временной ориентации глагольных форм: абсолютную и относительную¹⁴. При абсолютном употреблении времен точка отсчета

¹¹ Современный русский язык. Морфология. Изд. МГУ, 1952, с. 142.

¹² О типах точек отсчета см.: В.П. Князев. К типологии местоименных слов. - Материалы XVI научной студенческой конференции. Литературоведение, лингвистика. Тарту, 1971.

¹³ Ср. очень близкое осмысление соотношения между англ. wide 'широкий' и wider 'шире' в кн.: У. Чейф. Значение и структура языка. М., 1975, с. 156.

¹⁴ Имеется в виду наиболее распространенное осмысление этого разграничения. См., напр., Л.Л. Буланян. Трудные вопросы морфологии. М., 1976, с. 142-143.

фиксирована, ее служит момент речи; при относительном же употреблении точка отсчета подвижна и время действия определяется по отношению к времени другого действия. С типом точки отсчета связано и различие между дейксисом и анафорой как главными функциями местоимений. Семантическое наполнение местоимения в действительской функции так или иначе связано с говорящим (точка отсчета фиксирована), а в анафорической — с предшествующим или последующим контекстом (точка отсчета подвижна).¹⁵

Понятие "нормы" применимо не только к словам типа высокий, но и к другим прилагательным, образующим антонимические пары, для которых, впрочем, уже не наблюдается полного параллелизма положительной и сравнительной степеней. Как отмечал М. Бирман¹⁶, прилагательное хороший в высказывании Это хорошая сигарета означает не то, что данная сигарета лучше обычной, а то, что она соответствует ожидаемому стандарту. То же, по-видимому, относится и к таким прилагательным, как здоровый — больной, красивый — безобразный, умный — глупый и др., значение которых включает оценку.¹⁷ Во всех подобных случаях "норма" уже не находится как бы посередине шкалы варьирования качества, образуемой парой антонимов (как в случае высокий — низкий), а совпадает с большим полюсом шкалы.¹⁸ Поэтому семантическое толкование положительной степени прилагательных типа хороший — плохой несколько отличается от толкования пар типа высокий — низкий: А хороший = 'А совпадает с нормой ...'; А плохой = 'А не достигает нормы ...'. В то же время для форм компаратива семантическая структура остается прежней: А лучше В = 'А превосходит В ...'; А хуже В = 'А не достигает В ...'.

¹⁵ См. также: Д.П. Князев. К типологии языковых знаков. — Материалы конференции "Семантика и семантика". М. (в печати).

¹⁶ M. B i e r m a n. Some semantic universals..., p.12.

¹⁷ О значении оценочных прилагательных см. также: Zev Bar-Lev (R.W.Lefkowitz). Semantic metaconditions and the supracategoricity of good. "Glossa", 1972, v. 6, № 2.

¹⁸ Ср. наблюдения о различных типах "норм": Е.А. Поцелуев С.К. и Я. Пулевая степень качества и описание значения качественных прилагательных и некоторых сочетаний с ними. — В. сб.: Проблемы семантики. М., 1974.

Несмотря на различия между двумя группами прилагательных, ¹⁹ главное остается неизменным: в обоих случаях положительная степень соотносится с фиксированной "нормой", а компаратив — с произвольно избираемым объектом сравнения.

Наконец, третью группу качественных прилагательных, обладающих степенями сравнения, составляют слова типа красный, белый, горький, сладкий, круглый, квадратный и пр., не имеющие антонимов. Шкала варьирования признака и область применения соответствующих прилагательных оказывается резко суженной, однако и в данном случае можно говорить о соотносительности с "нормой" или "эталоном". Такого рода "эталоны" являются предмет, цвет (или вкус, форма и т.п.) которых относительно постоянны и хорошо известны носителям языка. Как считает А.Н. Шрамм, "если субъекту необходимо установить (и назвать) цветовой признак ткани, или бумаги, или стены, он мысленно сопоставляет этот предмет по цвету с представлением о цветовых признаках "эталонных" предметов и, установив тождество, говорит, например, что ткань белая, бумага зеленая, стена красная и т.д."²⁰ К этому следует добавить, что, во-первых, подобного рода "эталон" несколько различны для различных классов предметов (ср. красный в сочетаниях красное платье, красные щеки, красное яблоко), а, во-вторых, соответствующие признаки допускают, хотя и весьма ограниченную, количественную градацию.²¹

При таком осмыслении прилагательные типа красный сближаются с предыдущей разновидностью качественных прилагательных, не отличаясь существенно от тех из них, которые в форме положительной степени обозначают совпадение с "нормой". По аналогии с рассмотренными выше случаями семантическое толкование для прилагательных типа красный — красное можно пред-

¹⁹ Заметим, что различие между этими двумя группами прилагательных не всегда одинаково четко. См. напр., Т.Ю. К о б з а р е в а. Группы прилагательных и их связь с наречиями степени. "Машинный перевод и прикладная лингвистика", вып. 13. М., 1970.

²⁰ А.Н. Ш р а м м. Принципы семантической классификации качественных прилагательных в русском языке. — В сб.: Вопросы семантики, вып. I, изд. ЛГУ, 1974, с. 12.

²¹ Ограниченности количественного варьирования признака соответствует малая употребительность форм типа краснее, синее, квадратнее.

ставить следующим образом: А красный = 'А соответствует норме ...'; А краснее В = 'А превосходит В ...'. Добавим, что относительность значения прилагательных - названий цветов, формы и т.п. (т.е. отнесенность их к контекстно обусловливаемой "норме") существует лишь постольку, поскольку для данного прилагательного в данном употреблении возможно противопоставление положительной степени сравнения компаративу (и превосходной степени).

Сопоставление положительной и сравнительной степеней нескольких разновидностей качественных прилагательных показывает, что обе формы характеризуются одинаковой семантической сложностью и в этом отношении ни одна из форм не является производной от другой (что, в общем, естественно для словоизменятельных форм).²² Несомненная вторичность компаратива имеет не семантическое, а функциональное основание - маркированность компаратива в оппозиции к положительной степени. Семантическая структура обеих степеней включает в себя момент сопоставления, соотнесения с другими предметами, а потому нет оснований для выведения положительной степени за рамки категории степеней сравнения. Значение положительной степени включает сравнение с "нормой" (очевидное в словах типа высокий - низкий и наименее отчетливое в словах типа красный, составляющих периферию качественных прилагательных), а значение компаратива - с произвольной точкой отсчета. Для положительной степени выделяется три варианта соотнесения с объектом сравнения: превышение (высокий), недостижение (низкий, грязный) и - самый невыразительный из них - совпадение (чистый, красный), а для компаратива, естественно, только два: превышение (выше, чище, краснее) и недостижение (ниже, грязнее).

Переходя к рассмотрению значения превосходной степени сравнения прилагательного, будем исходить из следующего определения: "Превосходная степень указывает на то, что качество, называемое прилагательным, свойственно данному предмету или предметам в ряду однородных предметов в наивысшей степени, т.е. более, чем всем остальным подобным предметам".²³

²² Ю.Д. Апресян (указ. соч., с. 66-67), например, считает, что в паре высокий - выше семантически проще компаратив, а в паре красный - краснее - положительная степень.

²³ Современный русский язык, ч. 2 ..., с. 80.

"Ряд однородных предметов", по отношению к которому устанавливается наибольшая степень качества, может выражаться в тексте различным образом: Самым аккуратным среди нас был Жень; Важнейшим положением теории Соссюра является противопоставление языка и речи; Тамань - самый скверный городишко из всех приморских городов России; Труднейший этап при создании новой технологии - ее внедрение; Самым удачным из всех оказался ответ Лени и т.п. Поскольку объект сравнения (точка отсчета) может эксплицитно вводиться в высказывание, он является, как и для компаратива, подвижным. Суперлатив, предназначенный для выделения предмета по интенсивности признака из ряда сходных с ним предметов, обозначает, подобно компаративу, либо превышение объекта сравнения, либо недостижение его: А высочайший/наилучший/самый красивый среди В = 'А превосходит все В ...'; А самый низкий/наихудший среди В = 'А не достигает ни одного В ...'.

До сих пор рассматривались лишь такие употребления "косвенных" степеней сравнения, при которых точка отсчета словесно выражена либо самоочевидна. Для форм превосходной степени не менее характерны и употребления иного рода - "безотносительные", или элативные. Элатив выступает, например, в следующих предложениях: Вчера я получил от него длинейшее письмо; Этот курорт славится чистейшим горным воздухом; Он передал свои самые искренние поздравления; Погода стояла самая чудесная.

Вопрос о категориальной принадлежности элатива решается по-разному. Элатив рассматривают как одно из значений превосходной степени наряду с собственно суперлативом²⁴; выделяют в особую, четвертую степень сравнения²⁵; включают в один ряд с формами субъективной оценки типа беленький или

²⁴ В.В. Виноградов. Указ. соч., с. 251-255; С.Г. Ильенко. О значении простых форм степеней сравнения прилагательных в современном русском литературном языке. - Ученые записки ЛПИ, т. 130. Л., 1957, с. 72-73; В.А. Крилова. Синтаксические функции степеней сравнения прилагательных. - "Русский язык в школе", 1964, № 6.

²⁵ П.Г. Стрелков. О степенях сравнения прилагательных в русском литературном языке. - Ученые записки Пермского университета, т. I, 1929, с. 15-16.

элитив²⁶. Последнее решение нередко приводит к исключению превосходной степени из категории степени сравнения прилагательного.²⁷

Если степень расхождения между элитивом и суперлативом оценивается не одинаково, то в истолковании семантического существа этого расхождения больших различий не обнаруживается. Смысловое своеобразие элитива усматривается, с одной стороны, в обозначении меньшей, по сравнению с суперлативом, интенсивности признака. С этой точки зрения, элитив является как бы "ослабленной превосходной степенью".²⁸ Ср. также предложение различать "высшую" и "высокую" степени признака, первая из которых обозначается суперлативом, а вторая — элитивом. Высшая степень признака представляет собой "верхнюю грань количественного развития признака", его "завершительную границу". Напротив, элитив даже в сочетании с усилительными наречиями способен выразить только "высокую, может, очень и очень высокую, но не предельную степень признака".²⁹ С другой стороны, в элитиве усматривают выражение безотносительно высокой степени качества, без сопоставления с другими предметами. Считается, что элитиву "чуждо всякое выражение отношения. Неограниченное безотносительное усмеление признака — основное, что отличает элитив от суперлатива".³⁰

Обе линии разграничения элитива и суперлатива представляются спорными. Будучи формой с подвижным объектом сравнения, суперлатив (как и компаратив) может выразить любую аб-

26 И.М. Р е в з и н. К типологии форм степеней сравнения в славянских языках. — В сб.: Исследования по структурной типологии. М., 1963, с. 36; Н.А. Е с ь к о в а. Образование синтетических форм степеней сравнения в современном русском литературном языке. — В сб.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964, с. 252.

27 Р.И. А в а н е с о в, В.Н. С и д о р о в. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, с. 128, 135; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 337.

28 О. Е с п е р с е н. Указ. соч., с. 289-290.

29 И.А. К а р а б а н ь. Элитив и суперлатив. — Вестник Белорусского университета, серия 4 (филология, журналистика). 1970, № 1, с. 39.

30 Е.Н. С е р г е е в а. Абсолютная степень интенсивности качества и ее выражение в английском языке. — В сб.: Проблемы лингвистического анализа. М., 1966, с. 81.

сложную степень качества. Так, если объект сравнения характеризуется малой интенсивностью признака, то и суперлатив обозначает такую степень качества, которую трудно назвать высшей или предельной: Летом эту речку в самом глубоком месте можно перейти вброд; Самое высокое дерево в тундре не достигает в высоту и полутора метров и т.п.

Нельзя согласиться и с "безотносительностью" элатива. Элатив, по общему мнению, синонимичен сочетанию положительной степени с усилительным наречием: сильнейший лыжник - очень сильный лыжник. А поскольку положительная степень, имплицитно выражая сравнение с "нормой", не является безотносительной, таковым не является и элатив. Как отмечал А.П. Сазонов, элатив отличается от суперлатива "не отсутствием сравнения, а объемом множества, по отношению к которому выражается превосходство признака".³¹ По его мнению, суперлатив в предложении Он сильнейший лыжник в Свердловске предполагает сравнение с множеством лыжников Свердловска, а соответствующий элатив (Он сильнейший лыжник) - со всем множеством лыжников. Эта формулировка неточна: предложения Он сильнейший лыжник и Он сильнейший (самый сильный) из всех лыжников по своему значению не тождественны. Однако, поскольку "норма", как среднее значение признака у представителей данного класса предметов, определяется по отношению к классу в целом, то элатив действительно опирается на сопоставление "со всем множеством" предметов, хотя и иное, чем в аналогичном случае суперлатива.

Переход от суперлативного значения ('А превосходит все В ...' и т.п.) к элативному ('А значительно превосходит норму ...' и т.п.) синхронно мотивируется наличием непосредственной связи между "нормой" и характером объекта сравнения. "Норма" отражает наиболее обычную и типичную степень интенсивности признака для каждого из классов предметов. Естественно, что и в речи - в том числе и в позиции объекта сравнения - предметы с "нормальной" интенсивностью признака упоминаются гораздо чаще тех, которые резко отклоняются от "нормы". Именно поэтому, хотя в конструкциях с превосходной степенью объектом сравнения может быть любая группа предме-

³¹ А.П. С а з о в о в. О парадигме степеней сравнения прилагательных. - Ученые записки филологического факультета Белыцкого пед. института, т. 15. 1971, с. 24.

тов и, следовательно, выражаться любая абсолютная степень качества³², фактически решительно преобладает выражение высокой степени качества (превосходящей "норму"), а обозначение суперлативов малой степени признака встречается относительно редко.

Если же объект сравнения включает в себя данный класс предметов целиком или просто достаточно широк, то выражаемая суперлативом мера признака будет уже обязательно превосходить "норму". Это объясняется тем, что максимальное значение признака для всего класса предметов заведомо превосходит среднее его значение ("норму"). Так, из утверждения, что Байкал - "глубочайшее озеро в мире" следует справедливость вывода, что Байкал - "очень глубокое озеро"; "самый высокий дом" в Москве должен быть "очень высоким домом", а "самое длинное" из когда-либо написанных писем, естественно, длиннее "среднего" письма. Иначе говоря, в конструкциях с таким объектом сравнения собственно суперлативное значение всегда совмещено с элативным.

Наконец, объект сравнения может быть лишен сколько-нибудь четких границ, отличаясь большей или меньшей неопределенностью. В таких контекстных условиях суперлативное значение "превосходства над всеми В" уже не может быть выражено, ибо состав "всех В" остается не очерченным. В то же время сохраняется и становится доминирующим обозначение значительного превышения (либо недостижения) "нормы", что и составляет отличительный семантический признак элатива.³³

Из сказанного следует, что суперлативное либо элативное осмысление употребления формы превосходной степени всецело определяется смысловым воздействием контекста. Суперлатив выступает в тех случаях, когда сравниваемые предметы четко обозначены или недвусмысленно подразумеваются, а в остальных случаях эта форма прилагательного может быть понята только как элатив. С этой точки зрения, суперлатив и элатив - это не только не морфологические омонимы, но, по-видимому, и не различные значения одной многозначной единицы. Различие меж-

32 Это свойство, как подчеркивалось выше, составляет основное отличие превосходной и сравнительной степеней сравнения от положительной степени.

33 Семантическое преобразование в элатив наблюдается в аналогичных условиях и для сравнительной степени (см. об этом ниже).

ду суперлативом и элативом создается контекстом и является результатом видоизменения, конкретизации единого значения превосходной степени³⁴ в соответствии с актуальными для нее особенностями семантико-синтаксического окружения.

Контекстная обусловленность элатива и суперлатива нередко понимается слишком узко: в абсолютном употреблении усматривается элатив, а при наличии конструкций с предлогами из, среди и т.п. — суперлатив.³⁵ Словесная выраженность или невыраженность объекта сравнения — различие, бесспорно, очень существенное, но не необходимое и не достаточное.

Укажем, с одной стороны, на широкую распространенность "риторического суперлатива", т.е. употреблений превосходной степени (преимущественно в форме множественного числа) с эксплицитно выраженным объектом сравнения, но имеющим, по существу, значение элатива: Он выступал в лучших театрах Европы; Теперь электричество есть и в самых отдаленных районах страны; В самых крупных городах мира уже давно есть метро. В подобных высказываниях не обязательно имеется в виду, что остальные театры непременно хуже, а любой город, имеющий метро, больше любого города без метро. Речь идет, несомненно, просто об очень больших городах, очень хороших театрах и т.п.

С другой стороны, и в отсутствии объекта сравнения единственно возможным может оказаться суперлативное понимание

³⁴ Тот факт, что это значение трудно сформулировать так, чтобы оно охватывало суперлатив и элатив и одновременно отличалось бы от значений других степеней сравнения, указывает только на то, что проблема установления инвариантного значения морфологических единиц вовсе не сводится к поиску его словесной формулировки. Гораздо более важной и насущной задачей является выяснение характера взаимодействия грамматической единицы с контекстом, особенностей ее "семантического движения" и — в зависимости от этого — разграничение омонимии, многозначности или чисто контекстной модификации значения (об инвариантных значениях, разлагаемых на дифференциальные признаки, можно говорить лишь в этом последнем случае). Думается, что только выявление целостной иерархичной семантики структуры грамматической единицы может заполнить все увеличивающийся разрыв между расплывчатыми и малосодержательными инвариантными ("общими") значениями и постоянно увеличивающимися списками "частных" значений, которые слабо связаны друг с другом и никак не связаны со значением-инвариантом.

³⁵ В.В. Виноградов проводил это разграничение как для сложных (указ. соч., с. 251-252), так и для простых форм превосходной степени (указ. соч., с. 255-256).

формы превосходной степени. Так, оценочные прилагательные при непосредственных существительных в целом тяготеют к элативу: Он, наконец, увидел этот красноречивейший жест и залился самым неудержимым смехом; Погода в октябре стояла самая отвратительная; Он проснулся в самом хорошем настроении. Однако во многих случаях достаточно совмещения непредметной семантики с указанием на единичность референции для преобразования элатива в суперлатив; ср. суперлатив: Он залился самым неудержимым смехом, который я когда-либо слышал. Элатив типичен и в предложениях общего характера: Даже самый отважный поступок одиночки не изменит хода истории (ср. суперлатив: Это был самый отважный его поступок); В такой куртке будет тепло даже в самые сильные холода.

Очень важной особенностью элатива является неспособность его самостоятельно образовывать тему сообщения. Перенесение прилагательного, имеющего значение элатива, из ремы в тему переводит его в суперлатив. Ср. Жизнь в Оренбурге была самая несносная (элатив) — Самой несносной была жизнь в Оренбурге (суперлатив) или О жите-бытье Софьи все восемь лет она имела самые точные сведения (элатив) — Все восемь лет о жите-бытье Софьи самые точные сведения имела она (суперлатив). Будучи сосредоточена в прилагательном, функция идентификации, связи с предшествующим контекстом основывается на выделении данного предмета по этому признаку из числа упомянутых выше. Применительно к форме превосходной степени наличие выделительных отношений означает, что эта форма не может не осмысляться как суперлатив. Ср. также аналогичные преобразования элативных конструкций, приведенных выше, в суперлативные: Самой отвратительной погода была в октябре; Самым лучшим его настроение бывает, когда он просыпается; Сильнейшим оказался лыжник Савельев и т.д.

Если элатив является одним из контекстуальных вариантов превосходной степени, то возникает вопрос, как же он соотносится с синонимичной ему положительной степенью прилагательного (с суффиксами субъективной оценки или в сочетании и наречиями степени).

Принято считать, что всякая синонимия в грамматике осно-

35 В.В. Виноградов проводил это разграничение как для сложных (указ. соч., с. 251-252), так и для простых форм превосходной степени (указ. соч., с. 255-256).

ывається на нейтралізації.³⁶ Мiжду тiм iзвeстнe бeзрaзлiччe в ужиттi грaмaтичeских eдiниц (т.е. сiнoнiмiя в ширoкoм смислe слoвa) мoжeт бiти рeзультaтoм дiaмeтрaльнo прoтивoпoлoжнoх причин, щo дoлжнo нaйти i тeрминолoгiчeскe oтрaжeннe. В чaстнoстi, нeобхoднo рaзлiчaти нeйтрaлiзaцiю i кoнкyрeнцiю грaмaтичeских eдiниц.

Нeйтрaлiзaцiя являeтcя рeзультaтoм рaвнoгo нeпрeмeмлoстi oбoх прoтивoпoстaвлeннoх eдiниц в oпeрeдeлeнoй пoзицiї. Тoчнe гoвoрiя, нeйтрaлiзaцiя вивлaдaєтcя нeсoвмeстнoстiю знaчeннoх прoтивoпoстaвлeннoх eдiниц зo знaчeннeм кoнтeкстa, в кoтoрoм oнi дoлжнi прицвoднeнo ужити в силy oбязaтeльнoстi грaмaтичeских знaчeннoх.³⁷ Тaк, рaзлiччe мiждy фoрмaми числa сущeствитeльнoгo нeйтрaлiзyєтcя при oбoзнaчeннi вeщeствa (ср. бaрoшкaдa з кирпичa /з кирпичeх/) или при oтoбрaжeннi "клaссa прeдмeтoв в сoвoкyпнoстi eгo eлeмeнтoв"³⁸ (ср. aкyлa oпaснa - aкyли oпaснi).

Кoнкyрeнцiя прoтивoпoстaвлeннoх фoрм вoзникae в рeзультaтe кoнтeкстyaльнoгo сyжeннa, кoнкрeтизaцiї знaчeннoх члeнoв oпoзицiї в нaпрaвлeннi iх oблiжeннa; oбe фoрмi oкaзyвaютьcя в eтoй пoзицiї рaвнo прeмeмлeмi. Фoрмi мнoжeствeннoгo числa сущeствитeльнoгo в нeoпeрeдeлeнo-кoличeствeннoм ужиттi мoгyт oбoзнaчaти прoизвoльнe кoличeствo прeдмeтoв или лиц. Ср. У Лeнн eстe дeтi: сiн Юрa (двoє блiзнeцoв), сiн i двe дoчeри i т.д. В тeх слyчaйх, кoгдa з кoнтeкстa яснo, щo рeчь iдeт oб oднoм лицe, вoзникae кoнкyрeнцiя з фoрмaми eдiнствeннoгo числa; ср. У Лeнн eстe дeтi /eстe рeбeнoк: сiн Юрa.³⁹

При тaкoм пoнiмaннi рaзлiччa мiждy нeйтрaлiзaцiєй i кoнкyрeнцiєй сiнoнiмiя eлaтивa i пoлoжитeльнoгo стeпeнa, бeс-

³⁶ См., нaпр., Е.И. Шeндeльс. Мнoгoзнaчнoстe i сiнoнiмiя в грaмaтикe. М., 1970, с. 20-21. Ср. рeзкyр oцeнкy тaкoгo ужиттeлeннa тeрминa нeйтрaлiзaцiя в кн.: М.И. Стeблiн-Кaмeнскiй. Спoрнe в язнoкoзнaннi. Изд. ЛГУ, 1974, с. 97-98.

³⁷ Пoдрoбнe o зв'язi мiждy oбязaтeльнoстiю i нeйтрaлiзyємoстiю см.: Д.Л. Бyлaнiн, Ю.П. Князeв. Нeйтрaлiзaцiя i привaтнoстe мoрфoлoгiчeских oпoзицiї. - Вeстник ЛГУ, № 2, вiп. 1, 1977.

³⁸ С.Д. Кaцнeдльсoн. Типoлoгiя язнoкa i рeчeвe мiшлeннe. Л., 1972, с. 31.

³⁹ Ср. дрyгiє тoчкi зрeннa: И.И. Рeвзиn. Тaк нaзвaємe "нeмaркiрoвaннe мнoжeствeннe числo" в сoврeмeннoм рyсскoм язнoкe. - "Вoпрoси язнoкoзнaннa", 1969, № 3; Д.И. Aрoбaтскiй. Мнoжeствeннe числo гaпeрoблiчeскoє. - "Рyсскiй язнoк в шкoлe", 1972, № 5, с. 93-94.

спорно, представляют собой пример конкуренции грамматических форм. В самом деле, обозначение "значительного превышения (недостатка) нормы" никоим образом не выходит за пределы сигнификативных возможностей степеней сравнения.⁴⁰ Перед нами просто двойки (а если учитывать конструкции с компаративом типа гораздо выше среднего или намного меньше обычного, то и тройки) способ языкового представления меры признака. Значения членов грамматических категорий соотносительны, а потому нередко существует возможность подобрать такие условия употребления, при которых различающие их семантические признаки "гасятся" контекстом. Конкуренция превосходной и положительной степеней сравнения возникает, если объект сравнения при форме превосходной степени деконкретизован и подменен "нормой", а форма положительной степени сопровождается наречием степени.

Синонимия на основе конкуренции вообще очень характерна для степеней сравнения прилагательного. Этим объясняется, например, синонимия превосходной степени и компаратива с всех, в котором после грамматик А.Х. Востокова и И.И. Давыдова нередко видят особую форму превосходной степени: Петя самый высокий в классе / Петя выше всех в классе.⁴¹ Здесь наблюдается чисто контекстуальное ограничение значения компаратива в условиях, когда сравниваемые предметы входят в один класс, а объектом сравнения служит класс в целом. Таким образом, конструкции с всех не выходят за рамки обычного употребления компаратива.⁴² То же касается и конкуренции превосходной степени с компаративом в отрицательных конструкциях типа Нет на свете милее края, чем Россия / Россия - самый милый край на свете.

Особый интерес представляет конкуренция сравнительной и

⁴⁰ Это особенно очевидно при сопоставлении с действительной нейтрализацией оппозиции степеней сравнения, например, в относительных прилагательных: при обозначении признаков, количественно не меняющихся, различие между степенями сравнения лишено всякого смысла.

⁴¹ См., напр., И.А. Карabanь. Значение форм степеней сравнения и исходная форма прилагательного. - "Филологические науки", 1969, № 2, с. 62.

⁴² См. также: Н.А. Еськова. Об одном случае разграничения описательных конструкций и аналитических форм (сочетания типа сильнее всех и сильнее всего). - "Филологические науки", 1971, № 3, с. 55-58.

положительной степени сравнения, которая имеет место в тех случаях, когда объектом сравнения для компаратива служит "норма". Подобные употребления, вполне аналогичные элативу превосходной степени, будем также называть элативными, или абсолютивными. Как и элатив превосходной степени, элативный компаратив возникает при деконкретизации объекта сравнения, причем контекстуальная обусловленность элатива в данном случае гораздо очевиднее. Употребления сравнительной степени, допускающие "безотносительное" (элативное) осмысление, многочисленны.

Будьте осторожнее с огнем; На улице надо быть внимательнее; Каждому хочется, чтобы его жизнь была полегче; А посмотрите в эту засохшую кровь между страницами. - только сердце сожмется, у кого оно послабее; Девчата побойчее были вооружены трофейными автоматами; Более крепким парням выдали ломы; Пинчеры бывают покрупнее и помельче ... Есть у меня на примете два маленьких и три побольше; Восстанавливать будут только более высокие башни; Более закаленные люди обычно меньше болеют; Более богатые страны должны помогать более бедным; Его книги учат быть добрее и терпимее; Давайте брати, похолоднее, побольше; Туристы долго выбирали место посуше; Он говорил не спеша, заботливо выбирая слова попроще.

При элативном осмыслении компаратив в подобных конструкциях выражает сравнение не с каким-либо конкретным предметом, названным в предшествующем контексте, или подразумеваемым, а с абстрактной "нормой", т.е. синонимичен положительной степени сравнения. Конкуренция абсолютивного компаратива и положительной степени, как и всякая синонимия на уровне грамматических категорий и их членов, не ведет к свободной взаимозаменяемости конкретных словоформ в данной позиции. Равнозначная замена типа Будьте осторожнее с огнем / Будьте осторожны с огнем возможна достаточно часто, но далеко не всегда.

Среди противодействующих факторов можно указать, например, на часто сопутствующую элативу сравнительной степени разговорную окраску, особенно яркую у префиксальных форм компаратива. Как и большинство других единиц эмоционально-оценочной сферы, элативный компаратив отличается подвижностью номинативной отнесенности (так, формы с по- то смягчают, то усиливают отклонение от "нормы" в зависимости от

условий употребления⁴³) и экспрессивностью, лишаящей эти формы способности иметь подлинные эквиваленты в нейтральном стиле; ср., например, различие между Дайте воды, и похолоднее и Дайте очень холодной воды.

Во-вторых, прилагательные в положительной степени допускают и ограничительное, и неограничительное осмысление (см. выше), тогда как элативный компаратив всегда имеет ограничительное значение. В этом отношении предложение Бойким девочкам сразу выдали оружие двузначно: 1) 'все девочки бойкие, и всем сразу выдали оружие' и 2) 'тем из девочек, которые были бойкими, сразу выдали оружие'. Синонимичность с абсолютным компаративом существует лишь при втором, ограничительном понимании: Девчатам побойчее сразу выдали оружие.

Наконец, как показывают приведенные выше примеры, обязательным условием элативного употребления компаратива является неопределенность существительного, к которому он относится. И. Пхас, впервые отметивший эту особенность, связывал данное ограничение с неопределенностью степени признака, выражаемого абсолютным компаративом⁴⁴. Ясно, однако, что это две совершенно различные "неопределенности". Причина заключается в другом. Определенность существительного навязывала бы собственно компаративное понимание формы сравнительной степени, при котором точкой отсчета (объектом сравнения) служило бы преддуманное вхождение существительного в текст. Ср.: - Мне кусок ветчины попустнее (элатив) ... - Нет, другой, попустнее (собственно компаратив). В первом случае замена компаратива положительной степенью прилагательного в принципе возможна, а во втором - нет.

⁴³ Подробнее о семантико-стилистических особенностях форм префиксального компаратива см.: И. П х а с. Форма сравнительной степени с приставкой по- в современном русском литературном языке. - "Studia Slavica", 4, I-2, 1958; Г. М. Р у м я н ц е в а. О значении и употреблении формы сравнительной степени имен прилагательных с приставкой по-. Ученые записки Латвийского университета, № 54, 1964; М. С а в а л а. К вопросу о значении и употреблении русского префиксального компаратива прилагательных в предикативной функции. - "Русky jazyk", 1967, № 4.

⁴⁴ И. П х а с. Атрибутивные конструкции с простой формой сравнительной степени прилагательных в роли определения в современном русском литературном языке. - "Studia Slavica", 3, I-4, 1957.

Несмотря на все эти ограничения, элативное употребление компаратива характеризуется заметной продуктивностью, а для формы с по- является преобладающим.⁴⁵ Факты русского языка не подтверждают, следовательно, предположение о "своеобразной дополнительности абсолютного употребления компаратива и суперлатива"⁴⁶ по отдельным славянским языкам.

Итак, все три степени сравнения - положительная, сравнительная и превосходная - являются именно степенями с р а в н е н и я. Прилагательные в положительной степени обозначают признак в сопоставлении с фиксированной для данного класса предметов "нормой", а в "косвенных" степенях сравнения - с произвольно избираемыми предметами или их совокупностями.

Отличительной особенностью грамматической категории степеней сравнения является многочисленность и разнообразие случаев конкуренции форм, т.е. синонимии, вызываемой семантическим воздействием контекста. Можно выделить два основных типа конкуренции форм: 1) значение одной степени сравнения передается описательным выражением с другой степенью (высокий рост - рост выше среднего; самый высокий в классе - выше всех в классе) и 2) неопределенность объекта сравнения приводит к замене подвижной точки отсчета фиксированной "нормой", т.е. к переходу от собственного суперлатива или компаратива к элативу (интереснейший случай - очень интересный случай; рыба любит, где глубже - рыба любит, где глубоко), синонимичному положительной степени.

Отношения конкуренции, существующие между языковыми единицами, во всецело обуславливаются непосредственным воздействием контекста, сужающим значение одной или обеих единиц. Следовательно, в позициях конкуренции не происходит превращения одной языковой единицы в другую. Компаратив в элативном значении или в сочетании типа сильнее всех остается компаративом, не становясь особой формой положительной или превосходной степеней сравнения. Точно так же формы типа красивейший или самый красивый и в суперлативном, и в элативном значениях в равной мере являются формами превосходной степени.

⁴⁵ Г.И. Румянцев а. Указ. соч., стр. 103; Н.К. Хижинко в а. К абсолютному использованию компаративу в руси́нском а в босни́нском. "Руский јазик", 1964, № 9.

⁴⁶ И.И. Ревзин к семантическому анализу степеней сравнения в славянских языках. - В сб.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973, с. 64.

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИКРОЯЗЫКИ

(Вопросы формирования и развития)

II. Градишанско-хорватский литературный язык в Австрии^{*}

А.Д. Дуличенко

Градишанские, или бургенландские, хорваты (этног. Gradišćanaki Hrvatli) проживают в Австрии — преимущественно в земле Бургенланд (град.-хорв. Gradišće "Градище"), а также в Вене. Последняя перепись 1971 г. фиксирует 24 505 чел., пользующихся градишанско-хорватским как "языком общения"; по оценкам специалистов, однако, реальная численность градишанских хорватов достигает 35 тыс. чел. [Соответственно 79,1; 69,299]; генетически к ним примыкает несколько десятков тысяч хорватов в Венгрии и Чехословакии (Словакии), которые в культурном плане в основном пользуются, в отличие от градишанских хорватов, литературным хорватско-сербским языком.

Основное число градишанских хорватов сосредоточено в таких селах, как Пандроф (град.-хорв. Pandorf — немец. Paudorf), Узлоп (Uzlep — Celip), Трайштоф (Trajštof — Trausdorf an der Wulka), Циндроф (Cindrof — Siegendorf), Климпух (Klimpuh — Klingebach), Райнгрт (Rajngrt — Baumgarten), Филеж (Filež — Nikitsch), Фраканав (Frakanava — Frankenau), Пинковац (Pinkovac — Güttenbach) и ряде других, где составляет преимущественное большинство по сравнению с немцами (австрийцами). Культурный центр градишанских хорватов — город Железно (град.-хорв. Željezno — немец. Eisenstadt), являющийся также и административной столицей земли Бургенланд; в последние годы роль культурного центра в известной степени выполняет также Вена.

Градишанцы^I имеют 500-летнюю историю. В конце XV — в течение XVI вв. их предки, гонимые турками, покинули районы

* Первый очерк серии "Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)", названный "Попытки моллиско-славянского литературного языка в Италии", опубликован в сб.: Проблемы описания системы языка и ее функционирования. (УЗ Гарт. ГУ. Вып. 486. Труды по русской и славянской филологии. XXX). Гарту, 1979, с. 56-99.

^I Для краткости мы будем пользоваться также термином "градишанцы" в этнонимическом значении "градишанские хорваты", что, кстати, обычно в печати и литературе об этой народности.

западной части Славонии, верхней Посавины, северной и северо-западной Боснии, Покупля и Лики, Хорватского Приморья и постепенно стали поселяться в тогдашней Западной Венгрии. Более 4 столетий спустя, в 1921 г., хорваты Западной Венгрии из-за раздела земель между Австрией и Венгрией оказались раздвоенными: около 80 хорватских сел, согласно решениям мирной конференции в Сен-Жермене в 1919 г., отошло Австрии, а около 20 осталось в составе Венгрии. Отходная Австрийская территория с немецким, хорватским и частично венгерским населением получила с 1920 г. немецкое название "Бургенланд", для которого классик градищанско-хорватской литературы Мате Мерич-Милорадич (Mate Merić-miloradić; далее просто-Милорадич) подыскал славянский эквивалент "Gradišće", а проживающие здесь хорваты стали называться "Gradišćanaki Hrvatī" [92,18 и далее; 93,18-20; 14; о ранней истории градищанских хорватов см. также: 19;20]. Начавшаяся во второй половине XIX в. и достигшая кульминации в начале XX в. массовая миграция населения из Австро-Венгрии в Америку затронула и градищанских хорватов; с 1899 г. по 1913 г. в США их переселилось свыше полутора тысяч человек [43,58-60; 45,61-62; 18; 17,III-III5].

В этническом плане градищанские хорваты представляют собой народность, которая, признавая свою общую принадлежность к хорватской нации, все же осознает себя в ее пределах чем-то специфическим: позади полтысячелетия собственной (изолированной) истории, наличие своеобразных признаков духовной и материальной культуры как результат консервации принесенного еще с прародины (где такие черты могут быть уже стерты) и взаимодействия окружающих народов (прежде всего венгров и немцев-австрийцев), наконец, различие языковой системы на диалектном и особенно литературном уровне. Внутри градищанско-хорватской этнической общности выделяются особенностями образа жизни, говора и проч. следующие группы: в Северном Градище - хацы (град.-хорв. Hasi, Hasci) и полянцы (Poljanci), в средней части - долинцы (Dolinci), южнее располагаются так наз. влахи (Vlahi) и на самом юге Градища - штои (Štoji, т.е. штоканцы).

Библиография работ, полностью или частично касающихся градищанских хорватов, насчитывает к настоящему времени 786 названий [92,80-108; 9,53-65]. Правда, она далеко не полная

и охватывает преимущественно историко-этнографические, политические и общественно-культурные работы; что касается исследований по языку, то их число весьма незначительно.

В науку первые сведения о градищанских хорватах попадают в начале XIX в., в 1828 г., в частности, благодаря историку Й. Чапловичу [15]. С середины XIX в. предпринимаются научные поездки к градищанским хорватам. Первым был крупнейший деятель хорватской культуры XIX в. Ф. Курелац [49], затем - Ф. Кухач [47] и И. Милчетич [67]. Собранный ими материал по фольклору, этнографии, культурной и общественно-политической ситуации хорватов Западной Венгрии был высоко оценен современниками и сохранил первостепенное научное значение до настоящего времени. Собираемые произведения устного народного творчества было успешно продолжено позднейшими поколениями, в частности, градищанско-хорватских исследователей, среди которых следует отметить двухтомное издание ячек (так градищанцы называют свои народные песни) Якоба Добровича (Jakob Dobrovich) и однотомник Мартина Меричича мл. (Martin Meričič ml.) [116; 117; 126]. Вопросам истории, культуры и современного положения градищанских хорватов посвящена вышедшая в 1934 г. монография М. Уевича [91], в 1970 г. - монография М. Валентича [92], а в 1973 г. - огромный том коллектива градищанских и хорватских авторов, в котором, помимо научных работ, помещена небольшая антология современной градищанско-хорватской литературы, переизданы работы Ф. Курелаца, Ф. Кухача и И. Милчетича и др. [28]. Градищанскому автору Ивану Добровичу (Ivan Dobrović) принадлежит две монографии по истории градищанских хорватов - обе на градищанско-хорватском языке [19; 20]. Специально положению национальных меньшинств в Австрии и особенно градищанских хорватов был посвящен так наз. *Symposium Croaticum*, организованный в Вене в 1973 г.; материалы этого симпозиума изданы отдельной книгой [84]. Много внимания изучению градищанских народных обычаев уделил известный хорватский этнограф М. Гаващи (работы 30-70-х гг.). Большую ценность представляет собой своеобразная энциклопедия градищанско-хорватских деятелей истории и культуры, составленная градищанцем М. Меричичем мл. в 1972 г. [65]. Этот же автор написал множество статей, посвященных отдельным деятелям старой градищанско-хорватской литературы и культуры, а также вопросам истории градищанско-хорватской литературы в прошлом [61, 7-36; 60, 43-44; 58, 51-59; 53, 47-59;

52, 140-143 и др.; см. также: 87, II-12; 89, 3-5⁷. Как исследователь старой литературы, М. Мернич, владея самым богатым собранием изданий на градищанско-хорватском языке (и о градищанских хорватах), стоит, безусловно, значительно выше Ф. Седенича, или Седеника (File Sedenich, 1862-1920), давшего первый монографический обзор этой литературы в 1912 г., но с массой неточностей и сомнительных заключений [5, III; 7, 6-7; 85]². Множество небольших по объему статей по старой градищанско-хорватской литературе принадлежит крупнейшему современному писателю Игнацу Хорвату (Ignac Horvat). В 1963 году были написаны две диссертации: "Религиозная письменность градищанских хорватов от начала до XIX в." Андреаса Каралла (Andreaz Karall) и "Мате Мернич-Милорадич. 1850-1928" Николы Бенчича (Nikola Benčić); последним автором написана также обзорная статья о градищанско-хорватской поэзии [6, 97-106] и др.

Изучению языка градищанских хорватов уделено значительно меньше внимания. Первой работой по диалектному языку является большое исследование 1927 г. В. Важного о чакавском говоре хорватов Словакии [97, 123-336; ср. также ранее вышедшую монографию В. Важного и А. Вацлавика 98]. Специально вопросы ударения и интонации в чакавских говорах Градища рассматриваются в лингвистической диссертации (1966) Г. Невекловского; этому же автору принадлежит ряд статей по классификации и фонетике градищанско-хорватских говоров [73, 94-115; 71, 195-204; 74, 106-109]. В 1978 г. Г. Невекловский выпустил обобщающий труд по градищанско-хорватским говорам с приложением диалектологических карт - итог многолетних исследований [72]. Несколько ранее достаточно полное описание градищанско-хорватских говоров на всех уровнях дал и хорватский диалектолог И. Брабец - в двух больших работах "Говор придунайских хорватов в Австрии" (1966) и "Хорватские говоры в Градище" (1973) [12, 29-118; 13, 61-90]; большую ценность представляют приложенные к этим работам тексты и словарики. В

² Научная неразборчивость Ф. Седенича проявилась, например, в том, что он причислил прекурско-словенского писателя Стефана Кюзмича, а также Эмерика Аугустича к градищанско-хорватским писателям; см. об этом в работах В. Новака: *Orombe k Stefanu Kuzmiču. - Saboris za zgodovinu in narodopisje, Maribor, 1934, s. 63 - 64; Izbor prekmurkega slovstva. Ljubljana, 1976, s. 47 - 64; Slovenci nismo - Hrvati ... - Narodne novine, Budapest, 1977, br. 19, s. 7.*

Австрия отмечено появление ряда лингвистических диссертаций по градищанско-хорватскому: Х. Джахича - о глаголе (1954), Й. Фасса - о языке и народности (1965), Х. Кошата - о говоре полянцев (1966) и др. Что касается литературного языка, то наиболее значительный вклад в его изучение внес венгерский славист Л. Хадрович капитальной монографией "Письменность и язык градищанских хорватов в 18 и 19 в." (1974); на материале текстов дается исчерпывающее описание всех уровней книжно-письменного языка градищанских хорватов до XIX в.; к монографии приложены тексты и словарь заимствований [30]. Л. Хадрович разрабатывает также конкретные вопросы грамматики старого градищанско-хорватского литературного языка, например, о наречиях как глагольных приставках, о синтаксических новшествах, возникших под влиянием венгерского и немецкого языков, и др. [29, 211-249; 32; 31, 59-74]. Градищанцу Н. Бенчичу принадлежит небольшой очерк литературного языка и попытка периодизации его истории [2, 15-28]. Х. Василев детально описал особенности фонетики и грамматики современного градищанско-хорватского литературного языка, сравнивая их с материалом современных чакавских говоров; к работе приложены образцы современных текстов [96, 189-237]. Имеется попытка определить место градищанско-хорватского среди других славянских языков [33, 45-52].³

Градищанско-хорватский литературный язык - один из старейших славянских литературных микроязыков. Первое время по прибытию на земли Западной Венгрии переселенцы, будущие градищанцы, пользовались книгами, по большей части религиозного содержания, привезенными со старой родины. Наиболее ранние градищанские памятники относятся в XVI в., в частности, речь идет о записи на одном латинском миссале - так наз. "Klimriška knjiga" кириллицей и частично глаголицей молитвы "Отче наш" и одной религиозной ячки. По предположению одних исследователей, запись сделал священник Georgium Socčević; имеется и другое прочтение фамилии как Juraj Vuković [30, 21; 65, II и далее; 55, 42-45].

Из рукописных памятников можно назвать также: гросварсдорфский судебный протокол 1625 г., Узлопскую общинскую кни-

³ Наиболее важная литература по истории, языку, литературе, этнографии, культуре и просвещению содержится также в библиографии Д. Павличевича [75, 205-222]; более ранние работы можно найти в [51].

гу ХVI в. [64, 42-46], "Фраканавские общинские книги" (с 1707 года и далее), текст так наз. "горного права" 1769 г., проповеди из Паннохальма 1805-1838 гг., перевод известного латинского назидательного сочинения "De imitatione Christi", сделанного Й.Ж. Карнером в 1812 г., и некоторые др.

Печатные градищанско-хорватские издания появляются лишь с ХVII в. Преимущественное их большинство религиозного содержания. В 1969 г. в Любляне были обнаружены два сборника религиозных песен неизвестного до того градищанско-хорватского поэта Гргура Мекинича (Grgur Mekinić, псевдоним - Pythirauca, ум. 1617 г.): "Dusevne rezne psalmi ter hvale uzdanja diachke ..." (1609) и "Druge kniige. Dussevnih rezazan, psalmov" (1611). Эти сборники и считаются началом собственно градищанско-хорватской литературы [62]. В библиотеке Будапештского университета Л. Хадрович обнаружил экземпляр перевода книги проповедей вюртембергского теолога и проповедника Йоханнеса Бренца и до настоящего времени остававшуюся неизвестной евангелическую книгу 1732 г. анонимного автора "Horvatszko evanguelye", которая находится в Венгерской национальной библиотеке [74а, 391-401]. В 1741 г. в Вене появляется вторая градищанско-хорватская католическая книга - так наз. "Lektionar" Ладислава Валентича (Ladislav Valentich) под названием "Epiztole i vanguelja". К середине ХVIII в. относятся: два катехизиса неизвестных авторов - "Horvatszki katekismus Aliti kratak nauk kerschanszki" (1747) и "Obchinszke misie" (1759); серия молитвенников - "Hisz zлата" (1754) Ловринаца Боговича (Lovrinac Bogović, 1719 ? 1721 ? - 1789) и "Duhovna kiticza" (1760) Годафрида Палковича (Godefrid Palković, 1714 ? 1715 ? - 1778), "Marianszko szveche" (1766) Еремиаша Шоштарича, или Шостарича/Шостерича (Jeremias Šoštarić, 1714 - 1770), "Vrata nebeszka" (1804) Симеона Кнефаца (Simeon Knéfac, или Kniefac, 1752-1819). В 1763 г. вышел ценный в языковом отношении назидательный труд Эберхарда Мариа Крагеля (Eberhard Maria Kragel, 1725-1788) под названием "Ssetvero-verzstni duhovni peraztan"; некоторые исследователи считают это произведение вершиной градищанско-хорватской литературы барокко [8, 5; 40]. Кроме отмеченных, в ХVIII в. появляется целый ряд сочинений других известных и неизвестных авторов, многие из которых не являются оригинальным писателями, поскольку их книги представляют собой либо переводы, либо переложения изданного ранее другими

авторами (списки их приводятся в работах: [92, 54 и далее; 10, 427]).

В XIX в. градищанско-хорватская литература и письменность переживает новый подъем, что проявляется в количестве изданий и в содержательной их характеристике: наряду с традициями религиозной литературы начинает развиваться литература светского содержания, ближе всего стоящая к народу и его языку. Крупнейшим религиозным писателем первой половины XIX в. был Йозеф Фицко (Josef Ficko, Fitzkó, Ficško, 1772-1843), словенец по происхождению, сочинения которого неоднократно переиздавались и пользовались большой популярностью среди градищанцев: "Kratak Pregled staroga zakona aliti hasznoviti nauki ..." (1824), "Nova hissa zlata" (1829, 1851, 1854, 1855, 1857 и др.), "Razlaganje velikoga katekizma" (1836) - огромный труд на 629 страницах (+ 196 страниц приложения). В русле религиозной песенной поэзии работали: Мате Гинзлер/Гинцлер (Mate Ginzler, 1780-1850), Грго Гусич (Grgo Gusić, 1821-1894), Гашпар Главанич (Gašpar Glavanic, 1833-1872), Мартин Боренич (Martin Borenić, 1850-1939), Миховил Накович (Mihovil Naković, 1840-1900); два последних автора значительную часть своих стихов поместили в сборнике "Kerštjansko-katoličanski jaškar" (1901).

Что касается светской литературы, то в XIX в. она представлена произведениями Стефана Гинзлера/Гинцлера (Štefan Ginzler, 1815-1869), чьи песни до сих пор популярны в Градище; кроме религиозных, "мирские" стихи писал и Миховил Накович. Однако рождение светской литературы следует отнести приблизительно к 1806 г., когда вышел первый (?) градищанско-хорватский ежегодник-календарь, открытый недавно Л. Хадровичем: "Novi horvatski kalendar na léto ... 1806" (до этого первым градищанско-хорватским календарем считали вышедший в Пеште "Kerštjansko-katolicanszki kalendar na prezturno léto 1864"). Открытый Л. Хадровичем календарь на 1806 г. называется "новым", поэтому, возможно, и он не является первым с хронологической точки зрения.

Литература градищанских хорватов с самого начала создавалась на чакавской диалектной основе. Это подтверждается блестящим лингвистическим анализом большого числа текстов до середины XIX в., проведенном Л. Хадровичем [307].

В области фонетики ярко выраженный икавизм, т.е. в большинстве случаев ё дало i (bižim, človik, viditi), реке -

е (béli, télo) и еще реже - то i, то е (nedilja - dšlo). В сильной позиции Ъ и Ь всегда дают а (dichi - padahne, osili - oval), о - обычно и (subota), реже - о (sobota), э - е после мягких согласных и j (jezik). Характерная чешская черта - переход неударного о в у - проявилась и в градишанско-хорватском: kulik, tulik; вторичное, или безгласное, а используется уже широко (misal, Turak), хотя в некоторых случаях (denas, meš) и позициях в слове (dostojean, ošter) возможно также е. Характерные для современных градишанских говоров дифтонги fe и ūo уже отмечены в текстах: dial. кне. Слоговые j и r дали соответственно и (dušan), реже - i (dibok) и eš (kecv). Старые lj и nj в отдельных случаях депалатализировались: vrasitel, но vrasitelji; čineže - вместо ожидаемого činjenje.

Одной из примечательных особенностей консонантизма является выпадение (характеризующееся, однако, нерегулярностью) отдельных согласных в начале слова, как, напр., v [vládati] > ladati, но vlasi; vnoĝo (<мноĝo>) > noĝe и др., p (ptica > tica), g (gdo > do); выпадение h происходит в случаях, когда по соседству с ним оказывается согласные, значительно отличающиеся от h артикуляторными характеристиками: hvaliti > valiti, ahranjen > sranjen и т.д.

В области словообразования наиболее специфичными являются: группа существительных на -uš, а также -aj, -iš, возникшая под венгерским влиянием (biruš, jiliš) и в дальнейшем достигшая большой продуктивности; сущ. жен. р. с суффиксом романского происхождения -ij(a) (pegaštrija < нем. Bergmeisteramt), набирающие продуктивность, и уже достаточно высокопродуктивная группа с суффиксом -b(a) [tušba < таšiti и даже protišba от предлога proti(v), по аналогии с hímba, obramba]. Весьма интересна группа сложных прилагательных, созданных по немецкому образцу: anigobel - нем. schneeweiß, hvalevridan - нем. lobenswert и др. Под немецким и венгерским воздействием появилась тенденция к переходу наречий в глагольные приставки: gori stati - ср. нем. auf(er)stehen, венг. felkelni/feltámadni, kraj pojti - нем. weggehen, najprej povidati - нем. voraussagen, najzad peljati - нем. zurückführen, венг. visszavezetni, prik dati - нем. übergeben, венг. átadni, akupa dojti - нем. zusammenkommen и др.

Система словоизменения старого градишанско-хорватского

языка остается в основе также чакавской, хотя, правда, ощущается и некоторое кайкавское влияние. У существительных полностью отсутствуют колебания в роде; сущ. list "письмо" и lov "охота" последовательно употребляются только в жен. роде. Склонение сущ. в основе то же, что в праславянском; из новых явлений заметна постепенная утрата вокатива и его замена им. падежом (о́белѧ и отас пѧѧ), хотя в религиозных текстах этот падеж еще продолжает употребляться; формы им.п. мн. ч. от сущ. муж. рода унифицированы — имеют только флексию *-i*, без чередования заднеязычных (это сохраняется и в современном градичанско-хорватском литературном языке): *vga-gi, duhi*; старое наращение у сущ. ср. р. *-es-* проявляется нерегулярно: *tvojih čud* "твоих чудес", но: *iz nebésih* "с небес". У прилагательных ощущается остаточный характер именного склонения (*do mala vrimena*), в отличие от широко употребляющегося местоименного; склонение же числительных, оставшееся в основе чакавским, сложнее, чем в хорватско-сербским (штокавском), так как наряду с древними формами возникли новые (обычно по аналогии); *četiri* "четыре" склоняется как прилагательное во мн. ч., а числительные от 5 до 10 в им., род. и вин. п. совпадают. Формы аориста и имперфекта еще используются, однако только в старых евангелических текстах, причем аористная форма 3 л. мн. ч. *-še* перенесена и на имперфект (*andeli služáše njemu*); нет уже различия между супином и инфинитивом; видовая корреляция вполне продуктивна, однако под немецким и венгерским влиянием авторы текстов часто путают и смешивают совершенный и несовершенный виды; для 3 л. ед. ч. императива все активнее используется конструкция *neka* + форма наст. времени: *neka služi* "пусть служит"; старое деепричастие (*kleše* "стоя на коленях", *leže* "лежа") еще сохраняется, однако его остаточность уже ощутима, поскольку эти формы вытеснены новыми типа: *glédajuć(i)* "глядя", *hvaleć(i)* "хваля" и под.

В области синтаксиса выделяется развившаяся под влиянием немецкого языка новая категория — неопределенный артикль (на основе числительного *jedan*). В развитии бессвязных предложений определенную роль сыграл немецкий язык (ср. *ako je to me tako* и немец. *wenn dem so ist*), а на приложение оказал воздействие венгерский (не *apoštol Péter*, а *Péter apoštol*) и т.д.

Словарный состав, помимо общеславянских, хорватско-серб-

ских и собственно чакавских элементов, содержит значительное число калек и заимствований из итальянско-латинского, немецкого, венгерского, а также (реже) турецкого источников, причем значительная часть заимствований характерна и для кайкавского диалекта, что, как предполагает Л. Хадрович, указывает на длительный контакт будущих градичанцев с кайкавцами еще до переселения в нынешнее Градище (Бургенланд), а также о кайкавском влиянии уже на новой родине [30], которое проникало через посредство писателей, близко стоявших к кайкавским книжно-письменным традициям; как, напр., Драя Мулика (1694-1754), родом из-под Загреба, долгое время миссионерствовал среди хорватов Западной Венгрии и написавшего для них две книги: "Priravljanje k srovidi" (Željezo, 1748) и "Duhovne jaske" (Djur, 1750) (см. [10, 40-41]); ср. также деятельность словенца по происхождению Й. Фишко (см. выше).

С самого начала орфографические системы письменного градичанско-хорватского литературного языка XVI-XIX вв. развивались под влиянием венгерской и в тесном родстве с кайкавской традициями (хотя язык всех источников в основе является чакавским). Венг. лигатуры *sz, sz, sz, ly, ny* и др. используются в градичанских текстах (с теми или иными вариациями) для передачи соответственно *s, c, č, lj, nj* вплоть до 70-80-ых гг. XIX в.; с кайкавской традицией связано, например, обозначение *š* и *ć* обычно посредством *sh, t.e.* без различия, а затем и *sa*; диакритика впервые появляется лишь в 1806 г. (в учебной книге "Slabikar aliti jimen knuz'ica za nazvan ladanzkih skol horvatskoga naroda...") и связана с попыткой обозначить *ž* посредством *z'* (до того *ž* смешивали с *ž* или же обозначали особыми знаками).

Следует подчеркнуть, что писателями XVII - первой половины XIX вв. языковые вопросы практически не дискутировались. Для указанного времени характерно следование различным литературно-письменным традициям, что зависело прежде всего от автора: у одних сильно ощущается традиция южнославянского (хорватского-сербского) религиозного языка, в сочинениях других преобладает народный языковой элемент; язык значительного количества книг подвергся в области лексики и грамматики сильному влиянию венгерского и немецкого языков. Однако было бы неправильным думать, что писатели указанного времени совершенно не занимались нормированием языка. Э.М. Крагель, несмотря на германизированный стиль его сочи-

нения 1763 г., проявил себя как большой мастер слова, создав множество новых слов и форм; правда, не все они были приняты писателями особенно второй половины XIX в. Но зато ему следовал в первой половине XIX в. Й. Фишко, язык произведений которого, кстати, содержит множество новшеств, неизвестных предшественникам: помимо явных архаизмов, унаследованных от религиозно-письменной традиции XVIII в., этот автор ввел большое число словенизмов типа: *konšimar* при хорв.-серб. *vašem, vezalo* и *vez, veza* и под. Однако назвать такие нововведения языковой реформой нельзя, тем более что многие из них в дальнейшем не прижились. Й. Фишко, как предполагается, был создателем первого градишанско-хорватского словаря, судьба которого до сих пор неизвестна; словарь был составлен как двуязычный, венгерско-градишанский (*liber nominalis ungarico-sroaticus*⁴), и предназначен для школьников [88, 4]⁴.

Обсуждение языкового вопроса у градишанских хорватов начинается в последней трети XIX в. и вызвано влиянием языковых, графико-орфографических реформ хорватского просветителя Л. Гаю. Начиная с 1864 г., учитель Юре Хорват (Jure Horvath, 1830-1903) выпустил в 1400 экземплярах новый (но не первый!) ежегодник-календарь градишанских хорватов. Среди интеллигенции, которую в основном составляли религиозные служители и учителя, развернулась дискуссия: каким путем должно идти развитие литературного языка? "Прогрессисты" настаивали на обновлении языка в духе реформы Л. Гаю, в то время как наиболее консервативная часть духовенства призывала назад - писать "по наші", как Й. Фишко. Под обновлением "прогрессисты" понимали прежде всего постепенное сближение с хорватским литературным языком, с тем чтобы можно было пользоваться хорватскими книгами: "... k jeziku naših hrvatskih bratov na jugu se približavati, da budemo mogli s časom njihove knjige hasnovati. Ali to ne smi naglo pojeti!" - так писал Александар Робица (Aleksandar Robica) в статье "Vsaki početak je težak", опубликованной в календаре на 1864 г.

В этом же духе высказался и Г. Главанич, настаивая на радикальной реформе как графики и орфографии, так и языка. В

⁴ Второй по времени словарь у градишанских хорватов вышел, как указывает Ф. Тоблер, в 1858 г. Автором этого градишанско-немецкого словаря для учителей был Ф. Хаусер: F. Hausser. Kroatisch-deutsches Wörterbuch für Schullehrer. Mit besonderen Rücksicht auf den Dialekt der Kroaten in der Raaber Diözese. Wien, 1858. [88, 4].

статье "Zabavno-poučni razgovor o hrvatskom pravopisu" ("Занимательно-поучительный разговор о хорватском правописании"), помещенной в одном из выпусков нового календаря, Г. Главанич остро критиковал "консерваторов", указывая, что язык прежних писателей, а особенно Й. Фицко, не может считаться образцовым: в нем много морфологических и синтаксических неправильностей, путаница в использовании форм времени, предлогов и под.; отсутствует графико-орфографическое единство и т.д. Здесь же Г. Главанич дает набросок и грамматических, и орфографических правил, которыми следует пользоваться, с тем чтобы приблизиться к "иллирскому" языку; одновременно автор статьи рекомендует избегать германизмов, которые к тому времени заполнили градищанско-хорватский литературный язык. Идеи Г. Главанича о решительном обновлении литературного языка нашли практическую реализацию в его поэзии, многочисленных статьях и заметках, учебниках для школы, а также в издававшемся им (после смерти Ю. Хорвата) ежегоднике "Kerstuanszko-Katolicsanszki kalendar" (см. подробнее 56, 93-97).

Проведению графико-орфографических и языковых реформ объективно способствовала и школа, которая как хорватская (и преимущественно о использовании своих учебников) была организована с середины XVII в., хотя в разные периоды своей истории подвергалась насильственной политике мадьяризации. С 1867 г., в связи с Австро-Венгерским соглашением, развитие общественной жизни в Венгрии стало зависеть от централистской политики Вены [95, 31]. Новый школьный закон разрешал хорватскому населению Западной Венгрии преподавание в школах на родном языке. И как следствие этого в 70-80-ые гг. XIX в. появляется большое число учебников по различным предметам: "Zemljopis za hervatszke narodne skole" (1873) и "Podučavanje u jezikoslovlju za učitelje i školare" (1877) М. Наковича, "Prva čitanka za katoličansku školsku mladost" (1874), "Pocetnica za katholicsanszku skolozku mladost jurzszke biskupie" (1877) и др. Это вызвало необходимость унификации орфографии и языковых норм, развитие стилистических средств.

В этом направлении в 1877 г. выступил писатель, автор ряда учебников для школы М. Накович. В своей "Декларации", обращенной к интеллигенции, М. Накович доказывал необходимость сближения градищанско-хорватского с хорватским литера-

турным языком, что возможно лишь после проведения графико-орфографических реформ, т.е. принятия гайици (гаевици); "смертный час 'старопису' уже пробил". ("jur je za starije pisane slova udrila"), - пишет он в своем обращении. (Цитир. по раб. Ф. Кухача, [28, 246-247]). "Декларация" М. Наковича была принята большинством учителей и стала отправной точкой в деле создания единой грамматики и орфографии для градишанско-хорватского литературного языка. С этого времени гайица все более завоевывает позиции и к концу XIX в. становится единственной графико-орфографической системой литературного языка градишанских хорватов. Хотя вопрос о реформе языка в "Декларации" не был четко поставлен, в своей дальнейшей деятельности М. Накович, прочно ставший на позиции гайици, шел по пути унификации норм градишанско-хорватского литературного языка и его сближения с литературным хорватским языком. Он старался следовать Риекской школе, что отразилось в особенностях написания ě, слогового ř, некоторых видов фонетической ассимиляции и др. [2, 20]. Особенно сильно проявляется влияние литературного хорватского языка на текст учебников М. Наковича и ежегодника "Kerštjansko-katoličanski Kalendar", который он выпускал в течение ряда лет - вплоть до конца XIX в. Деятельность М. Наковича была поддержана рядом учителей и священников, среди которых следует назвать Мартина Боренича, редактировавшего после смерти М. Наковича градишанско-хорватский календарь, Ивана Мушковича (Ivan Mušković, 1848-1930), Ивана Чуковича (Ivan Čuković, 1865-1944) и др.

Деятельность Г. Главанича, М. Наковича, М. Боренича и их последователей, возникшей и развивавшейся под воздействием известных идей Л. Галя, был подготовлен новый этап в развитии градишанско-хорватского литературного языка, который охватывает период от начала XX в. до конца второй мировой войны. В самом начале века, в 1903 г., перестает выходить оказавший неоценимую услугу развитию литературного языка ежегодник "Kerštjansko - Katoličanski Kalendar" (первоначально в венгерском орфографическом оформлении: "Keratyanszko-katolicaisanzski kalendar"; с 1864 г. вышло 13 томов). В 1902 г. в Кисеге появляется новый ежегодник "Hrvatski Kalendar sv. Antona Paduanskoga" ("Хорватский календарь св. Антона Падуанского"; издание прекратилось в 20-е гг.). К

этому времени относится деятельность крупнейшего поэта, классика градишанско-хорватской литературы Мате Мершича, известного под псевдонимом "Милорадић" (Mate Miloradić, 1850-1928). В 1903 г. М. Милорадић при поддержке Мартина Мершича ст. (Martin Meršić st., 1868-1943) начинает издавать новый ежегодник - "Kalendar sv. Familije" ("Календарь св. семейства"; выходил до 1919 г. в Джуре, град.-хорв. Džur, венг. Győr), вокруг которого группируются представители градишанско-хорватской интеллигенции, в первую очередь учителя, врачи, священники, административные служащие, ставшие впоследствии известными деятелями литературы и культурной истории градишанских хорватов: Мате Каралл (Mate Karall, 1827-1911), Иван Добровић (Ivan Dobrović, 1882-1967), Франц Ферчак Franc Ferčak, Fertšak, 1861-1926), Антон Грубич (Anton Grubić 1874-1929) и др. Эта группа ставила целью пробудить национальное самосознание широких слоев градишанских хорватов развитием культуры, литературного творчества, развитием единого литературного языка и т.д., с тем чтобы противостоять все более надвигающейся, с одной стороны, мадьяризации, с другой - германизации. Однако эти идеи с трудом доходили до широких масс градишанцев. В связи с этим в 1909 г. у М. Мершича ст. возникает мысль об издании газеты, с помощью которой были бы достигнуты цели культурно-национального возрождения градишанцев. На состоявшемся в Шопроне 5 августа 1909 г. совещании ("zgravišće"), на которое пришло много делегатов, принимается, несмотря на противодействия венгерских властей, увидевшего в этом движении "панславизм" и, следовательно, опасность для государства, решение об издании такой газеты. 1 января 1910 г. в количестве 4 тыс. экземпляров (в пропагандистских целях; со второго номера тираж был сокращен до 2 100 экз.) в Джуре вышел первый номер первой градишанско-хорватской газеты "Naše Novine" ("Наша газета"). Газета выходила до 1922 г., сыграв выдающуюся роль в сплочении градишанских хорватов, в развитии литературно-художественного творчества и культуры вообще, а особенно в развитии литературного языка [57, I, 3, 14; 94, 8-9]. В конце 1921 г. в Вене и Шопроне начинает выходить новая газета "Novi Glas", т.е. "Новые голоса", однако уже в начале 1922 г., после 7 номеров, это издание прекратилось. В 1922 г. М. Мершич ст. начал издавать в Вене "Križevanske hrvatske novine", однако после четвертого номера газета уже не выходила из-за финан-

совых трудностей. В самом конце 1922 г., так же в Вене, несмотря на сопротивление нового австрийского чиновничества, инициативная группа студентов организует издание новой газеты "Hrvatske Novine", имевшей подзаголовок "Glasnik gradišćanskih Hrvata" ("Вестник градишанских хорватов"). Девизом газеты было: "Sloga je moć!", т.е. "Единство - сила!" В 1942 г. газета под нацистским давлением и в связи с нехваткой бумаги прекратила свое существование⁵/24,4,13; 82,5; 23, 112-113; 104, 142-146/. До войны градишанцы издавали еще две газеты. Одна из них - "Naš glas" ("Наш голос", с 1923 по 1934 гг.) - фактически была политическим органом социал-демократической партии, выступала против программы национального сплочения и культурно-литературного развития, отстаиваемой газетой "Hrvatske Novine", а позднее - и первым градишанским культурным обществом. Для детей издавалась "Male crkvene i školske novine" ("Маленькая церковная и школьная газета", с 1931 г.), в 1939 г. закрытая национал-социалистами.

До войны в Градище выходило также два журнала на градишанско-хорватском языке, оба религиозного содержания: "Katoličanski ljudski savez", т.е. "Католический народный союз" (первый номер имел несколько иное название: "Katoličanski savez ljudi u Gradišću") - с 1927 по 1940 гг. в Вене; "Glasnik dela sv. Martina" ("Вестник деяний св. Мартина") - с 1935 по 1936 (?) в Железно. Возобновилась традиция издания ежегодников-календарей, содержащих, помимо религиозного материала, многочисленные статьи по вопросам языка, культуры, истории, просвещения, а также литературные произведения. Календарей выходило много, однако большинство из них имело короткий век: с 1923 г. в Железно вышел "Hrvatski kalendar Gradaanske države", т.е. "Хорватский календарь Градишанского штата" (с 1926 г. - "Hrvatski kalendar Gradišća" - "Хорватский календарь Градища"), а в Зауэрбрунне - "Gradiški kalendar sv. Jožefa" ("Градишанский календарь св. Иосифа"); с 1924 г. появился "Naš hrvatski kalendar" ("Наш хорватский календарь"), с 1926 по 1930 гг. издавался "Kalendar sv. Mihovila" ("Календарь св. Михаила"); в 30-не гг. появляются еще два календаря - "Naša Domovina" ("Наша родина", 1931-1940) и "Ljetna knjiga" ("Ежегодник", 1930-1931) - как орган общества "Hrvatsko kulturno društvo u Gradišću", т.е. "Хор-

⁵ По другим данным, газета выходила до 1940 г., см.: [93, 24/.

ватское культурное общество в Градище".

Общества, деятельность которых была направлена на культурно-национальное и языковое развитие градищанских хорватов начали возникать в 20-ые гг. НКД ("Hrvatsko kulturno društvo", "Хорватское культурное общество") было центральным обществом градищанских хорватов. Мысль о его создании была высказана в 1919 г. учителем И. Добровичем и поддержана М. Мерничем ст., который дважды собирал градищанскую интеллигенцию - в 1920 г. на предварительное обсуждение вопроса и в 1921 г. - на учредительное совещание ("utemeljiteljsko zbravilisce"). Однако деятельности только что организованного НКД помешал раздел Австро-Венгрии. В 1926 г. М. Мернич ст. снова обращается через газету "Hrvatske Novine" к интеллигенции, и после нескольких лет дискуссий и подготовительных работ в 1929 г. учреждается НКД - "Hrvatsko kulturno društvo u Gradiscu", которое существует до настоящего времени. Общество ставило первоочередной задачей сохранение этнической специфики градищанских хорватов, пестование народных обычаев; оно занялось изданием и распространением градищанско-хорватских книг, учебников и т.д. Но главной целью общества было сохранение и развитие градищанско-хорватского языка: "Na prvom mjestu stoji trazenje za ošuvanje i razvitanje našega hrvatskoga jezika", - писал М. Мернич ст. [54, 20]. В рамках НКД действовали любительские песенные ("jačkarna društva") и музыкально-танцевальные коллективы ("tamburaški zbori"), различные молодежные и школьные общества, среди которых наибольшую известность получило общество "Rodobrana" (1930), с 1931 г. переросшее в общество "Kolo gradišćanskoga hrvatskoga društva" ("Круг градищанских хорватских учащихся"); последнее объединяло учащихся и студентов всего Градища [54, 6-28; 35, 29-39; 16]. Большая заслуга НКД в организации хорватских библиотек ("Hrvatska knjižnica") в нескольких крупных хорватских селах Градища, в которых собрано было значительное число градищанско-хорватских новых и старых книг, рукописей. "Книжницы" активизировали культурно-просветительную жизнь градищанцев. Что касается школы, то НКД боролось за введение преподавания родного языка и выступало против участившейся помощи в градищанско-хорватские села немецких учителей, предпринимало усилия по изданию учебников и, как мы уже отметили, стимулировало создание школьных кружков и обществ. Еще в 1919 г. И. Добро-

внч издал учебник "Prva Štanka za 1. i 2. razred", т.е. "Книгу для чтения для I и 2 класса", в 1926 г. - второй "Druga Štanka za 3. i 4. razred" и в 1929 г. - третий "Treća Štanka za 5. do 8. razred" для градишанских школ. В этих "читанках", из-за недостатка школьных учебников, содержится также материал по самым различным предметам - от истории и географии до физики и арифметики; в последней приводится также краткий обзор грамматики градишанско-хорватского литературного языка, понимаемого как единое целое и одновременно как синтез местных говоров. Последующая деятельность по изданию учебников ставила на повестку дня вопрос об унификации старой и разработке новой терминологии. С языковыми трудностями сталкивались и те, кто готовил и выпускал градишанско-хорватскую периодику.

Еще в 1910 г. М. Милорадич, редактируя первую градишанско-хорватскую газету "Naše Novine", заметил, что в публикуемых в редакции статьях "nije bilo pravoga pravopisa", т.е. "не было настоящего (правильного) правописания", имея в виду также и отсутствие единых лексических, словообразовательных и грамматических норм [57, 147]. Выход из создавшегося положения М. Милорадич видел, как и его предшественники Г. Главанич и М. Накович, в грамматическом и особенно лексическом сближении градишанско-хорватского литературного языка с литературным хорватским языком, что и пытается провести в изданном им в 1919 г. школьном учебнике родного языка [58], созданном по "образцу и подобию" неоднократно издававшейся школьной грамматики "Хорватского или сербского языка для средних школ" Т. Маретича. В 1926 г. он снова настаивает на "литературном сближении с корнем на юге", т.е. с хорватской литературой и языком: "Ako hoćemo ostati Hrvati, moramo se književno najzad pripipiti našemu stablu na Jugu", - так пишет он в газете "Hrvatske Novine". Надо сказать, что поэтическое творчество М. Милорадича - вершина градишанско-хорватской поэзии - создано на градишанско-хорватской чакавской основе, однако М. Милорадич успешно обогащает (преимущественно лексически) свои произведения, пользуясь "общим резервуаром", т.е. хорватским литературным языком; достигаемый М. Милорадичем языковой сплав признается "классической формой градишанско-хорватского литературного языка" [2, 21]. Своим творчеством М. Милорадич не только влиял на развитие литературного языка, но и убедительно показывал его литератур-

но-художественные возможности [80, 92-94; 106, 37-46]. Основная часть творческого наследия поэта собрана в сборнике, вышедшем уже после его смерти, - в 1933 г., затем в 1956 и 1978 гг. [127].

В 20-30-е гг. М. Милорадичу во многом следовала та часть интеллигенции, которая группировалась вокруг газеты "Hrvatske Novine". По инициативе этой газеты основное внимание было обращено на очищение литературного языка от многочисленных лексических и синтаксических мадьяризмов и германизмов⁶ и замену их хорватизмами либо элементами из градищанско-хорватских говоров. Что касается фонетики и морфологии, то здесь не проводилось каких-либо значительных изменений, т.е. они оставались чакавскими. Под воздействием поэтических и лингвистических идей М. Милорадича находились практически все поэты и писатели 20-30 гг.: Яндре Прикосович (Jandre Prikosović, 1888-1946), Петар Яндржинович (Petar Jandričević, 1879-1938), чья избранная проза недавно издана отдельным томом [122], Иван Блажевич (Ivan Vlašević, 1888-1946), Томе Беденик (Tome Bedenik, 1889-1940), Дометар Лемперг (Dometar Lemperg, 1898-1944) и др.

На этой же позиции стоял с самого начала своей творческой деятельности Игнац Хорват (Ignac Horvat, 1895-1973), достигший в прозе таких же вершин, каких в поэзии достиг М. Милорадич. В 1933 г., будучи президентом НКД, он выступил с программной речью "Naše kulturne zadabe" ("Наша культурные задачи"), в которой указал на опасность растворения градищанцев в немецком (австрийском) море ("neka se naša sela ne nimaču"), предлагая ряд контрмер, среди которых - установление тесных культурных связей с живыми хорватами, с тем чтобы взять от них то, что недостает, обмениваться культурными достижениями и тем самым сохранить себя как ин-

⁶ Насколько сильно было это влияние на язык градищанских хорватов, особенно устной речи отдельной части населения, можно проиллюстрировать помещенным в газете "Naše Novine" (15. 3. 1919) примером высказываний одной градищанки: "Znaš, kako sam mogla biti tako tuma (< немец. dumm). Išla sam si po untersticungu (< немец. Unterstützung). Pa mi je bilo malo. Pak sam išla ügyvedu (< венг. ügyvéd). Ali dusa, imala sam ti već ausgabe (< немец. Ausgabe) nego ajnname (< немец. Rinnahme) ziz untersticunge (< немец. Unterstützung). Znaš, kako tum (< немец. dumm) ti je clovik. Najgirig (< немец. neugierig) sam, ca te sad placat? Ko budem imala sajta (< немец. Zeit), bu pitat ..." ("Gradišće". Kalendar ... 1976, s. 171).

ДИЛЕКТУАЛЬНОСТЬ: "могамо stupiti u uče kulturne veze ... s hrvatskim narodom u staroj domovini i od njega uzimati ona, ča smo mi već izgubili, s njim si zminjivati naša kulturna dobra ... uz to hoćemo obuvati, kot gradišćanski Hrvati, našu kulturnu individualnost". Хорватский литературный язык рассматривается как средство, с помощью которого следует обновить и освежить родной язык: "S ovim [hrvatskim] jezikom hoćemo i mogamo naše zastalo narečje ponoviti i ofriškati" [38, 43, 42; см. также: 37, 40]. В 30-е гг. И. Хорват организовал так наз. "академию", или "литературный отдел" ("li - terarni odbor"), силами которой предполагалось составить немецко-градишанский словарь и грамматику градишанско-хорватского литературного языка в направлении его сближения с "жизненным штокавским литературным языком". Идея, однако, реализована не была⁷.

Против языковых реформ по линии сближения с хорватским литературным языком выступала наиболее консервативная часть духовенства, точка зрения которого предельно ясно выражена М. Маричем ст. в одной из статей за 1937 г. В частности, он утверждал, что хорватский литературный язык далек от градишанского (можно перечислить тех, кто понимает по-хорватски), что в старших классах можно научить по большей мере лишь читать на нем тексты и под. [63; 2, 22-23]. Кстати, эти два взгляда на развитие литературного языка сохраняются до наших дней.

Современная градишанско-хорватская языковая территория в диалектном отношении не является монолитной. Все северное, большая часть центрального, а также частично южного Градища пользуются чакавским диалектом; в среднем и южном Градище имеются два небольших кайкавских острова, а в южной части

⁷ Вот как об этом пишет И. Хорват в 1937 г. в письме к известному хорватскому диалектологу С. Ивничу: "Odlučili smo, da ćemo sastaviti jednu malu gramatiku našeg jezika s pravopisom, pa ćemo sabrati i naše riječi, te ćemo sastaviti i izdati(?) jedan njemško-hrvatski rječnik, u kojem će se nalaziti i naši riječi i izrazi i riječi štokačkog književnog jezika". С. Ивнич поддержал это начинание, посетив личное участие и поддержку Югославской академии наук и искусств в Загребе [44, 763-766]. Последовавшие события политического характера помешали этому предприятию. Лишь в 70-х гг. идея создания общими усилиями словаря и грамматики литературного языка нашла свою практическую реализацию (см. ниже).

Градица, рядом с чакавцами и кайкавцами, живут также штокавцы. И кайкавцы, и штокавцы количественно и территориально значительно уступают чакавцам. Говоры последних, напр., хацев и полянцев, с одной стороны, и долинцев, с другой, между собой существенно не различаются. В основе современного градицанско-хорватского литературного языка лежит, как мы уже отметили, чакавский диалект с преимущественным отражением черт северного и центрального Градица, т.е. территорий, где проживают хацы и полянцы. О наличии незначительного числа кайкавских черт, в частности, в литературном языке до середины XIX в. мы уже говорили (см. ранее). В современном литературном языке их использование значительно сузилось. Что касается штокавизмов, то они так же практически не повлияли на развитие градицанско-хорватского литературного языка, так как ни кайкавские острова, ни территория штокавцев (или штоев) не оказалась в центре или рядом с очагами градицанско-хорватской культуры. Процесс штокавизации градицанско-хорватского литературного языка шел и идет в настоящее время другим путем — через посредство хорватско-сербского литературного языка.

Этот процесс существенным образом повлиял на чакавскую основу градицанско-хорватского литературного языка. Так, если до середины XIX в. литературный язык градицанцев содержит значительное число чакавских черт, что мы, опираясь на исследования Л. Хадровича, уже отмечали, то со второй половины, а особенно с последней трети XIX в. в него начинают вливаться (правда, первоначально в достаточно скромных размерах) штокавизмы — напомним о деятельности Г. Главанича, М. Наквичича и их последователей. В первой половине нашего столетия, в связи с бурным развитием градицанско-хорватской культуры и литературного языка, штокавизмы составляют ядро в предпринимаемых языковых реформах, хотя внедрение их проходит далеко не всегда последовательно и не так быстро. В довоенное время наряду с широким привлечением в градицанско-хорватский литературный язык лексических штокавизмов проводится постепенная штокавизация фонетики и, в меньшей мере, грамматики, что особенно наглядно отражается в градицанско-хорватских изданиях 20–30-х гг. Для сравнения обратимся к градицанско-хорватским ежегодникам-календарям на 1925 г. (к сожалению, наш экземпляр без титульного листа, что не дает возможности привести точные библиографические данные об этом

издании), на 1928 г. ("Naš Kalendar za gradišćansku hrvatsku družinu na pristupno leto, 1928". Pod peljanjem K. Tomšiča. Kiselavoda/Sauerbrunn, 1927), на 1934 ("Naša Domovina. Kalendar i letopis Hrvatskoga Kulturnoga Društva u Gradišću za leto 1934". Ur. I. Horvat. Neusalj, 1933).

В первом календаре наиболее последовательно отражаются чакавские фонетические черты, которые можно уследить в достаточно регулярном $-er < r$ как в примерах: *vegranj* "имья"; *skerb* "скорбь", *verlo* "очень", *serdce* "сердце", *černi* "черный", *keršmarica* "трактирщица", *četertak* "четверг"; наряду с очевидным перевесом икавизма имеются, правда, случаи экавизма: *vešanj* "январь", *leto* "год", *vreda* "среда", *telo* "тело"; сохраняется *t* перед *j* типа *bratja* "братья", *listja* "листья", *platjal je* "платил"; ср. также формы *treti* "третий", *najti* "найти"; отражена черта градишанско-хорватских чакавских говоров — озвончение глухих согласных в конце слов перед следующим словом, начинающимся со звонкого согласного: *ti znaš, da* (при *znaš*) и др. Ср. также сохраняющийся "немецкий экавизм" в словах типа *september* "сентябрь", *oktober* "октябрь", *november* "ноябрь", *december* "декабрь", *krajscer* "крайцер", *minister* "министр", а также немецкую окраску слов типа *študent* или *študenat* "студент" и под.

В области грамматики специфичными являются чакавские формы на $-om$ в вин. п. направления сущ. муж. р.: *Kad je on na ferije domom došal, je bila vsaka druga rič diakova mati.* "Когда он приехал на каникулы домой, каждое второе слово [его] было о "студенческой матери"; $-om$ в твор. п. ед. ч. в сущ. жен. р.: *Zis neverum je čudakrat i nezahvalnost sprojena...*(38) "С неверностью (предательством) много раз связана и неблагодарность"; в предл. п. сущ. мн. ч. флексия $-i < -ih$: *Va vsih rovlj trībujemo mi verle kerštjanske muže* (35) "Во всех делах нам нужно верного христианского мужа". Формы 3 л. ед. ч. настоящего времени вспомогательного глагола *biti* "быть" в составе форм прошедшего времени или страдательных причастий обычно выступают в сокращенном виде: *Anton oš nij' nikad varoša vidil* (34) "Антон еще ни разу не видел города"; *Profesori na latinskoj školi su ga obljubili, ar je bil lipoga ropašanja i marljivo se j' učil* (35) "Учителя латинской школы полюбили его, потому что он был прекрасно воспитан и старательно учился". Причастия в составе форм

прошедшего сложного времени сохраняют -i: došal, bil, roštal, išal и т.д. В сослагательном наклонении частица выступает в сокращенном виде, как и в чакавских говорах: Tu govno na nju gleda kot da b' hotil rebi ... (33). "Грустно смотрит на нее, как будто хотел бы сказать ...". У прилагательных в род. п. мн. ч. флексия -i < -ih: Ne zabi na molitvu i čuvaј se od zli tovaruhev (37) "Не забывай молитву и избегай злых друзей". Личное местоимение 3 л. ед. ч. жен. р. выступает в функции притяжательного местоимения в форме nje "ее": Nje mile riči su mi dıboko na serdce zapale (39) "Ее милые слова глубоко запали ему в сердце"; весьма специфичны формы род. п. притяжательных местоимений 3 л. муж. р. и мн. ч. (из личных, или указательных, местоимений) - njezovoga "его", njihovoga "их": Va suza se je koга njezovoga serdca raztalila (39) "В слезах кора его сердца растаяла"; Ona je tim prostim ljudem pokoj njihovoga ufanja donela (36) "Она принесла этим простым людям покой в их заботах"; собирательные и определительные местоимения используются преимущественно в форме vse "все", svak "каждый", "всякий", vseučilišće "университет" и т.д. Предлог "с" выступает в формах s, si, ziz: I ziz njimi je sloga po tibe razvezal (38) "И с ними постепенно он установил согласие"; что касается функции, то этот предлог широко употребляется с твор. падежом средства и орудия: Ona je gladila mladensa s rukom prik glavi (35) "Она гладила младенца рукой по голове"; предлог "в" употребляется в обычной своей форме va : Ona ga je odvela va jednu malu sobu, va koj će on stanovati (34) "Она отвела его в небольшую комнату, в которой он будет жить". Старая черта, возникающая в градишанско-хорватском под влиянием венгерского языка, - постпозиция определения по отношению к определяемому еще используется, однако все реже: Mati diakova je ođišla ... (35) "Мать студенческая" ушла ..."; ср. также немецкий тип с несогласованным определением: Antona otac je ođ živil (38) "Отец Антона еще жил" и т.д.

В ежегодниках на 1928 и 1934 гг. некоторых чакавских черт мы уже не найдем - они достаточно последовательно заменены соответствующими штокавизмами. Так, наблюдается переход от ег к г: sranј, skrb, vrlo, vrt ; наряду с икавизмом все больше распространяется екавизм и иекавизм: nedilja "воскресенье", ponediljak "понедельник", pjevao je "пел", djeca "дети", sjedela je "сидела", cijeli "весь", tijelo "тело",

prije "до", pripovijedaju "рассказывают" и под.; вместо тј чаще находим: браћа, доћи "приехать", "прийти", lišća. Оформление немецких заимствований начинает приближаться к хорватско-сербской модели: septembar, oktobar, krajsar, ministar.

Заметны, хотя и в меньшей мере, изменения в сторону штокавизации и в области грамматики. Так, причастная форма в составе сложного прошедшего времени чаще употребляется, как и в хорватско-сербском: Rekao je, da bi vas rad uzeo, samo... (Naš Kalendar 1928, 34) "Он сказал, что с удовольствием решил бы на все, только ..."; вместо предлога va находим u: Držala ga je objamljeno i gledala mu duboko u oči (Kalendar 1934, 101) "Она держала его в объятиях и смотрела ему глубоко в очи"; однако все еще встречается этот предлог и в форме va, что в каждом конкретном случае зависит, видимо, от автора и его отношения к проводящейся языковой реформе, ср. в этом же календаре: Va kolikih vojih on vojeval? - "Va dvajsetdevet vojih suprot Prusov, Janičarov (Turkov)." (Kalendar 1934, 139) "В сколько войнах он воевал? - "В 29 боях против пруссаков, турок" и т.д. Примеров подобной неупорядоченности в изданиях 20-30-ых гг. множество.

Что касается лексического состава градишанско-хорватского литературного языка первой половины XIX в., то его штокавизация проходит более быстрыми темпами. Вводимые штокавизмы - по большей части это термины из различных областей знания - обычно поясняются посредством немецких эквивалентов, подающихся в скобках. Так, слово rovest и povijest поясняется германизмом Geschichte, sabor - Landtag, seljačka buna - Bauernkrieg, pokrajinska zemljarina - Landesgrundsteuer, rudar - Bergarbeiter, tupoglavost - Dummkoller, sušica - Tuberkulose, svrabljivost - Räude, Krätze, sunčena karlja - Sonnenstich и т.д. Реже для пояснений дается венгерский эквивалент: lav-országán и под.

Штокавизмы вводятся не только тогда, когда для обозначения предмета или действия в градишанско-хорватском нет соответствующего слова. Весьма распространено их использование и в случаях, когда собственное слово в семантическом плане недостаточно узко специализировано либо стилистически не подходит для данного узуса; тем не менее такой "полуэквивалент" становится средством, при помощи которого толкуется заимствованное слово или оборот - штокавизм: neozledjeno "не пов-

реждено" - ne naranjeno "не поражено", ср. Младо, знати lice, je čudno oneozledjeno (ne naranjeno) ostalo ... (Kalendar 1928, 54) "Молодое сильное лицо чудом осталось неповрежденным ..."; еще примеры в контексте: Vsako pleme imale je u starih časih svoj grb (plemsko znamenje) (Kalendar 1934, 106) "Каждое племя имело в древности свой герб, символ (племенной знак)"; Mnogi stanovniki otoga mesta su se rano jutro s pošarskim koli va Pethervin odvezli, da oto popubljenje (ubišenje) vidu (Kalendar 1925, 73). "Многие жители того места ранним утром на почтовых поехали в Петервин, чтобы посмотреть ту казнь"; Imaj vlast (moć), ali nimaš človičanstva (Kalendar 1934, 122). "Ты имеешь власть (силу), но у тебя нет гуманности"; ср. liječnik - vračitelj, osveta - fantenje и т.д.

Наконец, штокавизмы используются для вытеснения германизмов и мадьяризов, ср. помещение этих последних в скобки: "Pita školski nadzornik (inšpektor) jednoga učenika ... (Kalendar 1934, 127) "Спрашивает школьный инспектор одного ученика ..."; zgora na drugom katu (štoku) je jedan koncolaj za varoščane uredjen (Kalendar 1928, 92). "Вверху, на втором этаже, создана городская канцелярия"; Ako je zemljarina krivo izračunana, more ... na vladu prosvedovat (rekurirat) (Kalendar 1928, 127) "Если поземельный налог неверно вычистан, необходимо пожаловаться властям и под."

После войны в дискуссии о развитии и дальнейшей судьбе градищанско-хорватского литературного языка вовлекается большой круг интеллигенции. Перспективы развития литературного языка видят по-разному: по мнению одних, необходимо развитие в собственном русле, с сохранением традиций старого литературного языка и использованием живых градищанско-хорватских говоров как источника; другим представляется наиболее рациональным сближение с хорватско-сербским литературным языком; некоторая часть выходцев из градищанских хорватов, фактически отошедших от хорватства и занимающихся политической деятельностью, выступает за ассимиляцию, т.е. растворение в немецком (австрийском) море и народности, и языка - эта точка зрения постоянно подвергается острой критике на страницах всей современной градищанско-хорватской печати.

Уже в первом послевоенном выпуске ежегодника "Gradišće"

на 1946 г. М. Меричиц мл., поддержав известный взгляд на развитие литературного языка М. Милорадича, высказался за языковое обновление и совершенствование по образцу языка южных братьев: "obnovljenje i usavršavanje našega jezika na prido-
 bu jezika naše južne braće" [56, 97]. Для достижения такой цели он предлагал ряд практических мер, среди которых - изучение хорватско-сербского языка в 7-8 классах школы, организация в селах библиотек с книгами, изданными в Хорватии, продажа и обмен такими книгами, подписка на периодические издания Хорватии и под. В 1947 г. снова был поставлен дискутировавшийся еще до войны вопрос о создании так. наз. "(градишанско) хорватской академии" ("Hrvatska akademija"), которая регулировала бы все, связанное с градишанско-хорватским литературным языком, в том числе и вопрос о введении хорватско-сербского языка в старшие классы школы [78]. Однако этот вопрос так и не вышел за рамки дискуссии. С появлением в 1947 г. газеты "Naš tajednik" ("Наш еженедельник") вопрос о языковой реформе по пути сближения с хорватско-сербским языком принимает более конкретный характер. В программной статье "Naš jezik", появившейся уже во втором номере этой газеты, а затем и в серии статей "Jezični kut" ("Языковой уголок"), начавшейся печататься с четвертого номера, предлагаются направления такого сближения главным образом в области фонетики и грамматики, суммированные Рибаром (псевдоним Карла Преча - Karel Preč) в виде требований употреблять: в м. чл. "все" метатезическую форму svi (и производные svaki, svakome), в причастных формах прошедшего времени вместо суффикса -l его альтернатив -o: bio, čuvao, dao; отказ от эквивалента в пользу форм типа bijelo, а не belo, cijena, а не cena, cijelo, mješa, ljeto, djelo и т.д. [2, 25-26; 76]. В 1948 г. эти предложения решением НКД (Hrvatsko Kulturno Društvo) были одобрены и рекомендованы как обязательные в употреблении (подробнее об этом см.: [126, 188-189]).

Нетрудно заметить, что предлагаемая языковая реформа во многом, если не сказать во всем (имея в виду, по крайней мере, фонетику и грамматику), повторяет аналогичные языковые предложения довоенного времени. Разница состоит лишь в том, что до войны эти языковые изменения проводились недостаточно активно, о чем свидетельствуют многочисленные примеры соседства текстов с архаическим и реформенным языком даже в пределах одного издания - книги, календаря и т.д. После вой-

ны языковую реформу принимает значительное большинство градищанско-хорватской интеллигенции. Предложенные изменения становятся нормой не только для периодики, но и школы: они закрепляются в книге для чтения для 2-4 классов Стефана Звонарича (Štefan Zvonarich) и грамматике родного языка Конрада Мершича (Konrad Meršić) [113; 110].

В послевоенные годы штокавизация градищанско-хорватского литературного языка проходит более планомерно и быстрее. Это наталкивает некоторых деятелей градищанско-хорватской культуры на мысль о том, что уже сейчас необходимо стремиться к более или менее массовому градищанско-хорватско-сербскому двуязычию, т.е. владению, помимо градищанско-хорватского, и хорватско-сербским литературным языком, а в дальнейшем и к переходу на него. (См., например: Hrvatske Novine, 1971, br. 45 и др.). Проникновению хорватско-сербского литературного языка в Градище способствуют тесные контакты градищанцев с Хорватией. В 1972 г. писатель И. Хорват писал в статье "O našem rječnom jeziku", что этом процессу должен содействовать культурный обмен и особенно изучение хорватско-сербского языка в школе; автор считал важным, чтобы образованные градищанцы говорили между собой не только на родном языке, но и на хорватско-сербском [39, 3]. В течение 20 лет, с 1951 по 1971 гг., около 800 градищанцев из числа интеллигенции, в том числе и учащейся молодежи, побывало на языковых, музыкальных и проч. курсах, ежегодно организуемых в Хорватии; градищанцы активно участвуют в различных культурных манифестациях, проводимых в Хорватии Чакавским сабором и другими организациями (см.: Hrvatske Novine, 1971, br. 33; 1971, br. 24; 1972, br. 24 и др.). Нельзя не отметить плодотворное влияние в этом направлении различных культурных обществ Хорватии, в том числе и основанного в 1976 г. в Загребе "Društva za suradnju s Gradišćanskim Hrvatima" ("Общество по сотрудничеству с градищанскими хорватами"; кстати, предшественником этого общества было созданное в Загребе в 1932 г. "Društvo prijatelja Gradišćanskih Hrvata" - "Общество друзей градищанских хорватов"), аналогичное общество в Риеке, появившееся в 1971 г.; других, весьма разнообразных, форм контактов (см. подробнее: [1, 329-330; 34^a, 78]).

В настоящее время можно говорить лишь о сближении с хорватско-сербским литературным языком, а не о переходе на него.

На пути к реализации второй цели существует целый ряд трудностей как объективного, так и субъективного порядка. Вопрос, будучи весьма актуальным, вызвал в последние годы новую дискуссию как в печати, так и на заседаниях градищанско-хорватских культурных обществ. Наиболее полно все pro et contra были определены после того, как в 1974 г. в венском обществе НАК ("Hrvatski akademski klub" - "Хорватский академический клуб") славист Й. Хамм прочитал лекцию на тему "Književni jezik ili dialekt u Gradišću?" (т.е. "Литературный язык или диалект в Градище?"; под "литературным языком" имеется в виду хорватско-сербский, под "диалектом" - градищанско-хорватский литературный язык). В качестве pro: материальная сторона дела - книги можно было бы печатать в Загребе и оттуда же брать школьные учебники; укрепление национального единства и проч.; в качестве contra: как до конца преодолеть различия в области лексики, фонетики и морфологии между градищанско-хорватским и хорватско-сербским и чтобы последний не воспринимался как иностранный язык? Далее, градищанско-хорватский литературный язык имеет старую традицию, идущую от XVI в.; разрыв с традициями литературного языка мог бы отделить культуру от народа, что привело бы, как предполагается, к еще большему давлению немецкого языка ("Novi Glas", Wien, oktobar, 1974, s. 16-17; см. также: [4, 4-5]). Заслуживает внимания наиболее перспективная мысль, которая все чаще высказывается деятелями градищанско-хорватской культуры: прежде чем переходить, необходимо развить и усовершенствовать родной язык, что мыслится опять-таки в плане сближения его с хорватско-сербским литературным языком, поскольку он рассматривается как источник такого развития и совершенствования. В плане фонетики и морфологии мы уже отметили некоторые, наиболее существенные, изменения развития-сближения, которые достаточно последовательно реализуются в практике функционирования градищанско-хорватского литературного языка, хотя следует в то же время отметить, что, напр., причастные формы типа bio, dao и под. произносятся градищанцами близко к живой диалектной норме: bil или bio, dal или dau; нет чистого произношения рефлекса ě как ije, но - ie и т.д. Эти и подобные факты свидетельствуют о наличии у градищанцев устной разновидности литературного языка.

Что касается лексики, то ее дальнейшее формирование свя-

зано также прежде всего с хорватско-сербским языком. Правда, новые слова некоторые предлагают брать из градишанско-хорватских говоров и лишь при отсутствии там таковых обращаться к хорватско-сербскому: "ako nima kade drugdje u Gradišu jar dialektni izraz za tu novu rič ... mogao bi se uzeti književni izraz ..." ("Nevi Glas", Wien, 1974, oktobar, s. 18). Совершенно очевидно, что из весьма архаичных говоров вряд ли можно пополнить такой пласт лексики, как, напр., специальная терминология. Поэтому хорватско-сербский представляется наиболее перспективным источником развития лексики. Причем высказывается мнение о том, чтобы новые слова и выражения, взятые из хорватско-сербского языка, сразу же употреблялись в оригинальной орфографической форме: "upotribljavamo te izraze i nazive odmah u originalnom pravopisu" [83, 32].

Лексические итокавизмы привлекаются прежде всего для отражения общественно-политической сферы: zajednica "коллектив", "общность", tisak "печат", društveni zakon "общественный закон", zahtijev "требование", javna rasprava "общественная дискуссия, обсуждение", višjezičnost "многоязычие", povelja "петиция", "хартия" и под.; ср. также связанные с этими сферами слова с агентивным значением: predstavnik "представитель", pristaj "сторонник", otmičar "мститель", "похититель", prevodilac "переводчик" и под. Широко использование итокавизмов в профессиональной и научно-технической сферах: tokaraki obrt "токарное дело", vošni sok "фруктовый сок", čelična konstrukcija "стальная конструкция", rogovski materijal "горючее", električna argava "электроприбор" и т.д. К итокавизмам прибегают и в случаях, когда свое слово слишком многозначно, семантически расплывчато и тем самым не может стилистически точно отразить предмет, действие и т.д. (это, как правило, итокавизмы-нетермины): prevariti "обмануть" при град.-хорв. vkaniti "обмануть", "ошибиться", "заблудиться", "обиться с пути"; lijek "лекарство" - vlašstvo "лечащее средство", raditi "работать" - djelati "работать", "делать", "создавать", "действовать"; ср. также употребление итокавизмов типа: uzbudjenost "возбуждение", primjećivati "замечать", uočljive "заметно", "очевидно" и под.

Языком-посредником при внедрении лексических итокавизмов становится немецкий язык, лексический эквивалент которого

подается обычно в скобках, ср.: Ne padašom (Mißgeschick) naših osobitih prilikov, ke sam već нарочито, je ..., da potpuno ... (HN, 1971, br. 18, s.2); u svako hrvatsko selo se pošalje standardizirani upitnik (Frageblätter) (HN, 1971, br. 10, s. 1 - 2); ср. также пояснения такого рода: ozljede - Verletzung, posjetnica - Visitenkartenaustausch, uzbrdina - Steigung, princip jezičnog kriterijuma - Sprachgebietprinzip.
Используется в этой роли и родной язык: шток. ostavitiм поясняется град.-хорв. jerb, glup-sjalav, kutije - skrabljuse и т.д. Штокавизация в известной степени сдерживает экспансию немецкой лексики в гражданско-хорватский литературный язык; по крайней мере, очевидна постепенная тенденция избавиться от немецких слов, даже если они достаточно прочно укоренились в гражданско-хорватском. Так, вместо šprensege или šprensege (< немец. Sprenger) находим карте, шм. Špaga (< Spuren) - trag(ov)a, шм каљки - ministarpredsjednik - predsjednik saveznog izvršnog vijeća и под.

Таким образом, штокавизация современного гражданско-хорватского литературного языка на всех уровнях представляется процессом достаточно стойким и прогрессирующим. Этот процесс, объективно направленный на отдаление литературного языка от говоров, проходит безболезненно. В гражданско-хорватской печати нередко публикуются письма читателей, которые выражают озабоченность тем, что periodically становится читать все труднее. Один из читателей, напр., отмечая, что газета "Hrvatske Novine" достаточно хорошо понятна для простого большинства народа, в то же время критикует авторов отдельных статей за чрезмерное засорение языка иноязычными элементами, причем критика не ограничивается только лексикой; читатель протестует также против некоторых грамматических нововведений, напр., замены в некоторых конструкциях предлога za предлогом od: ne lijek od boli "лекарство от болезни", а lijek или vraštvo za bol и т.д. (HN, 1973, br. 31, s. 2). Ср. также: "mnogi se tužu, da ne znaju štati, ča "Hrvatske Novine" pišu" ("многие жалуются, что не могут прочитать, о чем пишет газета" "Hrvatske Novine"), - как бы резюмирует журнал "Movi Glas" (1974, oktobar, s. 19). В конце 1974 г. газета разослала читателям анкету с просьбой ответить на ряд вопросов относительно этого издания, в том числе и о языке. Большинство ответило, что понимает язык газет: "Veći dio veli, da razumi ta novinski jezik" (HN, 1975, br. 10; br. 11).

Особую позицию в отношении литературного языка занимает градишанско-хорватское духовенство. Эта позиция, характеризующаяся градишанской интеллигенцией как консервативная, заключается в требовании сохранять связи с традициями старого литературно-письменного языка, с одной стороны, и приближать литературный язык к говорам, с другой стороны; в этой связи религиозные деятели выступают против штокавизации [2, 27], хотя не следует думать, что предпринятые реформы не коснулись языка религиозных изданий. Влияние реформ, особенно в фонетике и правописании, сильно, в то время как лексика, а также грамматика тесно связаны со старыми традициями старого литературного языка. С идеей архаизации современного литературного языка (и тем самым против его штокавизации) выступают также отдельные авторы, связанные с церковными кругами (см., напр., серию статей Куничча, [48]).

Языковая реформа, предпринятая градишанцами, — одна из объективных причин отсутствия в настоящее время устоявшегося словаря и унифицированной морфологии и синтаксиса градишанско-хорватского литературного языка. Школьная грамматика К. Мершича, изданная в 1960 г. (3-ье изд. — в 1972 г.), не может, естественно, решить основные вопросы литературного языка, тем более определить нормы, возникшие позже в результате продолжения языковой реформы. Но уже сейчас ведется интенсивная работа над составлением словаря и грамматика, которые будут способствовать стабилизации норм этого литературного языка. В частности, это предприятие ведется силами специалистов Югославии и Австрии. Уже завершена работа над словарем на 40 тыс. слов, который состоит из двух частей — градишанской (с подачей эквивалентов на хорватско-сербский и немецкий) и немецкой (с подачей эквивалентов на градишанско-хорватский и хорватско-сербский). (См., напр., заметку "Rječnik jezika Gradišćanskih Hrvata" в жур. "Matica", Zagreb, 1979, br. 3, s. 35; о структуре словаря см. также: ИИ, 1975, br. 12, s. I-2). Что касается грамматики, материал для которой уже в значительной степени собран, то она будет представлять собой параллельное изложение грамматического материала градишанско-хорватского и хорватско-сербского литературных языков. (См.: ИИ, 1972, br. 41; 1973, br. 1; 1974, br. 14; 1975, br. 12 и др.; см. также: [26, 83; 27, 38-39]). Таким способом удастся более выпукло показать общее и специфичное в грамматическом составе двух литературных

языков и одновременно установить возможности выбора путей их дальнейшего сближения. Исследователи полагают, что не исключена возможность сохранения как в словаре, так и в грамматике гражданско-хорватского литературного языка дублетов, поскольку только длительное употребление, практика может эффективно решить вопрос о том, какой из них останется в словарной и грамматической системе как норма [25, 142-146].

Если иметь в виду процесс сближения двух языков, то предстоит еще преодолеть большие различия и в словаре, и в грамматике. Особенно большие отличия характерны для лексики, не столько терминологической - она интенсивно штокавизируется, сколько нейтральной, входящей в основной словарный фонд, ср.: град.-хорв. bitak - хорв.-серб. borba, djelatni - raditi, jur - veš, peljač, peljajući, peljaštvo - voda, vodeći, vodstvo, ditić - мотак, dušati - mirisati, ufati se - nadati se, zaručnja - nevjesta, lápat - njiwa, ubrov - obala, fantiti se - osvetiti se, sprodati - pratiti, vkaniti - prevariti, oblok - prozor, tanačiti - savjetovati, črijeda - стадо, такај - такодер, заман - uzalud и т.д.; ср. также отономастические образования: ugrski - мађарски, немски - нјемачки и под.

Языковая реформа пока не затронула таких особенностей грамматики, как: унифицированная форма им. п. мн. ч. от сущ. муж. р. посредством единой флексии -i (см. выше); флексия -ov/-ev в род. п. мн. ч. от сущ. муж. р. (врачителјев, програмов) и нулевая - от сущ. жен. р. (на пробињу mnogih devojak "по просьбе многих девушек") при хорватско-сербской -а; флексия -им в твор. п. ед. ч. сущ. жен. р. на мягкий согласный (нашом писаним ričim "нашим письменным словом") при хор.-серб. -i; флексия -ими в твор. п. мн. ч. (s črni-ми oči-ми "с черными глазами") при хорв.-серб. -има; количественные числительные свыше 5, совпадая в ряде падежей, оформляются, напр., в твор. п. - pred desetimi ljetu; в хорв.-серб. числительные от 5 и выше не склоняются; в области глагола исчезли формы прошедшего времени аорист и имперфект - вместо них употребляется перфект; активно используются гражданско-хорватские предлоги преџ "без" - хорв.-серб. bez, међ "между" - хорв.-серб. међу (в град.-хорв. это кайкавизм); союзы kot "как" - хорв.-серб. као, ага "потому что", "так как" - хорв.-серб. јер и т.д.; весьма активно в современном гражданско-хорватском литературном язык-

ке использование глаголов с приставками из наречий - результат немецкого и венгерского влияния: *akupađođiti* "вместе прийти" - ср. немец. *zusammenkommen*, *priđdati* "передать" - немец. *übergeben*, венг. *átadni* и др. (см. выше этот случай и все приведенные особенности, вызванные венгерским и немецким языковым воздействием).

Что касается фонетики, то ее стабилизация, как мы уже показали, идет много успешнее. Но до сих пор остается ряд отличий от хорватско-сербского в виде разнообразия рефлексов *č*: и *tijelo*, и *mliko*, *vojeda* и *potribo*; отсутствие чередования заднеязычных перед гласными переднего ряда: *stapovniki* - ср. хорв.-серб. *stanovnici*, *đahi* - *đasi* и под.; ср. также наличие трех видов ударения в гражданско-хорватском (краткое нисходящее, долгое восходящее, долгое нисходящее) при четырех - в хорватско-сербском и проч.

Правописание, можно полагать, наиболее успешно решенный вопрос гражданско-хорватского литературного языка. Если в довоенный период, несмотря на явную тенденцию следовать известным орфографическим принципам Л. Галя, наблюдаются колебания, затрагивающие принципиальные основы правописания, - напр., попытка от фонетического принципа вернуться к морфологическому, ср. примеры из гражданско-хорватских текстов 20-30-х гг.: *teđki* и *teđkođa* вм. *teđki* и *teđkođa*, *diđak* вм. *diđak* и под. - то после войны орфографическая система значительно стабилизируется, притом на основе фонетического принципа, который применяется и в орфографии современного хорватско-сербского литературного языка. Основы этой системы изложены И. Хорватом в брошюре под названием "Кратак pravopis", т.е. "Краткое правописание", в 1965 г. [36]. И. Хорват составил также "Языковые предложения и руководства для редакторов и пишущих" ("Jezični prijedlogi i uputi za uređnike i pisce", см.: ИИ, 1973, в. 18, с. 1), которые способствовали дальнейшей унификации форм гражданско-хорватского литературного языка.

Прежде чем говорить о сферах приложения гражданско-хорватского литературного языка в послевоенное время, следует сказать несколько слов о так наз. "государственном договоре" ("Državni ugovor"), принятом в Австрии в 1955 г., 7-ая статья которого гарантирует словенскому и гражданско-хорватскому меньшинствам, помимо возможности создавать собственные

организации, печать и проводить встречи, изучение родного языка в школе и применение его в общественных сферах в тех местах, где эти меньшинства проживают; кроме этого, статьей гарантируется право на топографические и иные надписи соответственно на словенском и градишанско-хорватском языках. Однако практически большинство из этих гарантий не выполняется. Нынешние градишанско-хорватские общества и печать ведут постоянную борьбу за реализацию указанной статьи договора; с этой целью в 1972 г., в разгар так наз. "Koguškoga boja v tablicami" ("каринтийской войны с таблицами", т.е. с топографическими надписями на словенском языке, которые срывались фашиствующими и шовинистическими элементами), был создан "Komitet za prava Gradišćanskih Hrvatov" ("Комитет по правам градишанских хорватов"). Представители градишанско-хорватской культуры неоднократно требовали, чтобы градишанско-хорватский был введен в школу как обязательный предмет и чтобы были предоставлены возможности использовать его в администрации, на суде, чтобы на развитие градишанско-хорватской культуры выделялась действенная материальная помощь (НН, 1973, вг. 3; 1973, вг. 7; 1972, вг. 42; 1972, вг. 15). Эти требования, однако, до сих пор остаются без ответа либо просто игнорируются [70, 315; 99, 104-109; более ранний материал об этом в монографии И. Гурского 42]. Невыполнение статьи договора существенно повлияло на положение градишанско-хорватского литературного языка. То, что в культурном плане градишанские хорваты достигли за послевоенные годы, результат прежде всего добровольных усилий самого градишанско-хорватского меньшинства.

После войны возобновило деятельность НКД - самая большая и представительная организация градишанских хорватов (в настоящее время - около 3 тыс. членов). В 1955 г. это общество выступило, в связи с "государственным договором", с меморандумом, в котором потребовало введения преподавания в школе на градишанско-хорватском, использования этого языка в административных сферах и запрета деятельности организаций, цель которых - притеснение национальных меньшинств, в том числе градишанских хорватов, Австрии (текст меморандума опубликован в изд.: [28, 307-311]). В настоящее время это общество продолжает борьбу за сохранение градишанских хорватов через посредство культивирования родного языка и культуры во всех сферах жизни. Правда, в последние годы представи-

тели молодой интеллигенции потребовали реформ НКД в направлении большей демократизации его состава, более глубоких действий и т.д. (НН, 1970, br. 12; br. 23; 1973, br. 23; см. также: [46, 105-110]). Рядом с НКД функционирует созданное в 1947 г. Hrvatsko štamparsko društvo (HŠtD), "Хорватское типографическое общество"; до 1960 г. - Hrvatsko Nakladno društvo). С 1947 по 1960 гг. общество издало на градищанско-хорватском 24 книги; с 1960 по 1977 гг. это же общество, насчитывающее 230 членов (данные 1973 г.), выпустило 25 книг [41, 34]. Это преимущественно сборники произведений художественной литературы, учебные пособия и ежегодник-календарь "Gradišće". Общество издает также газету "Hrvatske Novine". В Вене действует Hrvatsko gradišćansko kulturno društvo (HGKD, "Хорватско-градищанское культурное общество", создано еще в 1934 г.), которое не конкурирует с общеградищанским НКД, но работает с более скромными задачами - сплотить градищанцев, живущих в Вене, организацией различных культурных мероприятий (при обществе функционируют драматические, танцевальные и проч. секция). Наконец, самое молодое общество - Hrvatski akademski klub (НАК, "Хорватский академический клуб") в Вене, созданный молодежью и студентами в 1948 г. Общество, несмотря на постоянные материальные затруднения, весьма активно в обсуждении всевозможных вопросов, связанных с положением и перспективой градищанцев и их родного языка, выпускает периодические издания, а в 1973 г., в год своего 25-летия, организовало в Венском университете Symposium Croaticum - научную конференцию по вопросу положения градищанско-хорватского меньшинства и его языка; материалы этой конференции были изданы обществом в предпринятой им серии научных публикаций [84; подробнее о деятельности общества см.: 22]. Следует отметить также наличие других, достаточно многочисленных, обществ и кружков, фольклорных и танцевальных коллективов по всем селам Градища, способствующих сохранению градищанцев и развитию их литературного языка.⁸ Ставится вопрос о создании музея по хранению рукописных и печатных материалов, относящихся к истории языка и культуры градищанских хорватов [50, 3].

⁸ Вот как характеризуется, напр., градищанско-хорватский любительский театр в Климпухе-Клингенбахе: "nepregledno veliko gradišćansko hrvatske riječi, ... branit našega jezika i narodnosti...; efikasno sredstvo u borbi za očuvanje jezika i narodnog bića". См.: S. K r p a n. Hrvatska pozornica u Klimpuhu. - "Matica", Zagreb, 1978, br. 6, s. 14 - 15.

Издательской деятельности гражданских хорватов мы уже частично коснулись. Прерванная войной, эта деятельность возобновляется в 1946 г., когда НКД инициативой И. Хорвата издает первый послевоенный выпуск ежегодника-календаря "Gradišće"; это издание, содержащее ценный материал по истории градишанско-хорватской культуры и языка, продолжается по настоящее время; его тираж составляет 4500 экземпляров. Одновременно с этим изданием в 1954 и 1957 гг. выходят другой календарь - "Ognjišće" ("Очаг") [59, 42-44]. С 1947 г. начинается издаваться градишанско-хорватская периодика. Одной из первых послевоенных градишанских газет был еженедельник "Naš tajednik" ("Наш еженедельник"), благотворно повлиявший на развитие градишанско-хорватского литературного языка: главной заслугой этого издания является внедрение и пропаганда, особенно в первые годы выхода, нового градишанско-хорватского правописания [77, 4-5]. С 1960 г. эта газета выходит (так же один раз в неделю на 8 и более страницах) в Железно под другим названием - "Hrvatske Novine" и является основным источником информации для градишанцев. Каждый номер этого издания выходит под грифом "Sloga je moć!" В настоящее время тираж газеты достигает 3 тыс. экземпляров. Газета, помимо информативного материала, регулярно печатает статьи по вопросам культурной истории градишанцев, стихи и короткую прозу; на ее страницах постоянно обсуждаются актуальные вопросы культуры и языка. В 1947 г. в Вене выходит газета "Naše zelo", предназначенная для крестьянства, но уже в 1949 г., после 140 номеров, ее издание прекратилось. Такой же короткой была жизнь и еженедельной газеты "Naša domovina", выходившей в Вене с 1952 по 1956 гг. С 1946 г. и по настоящее время выходит религиозная газета "Srikveni glasnik Gradišća"; помимо религиозных проблем, в ней большое место занимают вопросы, связанные с развитием градишанско-хорватской школы. В 1949 г. была сделана попытка издания журнала "Glasbeni mesečnik" ("Музыкальный месячник"), окончившаяся, однако, неудачей; с 1953 и по 1962 (?) издавался школьный журнал "Mladost" ("Молодость"). Наличие столь активной послевоенной издательской деятельности привлекло к градишанским хорватам внимание как внутри Градища, так и за его пределами.

В 60-е гг. градишанцы предпринимают ряд новых попыток издавать на родном языке периодику. Так в Вене в 1957 г.

начинает выпуск своего органа - журнала "Glas" ("Голос"; с 1969 г. - "Novi Glas"), который, помимо прочего, стимулирует литературно-художественное творчество среди молодежи, выступает за сближение градишанско-хорватского с хорватско-сербским языком. Судьба других градишанских периодических изданий (преимущественно журналов) оказалась слишком короткой: два года издавался в Железно ротатрипно журнал "Naša zora" ("Наша заря"); с 1961 по 1962 гг. вышло всего 6 номеров этого журнала; в 1962 г. для градишанских хорватов Вены была сделана попытка издания журнала "Informativni vjesnik"; в 1965 г. вышел один номер журнала "Kolo" или "Kolomija"; с 1966 г. при помощи НКД группа учителей стала издавать журнал градишанской молодежи "Mlado Gradišće", т.е. "Молодое Градище", однако в следующем же году издание прекратилось.

В настоящее время градишанско-хорватская периодика, которая существует исключительно на средства самих градишанцев, представлена газетой "Hrvatske Novine", "Crikveni glasnik Gradišća", ежегодником "Gradišće", журналами "Novi Glas" и "Pokus"; последний начал выходить в Вене с 1978 г. как культурный, общественно-политический и научный журнал в форме книги с периодичностью 4 номера в год; с начала 1977 г. в качестве ежемесячного приложения к газете "Hrvatske Novine" выходит "list za hrvatsku školsku mladinu u Gradišću" - "Radost" - это единственное издание, посвященное детям. С конца 1977 г. стал издаваться новый журнал "Život" ("Жизнь") по вопросам религиозной жизни; помимо прочего, журнал ставит целью "materinsku rič na naši ognjišći obdržat", т.е. "родной язык в наших очагах сохранить".

Положение градишанско-хорватского языка в школе и дошкольных учреждениях вызывает постоянную озабоченность деятелей градишанской культуры и просвещения. В 1973 г. вышел новый закон о детских садах Градища, который газета "Hrvatske Novine" назвала "naša narodna nesreća", т.е. "наше народное несчастье" (HN, 1973, br. 49, s. 1; см. также: HN, 1978, br. 46, s. 1 - 3), а журнал "Novi Glas" - "grob našega jezika", т.е. "могила нашему языку" ("Novi Glas", Wien, 1976, br. 2, s. 7). В этом законе ни слова не сказано о том, что воспитатели детских садов в градишанско-хорватских селах должны владеть градишанско-хорватским языком, т.е. практически в таких учреждениях могут работать лица, говорящие только по-немецки. Такая ситуация создает трудности на пути

изучения родного языка в дальнейшем, когда дети приходят в школу. К этому прибавляется ряд новых сложностей, связанных с необходимостью комплектования учащимися градищанско-хорватских групп и вообще привлечением градищанско-хорватских учащихся к изучению родного языка; к сознанию того, что государство не стимулирует изучение родного языка, прибавляется еще и беспокойство родителей тем, что дети, обучаясь на градищанско-хорватском, могут не получить необходимых знаний немецкого языка, являющегося в Австрии государственным языком, и, следовательно, обязательным. Будущее своего просвещения градищанцы видят в двуязычной школе, т.е. немецко-градищанско-хорватской (НН, 1974, вг. 16, в. 3; 1971, вг. 36, в. 1). Культурные общества и периодика градищанских хорватов регулярно, особенно перед началом нового учебного года, обращаются к родителям записывать своих детей на посещение уроков родного языка. В 1974 г. изучение градищанско-хорватского языка было обеспечено в 1) основной школе (двуязычное обучение), 2) главной школе (как обязательный предмет по выбору в местах Железно, Борштוף, Циндрוף, Рохунац и некот. др.), 3) средней школе (Железно, Матрицьוף, Горни Шица) и в музыкально-педагогической гимназии в Горной Пуле - как свободный предмет, в торговом училище (Trgovačka akademija) - как обязательный предмет по выбору (НН, 1974, вг. 32, в. 1; 1974, вг. 33, в. 2). В педагогическом училище в Железно введена методика преподавания родного языка, в профессиональных школах Градища градищанско-хорватский вообще не используется (данные на 1970-1971 учебный год, см.: [3, 56]). В 1972 г. был опубликован меморандум градищанских священников ("Memorandum hrvatskih duhovnika"), подписанный 26 лицами, которые потребовали изучения в школе религиозной науки ("vjeronauk") на родном языке (см. текст меморандума в газ.: НН, 1972, вг. 27, в. 1). Этот вопрос остается до настоящего времени актуальным, как и многие другие вопросы современного градищанско-хорватского просвещения (см.: НН, 1975, вг. 19, в. 3; [34, 313-322; 105, 122-125]).

Для изучения родного языка издан минимум учебных пособий, среди которых следует упомянуть грамматику "Naš jezik" К. Мерича; в первом классе используется букварь "Početnica" С. Мархолда, аналогичный букварь М. Бирица; для 2-4 классов предназначена книга для чтения "Čitanka" Ш. Звонарича, а для старших классов изданная на 455 страницах - "Velika či-

tanka" К. Мершича и новая "Hrvatska pjesmarica" Ш. Кочина, Г. Бузеджого и Ш. Кузмича (данные об учебниках см.: [107-114]). К этому следует добавить два сборника для школьников - в одном из них широко представлена градищанско-хорватская поэзия [125], в другом - сказки, в том числе и "Сказка о рыбаке и рыбке" А.С. Пушкина в свободном переводе М. Милорадича [130]; наконец, серию школьной библиотеки ("Hrvatska školska biblioteka"), одним из выпусков которой был перевод на градищанско-хорватский "Доктора Айболита" К.И. Чуковского.

Трудности, возникающие в связи с преподаванием родного языка в школе, отрицательно влияют на развитие градищанско-хорватской литературы; высказываются опасения, что сведение изучения родного языка к элементарным формам и объему может вызвать в будущем прерывность литературного творчества градищанских хорватов [92, 41].

Послевоенная градищанско-хорватская литература представлена незначительным числом имен, завоевавших признание читателей. Самым известным и самым талантливым был Игнац Хорват, один из наиболее активных деятелей градищанско-хорватской культуры довоенного и послевоенного времени, основоположник современной градищанской прозы, творчество которого существенно повлияло на ход языковой реформы у градищанских хорватов, составитель градищанского-хорватского правописания. До войны И. Хорват редактировал и издавал градищанскую периодику и книги, после войны, с 1946 по 1973 гг., издавал ежегодник "Gradišće". В 1947 г. в Вене вышел сборник его рассказов "Iz naše stare gore" - первая послевоенная книга, возвестившая о возобновлении литературного творчества у градищанских хорватов. Через два года появляется первая послевоенная драма И. Хорвата "Školnik zvonar" ("Учитель-звонарь"); довоенные очерки и рассказы И. Хорвата изданы отдельной книгой - "S perom kroz selo i život" ("С пером через село и жизнь"). Однако остаются еще неизданными многочисленные рассказы этого писателя. Свидетельством большого признания творчества И. Хорвата и одновременно градищанской литературы явилось принятие его в 1971 г. в члены Общества писателей Хорватии (HN, 1971, br. 18, s. 1 - 2; см. также: [66, I-4] - там же и библиография его произведений; [81, 107-109]). Более представительна современная градищанская поэзия, в которой главное место принадлежит Августину Блазовичу (Augustin Blazović, 1921 -). Первый сборник стихов "Vigilija" издан этим

автором на собственные средства в 1961 г. Наиболее полно поэтическое творчество А. Блазовича отражено в недавно вышедшем сборнике "Rosa i dim". Большое место в его творчестве занимает драматургия - его пьесы постоянно в репертуаре любительских драматических коллективов. А. Блазович - создатель первой градишанской повести "Od Vulke u Velebit" ("Из Вулки в Велебит"), отмеченной премией НШта в 1967 г. Произведение повествует о связи градишанцев с прародиной. А. Блазовичу принадлежит и первая попытка создания романа на градишанско-хорватском языке - первая часть его опубликована в 1962-1965 г. газете "Crikveni glasnik Gradišća".

АНТОН ЛЕОПОЛЬД (Anton Leopold, 1928 -) пишет в основном стихи, следуя традициям М. Милорадича, однако в отличие от последнего поэзия этого автора носит книжный характер. На собственные средства поэт издал два сборника - "Cvijeće iz Gradišća" ("Цветы из Градища", 1954) и "Pjevaјуće село" ("Поющее село", 1963). Многочисленные стихи А. Леопольда (чаще религиозной и детской тематики) постоянно публикуются во всех градишанских периодических изданиях [11, 116-117]. Пожалуй, единственным градишанским поэтом, пишущим также и на хорватско-сербском литературном языке, является Владимир Букович (Vladimir Buković, 1938 -). Стихи его собраны в поэтическом сборнике 1966 г.: здесь и тексты на хорватско-сербском, и на градишанско-хорватском, который, правда, сильно приближен к хорватско-сербскому. Бела Шрайнер (Bela Schreiner) известен как автор исторической повести об открытии Земли Франца Иосифа - "Probijanje u vječni led" ("Проникновение в вечный лед", 1971). В развитии современной градишанско-хорватской литературы определенную роль играют произведения Франьо Суčićа (Franjo Sučić, 1916 -), Ђелько Франка (Ђelko Frank, 1935 -), Эвальда Пихлера (Ewald Pichler, 1943 -) и др. Язык поэтических произведений последнего автора очень близок разговорному, диалектному. Небольшая антология современной градишанско-хорватской поэзии и прозы опубликована в сборнике 1973 г. о градишанских хорватах [28, 177-204]. Подборки произведений градишанских авторов часто публикуются в Югославии в различных литературно-художественных изданиях, см., напр., загребский ежегодник "Matica. Iseljenički kalendar" на 1969 г. (с. 182-183), на 1975 г. (с. 212-214), на 1978 г. (с. 224-225) и др. Постоянно публикуются также подборки в изданиях Демократического союза южных славян в Венгрии. Из-

дан сборник избранных произведений "Sličice" ("Картинки") довоенного прозаика Петара Яндриневича [отмеченные и не упомянутые литературно-художественные произведения на градишанско-хорватском см. в избранном списке в библиографии II4-132]. На градишанско-хорватский делаются переводы художественных произведений с сербско-хорватского, словенского, немецкого, русского (ряд произведений А.С. Пушкина, А.П. Чехова и др.), венгерского и др.

В настоящее время градишанцы ведут усиленную борьбу за расширение сфер приложения родного языка. Прежде всего речь идет о возможности использования его:

1) в администрации и на суде, где господствует исключительно немецкий язык, поскольку на этом языке как государственном должны в конечном счете излагаться решения, постановления и проч.;

2) на радио и телевидении; еще в 1970 г. градишанцы обратились к австрийскому радио (Österreichische Rundfunk) с предложением организовать регулярные передачи на градишанско-хорватском языке, однако это предложение под разными предлогами было отвергнуто; лишь спорадически выходит в эфир градишанская передача по региональной программе⁹ (НН, 1971, br. 18, br. 21; 1973, br. 38, br. 39);

3) как языка топографических надписей и общественных таблиц, на чем настаивал еще в 1971 г. крупнейший культурно-просветительный деятель И. Хорват (НН, 1971, br. 20); вопрос особенно актуализировался в связи с известной "карийской войной с таблицами" (НН, 1973, br. 2; 1971, br. 33);

4) как языка общественных форумов, встреч, дискуссий и под.; нередки случаи, когда участники тех или иных чисто

⁹ Вопрос о градишанско-хорватском на радио усиленно поднимают крупнейшие градишанско-хорватские обществ. (Hrvatsko kulturno društvo, Hrvatsko štamparsko društvo, Radni krog Hrvatskih duhovnikov, Hrvatski akademski klub, Hrvatsko gradišćansko kulturno društvo, Komitet za prava Gradišćanakah Hrvatov) достиг своего частичного решения лишь в конце 70-ых гг.; правда, первые передачи глубоко разочаровали градишанцев, ср. высказывания типа: "Culi smo, culi, prvu tako zvanu "hrvatsku" emisiju, ka je bila već njemačka nego hrvatska"; "Emisija o Gradišćanaki Hrvati a na za Gradišćanske Hrvate"; "Katastrofa", "emisija-fijaško" (См.: НН, 1978, br. 35, s. 1 - 2; 1979, br. 4, s. 1 - 3; 1979, br. 5, s. 5).

градищанско-хорватских манифестаций вынуждены пользоваться немецким языком, как, напр., в дискуссии о настоящем и будущем градищанцев, проходившей в 1972 г. в Вене [28, 313; см. также: ИИ, 1972, вг. 467].

Почти на один из перечисленных пунктов не нашел до сих пор удовлетворительного решения. (Более подробно о сферах приложения и положения современного градищанско-хорватского литературного языка см. в нашей работе [21, 35-63]). Противники этого литературного микроязыка ищут любой повод, чтобы затормозить его применение и развитие. Можно указать, напр., на весьма существенный момент, связанный с лингвонимом, т.е. названием, этого микроязыка. В градищанской печати градищанско-хорватский литературный язык (*gradišćansko-hrvatski književni jezik*) часто называется просто хорватским языком - *hrvatski jezik* (иногда с пояснениями типа: *u Gradišću* и под.), что дает повод противникам этого микроязыка спекулировать на смешении его с собственном сербско-хорватском или хорватско-сербском языке (*srpskohrvatski jezik, hrvatsko-srpski jezik*), представляемом как иностранный, и тем самым ставить под вопрос необходимость изучения градищанско-хорватского в школе и использования его в различных сферах общественной и культурной жизни (см. подробнее: [21, 36-37, 46-47, 62]).

Как уже было замечено, хорваты современной Венгрии и частично Чехословакии, в этническом и языковом плане представляющие собой единое целое с градищанцами, используют для своих культурных нужд литературный хорватско-сербский язык. Так, в Венгрии их основная организация, Демократический союз южных славян (*Demokratski savez južnih Slavena u Mađarskoj*), издает на этом языке свой орган - газету "Narodne Novine", ежегодник "Narodni kalendar - Народни календар - Ljudski koledar", стимулирует на нем литературно-художественное творчество и преподавание в школах и будапештской гимназии, выпускает книги. (См., напр., обзор издательской деятельности этого Союза в раб.: [101, 22-23]; см. также; [100, 214-219]). Языковая связь с градищанскими хорватами проявляется в регулярном печатании в изданиях Союза произведений на градищанско-хорватском. Среди хорватских поэтов, живущих в Венгрии, лишь один писал на градищанско-хорватском - это Матия

Шинкович (Matija Šinković, 1927-1974). Однако язык его произведений ориентирован на местный диалект, а не на литературный градищанско-хорватский, что, тем не менее, значительно ближе к этому последнему, чем к литературному хорватско-сербскому языку. Стихи М. Шинковича печатались во многих изданиях Союза, в том числе в выпусках ежегодника "Narodni kalendar", а также в первой антологии южнославянских поэтов Венгрии [90, 129-132]; недавно часть из поэтического наследия М. Шинковича опубликована Дж. Видмаровичем в жур. "Čakavska rič" [102, 73-95; о М. Шинковиче см. также: 103, 222-223]. Примечательно, что М. Шинкович призывал своих соотечественников читать издаваемую Союзом периодику, с тем чтобы "как можно лучше и быстрее прийти к центральному (т.е. хорватско-сербскому) литературному языку": "Šim jače i bliže dojde centralnomu, književnom jeziku" [86, 161-163]. Для сравнения с градищанско-хорватским литературным языком мы приводим в приложении к этому очерку поэтический текст М. Шинковича.

Литература

1. B e l t r a m E. Suradnja Hrvatske s Gradišćem. - Gradišćanski Hrvati. Posebna izdanja Čakavskog sabora). Zagreb, 1973.
2. B e n č i ć N. Abriss der geschichtlichen Entwicklung der burgenländisch-kroatischen Schriftsprache. - Wiener slavistisches Jahrbuch, Bd. 17, Wien, 1972.
3. B e n č i ć N. Gradišćanski Hrvati između jučer i sutra. - Gradišćanski Hrvati. (Posebna izdanja Čakavskog sabora). Zagreb, 1973.
4. B e n č i ć N. Lingua gradišćanorum. - Glas Hrvatskoga akademskog kluba, Wien, 1960, br. 2.
5. B e n č i ć N. Martin Meršić mlađji, - Meršić M. ml. Znameniti i zaslužni Gradišćanski Hrvati. Rijeka, 1972.
6. B e n č i ć N. Pjesništvo Gradišćanskih Hrvata. - Gradišćanski Hrvati. (Posebna izdanja Čakavskog sabora). Zagreb, 1973.
7. B e n č i ć N. Riznica gradišćansko-hrvatske knjige. - HN, Željezno, 1974, br. 40-41.

8. B [e n č i ć] N. Rodjen pred 250 ljeti: Eberhard M. Kragel. - HN, 1975, br. 49-50.
9. B e n č i ć N. Stvaranje i gajenje kulture Gradišćanskih Hrvatov: polaritet samostalnosti i integracije. - Symposium Croaticon. Gradišćanski Hrvati - Die burgenländische Kroaten. (HAK. Publikacije, I). Beč - Wien, 1974.
10. B e n č i ć N. U zaletu. - "Gradišće". Kalendar i ljetopis Hrvatskoga Kulturnoga Društva u Gradišću za obično ljeto 1977. Željezno, [1976].
11. B l a z o v i ć A. 'K 50. rođendanu pjesnika Antona Leopolda. - "Gradišće". Kalendar i ljetopis Hrvatskoga Kulturnoga Društva u Gradišću za ljeto 1978. Željezno, [1977].
12. B r a b e c I. Govor podunavskih Hrvata u Austriji. - Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. II. Zagreb, 1966.
13. B r a b e c I. Hrvatski govori u Gradišću. - Gradišćanski Hrvati. (Posebna izdanja Čakavskog sabora). Zagreb, 1973.
14. B r e u J. Hrvatska kolonizacija u Gradišću i susjednim područjima. Zagreb, 1970.
15. C s a p l o v i c s J. Croaten und Wenden in Ungarn. Pressburg, 1828.
16. [Č e t r d e s e t] 40 ljet H[rvatskoga] K[ulturnoga] D[ruštva]. - 40 ljet na djelu za narod. 1929 - 1969. Jubilarni spis. Željezno, 1969.
17. Č i z m i ć I. Iseljavanje gradišćanskih Hrvata. - Matica. Iseljenički kalendar. 1970. Zagreb, [1969].
18. Č i z m i ć I. Iseljavanje Gradišćanskih Hrvatov u Ameriku. I-II. - HN, 1969, br. 28-29.
19. D o b r o v i ć I. Kratka povijest naših starih, njihova borba s Turki i selenje u novu domovinu. Željezno, 1952.
20. D o b r o v i ć I. Naši Hrvati u dobi reformacije i prva stoljeta u novoj domovini. (Knj. XIX Hrvatskog nakladnoga društva). Beč, 1955 (?).
21. D u l i š e n k o A. O položaju suvremenog gradišćanskog hrvatskog književnog jezika u Austriji. (Po materijalima "Hrvatskih Novina", 1970 - 1975). - Čakavska rič, god. IV, Split, 1976, br. I.
22. [D v a d e s e t i p e t] 25 ljet H[rvatskoga] a[kademskog] k [luba]. Svečani spis. - 25 Jahre HAK. Festschrift. Wien, [1973].

23. E m r i c h Š. Izdavačka djelatnost (Gradišćanskih Hrvata). - Gradišćanski Hrvati. (Posebna izdanja Čakavskog sabora). Zagreb, 1973.
24. e r k a. Hrvatske Novine nekada i danas. - HN, 1971, br. 11.
25. F i n k a B. Gradišćanokohrvatski jezik i njegovi priručnici. - Jezik, god. 21, Zagreb, 1973 - 1974, br. 5.
26. F i n k a B. Seminar a željeznom. O izradi rječnika i gramatike hrvatskogradišćanskoga književnog jezika. - Suvremena lingvistika, Zagreb, 1972, br. 5-6.
27. F i n k a B. Znanstveni skup o gradišćanokohrvatskom rječniku i gramatici. - Suvremena lingvistika, Zagreb, 1974, br. 10.
28. G r a d i š ć a n s k i Hrvati. (Posebna izdanja Čakavskog sabora). Uredili: Z. Graja, M. Valentić, M. Benčić. Zagreb, 1973.
29. H a d r o v i c s L. Adverbien als Verbalpräfixe in der Schriftsprache der burgenländischen Kroaten. - Studia slavica, Budapest, t. IV, 1958, fasc. 1-2; см. также краткое изложение раб.: Наречия в роли глагольных префиксов в языке бургенландских хорватов. - IV Международной съезд славистов, Мюнхенский дискуссион. Т. 2. Проблемы славянского языкознания. М., 1962, с. 284 - 285.
30. H a d r o v i c s L. Schrifttum und Sprache der burgenländischen Kroaten im 18. und 19. Jahrhundert. Budapest, 1974.
31. H a d r o v i c s L. Syntaktische Neuerungen in der Schriftsprache der burgenländischen Kroaten. - Studia slavica, Budapest, t. XIX, 1973, fasc. 1-3.
32. H a d r o v i c s L. Verbalpräfixe in der Schriftsprache der burgenländischen Kroaten. - Glas, Beč, 1960, br. 1.
33. H a m m J. Položaj i značaj gradišćansko-hrvatskog jezika unutar slayenske jezične grupe. - Symposium Croaticum. Gradišćanski Hrvati - Die burgenländische Kroaten. (HAK. Publikacije, I). Beč - Wien, 1974.
34. H o l j e v a c V. Hrvati izvan domovine. II izd. Zagreb, 1968.
- 34^a. H o l j e v a c V. Gradišćanski Hrvati. - Matica. Iseljenički kalendar 1968. Zagreb, [1967].
35. H o r v a t, I g n a c. Hrvatsko kulturno društvo pred potopom i po potopu. - 40 ljet HKD - 40 ljet na djelu za narod. 1929-1969. Jubilarni spis. Željezno, 1969.

36. H o r v a t, I g n a c. Kratak pravopis (po dru Boranicu). Izd. I, II. Željezno (?), 1965.
37. H o r v a t, I g n a c. Na pragu novoga razdoblja. - Naša domovina. Kalendar i letopis Hrvatskoga Kulturnoga Društva u Gradišću za leto 1934. Neusal, [1933].
38. H o r v a t, I g n a c. Naše kulturne zadaće. (Izvadak iz programatičkoga govora predsjednika Ignaca Horvata na godišnjoj sednici Hrvatskoga kulturnoga društva u Pajngertu na 2. kolovoza 1933). - Naša domovina. Kalendar i letopis Hrvatskoga Kulturnoga Društva u Gradišću za leto 1934. Neusal, [1933].
39. h [o r v a t], i [g n a c]. O našem pismenom jeziku. - HN, 1972, br. 42.
40. H o r v a t, I v a n. Iz povijesti Hrvata u zapadnoj Mađarskoj. - Narodne novine, Budapest, 1977, br. 31-33.
41. H r v a t s k o štamparsko društvo. - "Gradišće". Kalendar i ljetopis Hrvatskoga kulturnoga Društva u Gradišću za ljeto 1973. Željezno, [1972].
42. H u r s k ý J. Vylidnování a asimilace slovaných obcí v Gradišti. Praha, 1952.
43. I seljivanje Gradišćancev u Ameriku. - "Gradišće". Kalendar i ljetopis Hrvatskoga Kulturnoga Društva u Gradišću za obično ljeto 1958. Beč, [1957].
44. I v š i ć S. Hrvatska dijaspora u 16. stoljeću i jezik Hrvata Gradišćanaca. Priručio i dijelom obradio B. Finka. - Ivšić S. Izabrana djela iz slavenske akcentuacije. - Gesammelte Schriften zum slavischen Akzentuation. (Slavische Propyläen. Hrgb. von D. Tschizewskij. Bd. 96). München, 1971.
45. K n o r K. Pinkovčani i drugi Južnogradišćanci u Cikagu. - "Gradišće". Kalendar i ljetopis Hrvatskoga Kulturnoga Društva u Gradišću za obično ljeto 1950. Beč, [1957].
46. K o r n f e i n d A. Hrvatsko kulturno društvo u Gradišću (uz 40. obljetnicu). - Matica. Iseljenički kalendar 1970. Zagreb, [1969].
47. K u h a č F. Među ugarskimi Hrvatima. - Vienac, Zagreb, 1878, br. 43.
48. K u n i ć. Jezik i govor. - HN, 1970, br. 5-7.
49. K u r e l a c F. Jačke ili narodne pesme prostoga i neprostoga puka preka po župah Sopronjskoj, Mošonjskoj i Željeznoj na Ugrih. Zagreb, 1871.

50. L [e o p o l d] A. Čuvajmo naše "starine" i ostavštine. - HN, 1979, br. 8.
51. L i t s c h a u e r G. F. Bibliographie zur Geschichte, Landes- und Volkskunde des Burgenlandes 1800 - 1929. Linz, 1933 - 1938.
52. M e r š i ć M. Die Anfänge des burgenländischen kroatischen Schrifttums. - Burgenländische Heimatblätter. Eisenstadt, Jg. 33, 1971.
53. M e r š i ć M. Crikvena književnost Gradišćanskih Hrvatov od početka 19. stoljeća. - "Gradišće". Kalendar i ljetopis... 1970. Željezno, [1969].
54. M e r š i ć M. 40 ljet Hrvatskoga Kulturnoga Društva - 40 ljet djelo za narod. - HN, 1969, br. 31-36.
55. M e r š i ć M. Ćiriliske i glagolske zabilješke Klimpuških starih mašnjih knjig. - Naša domovina. Kalendar za leto 1935. Neusiedl am See, [1934].
56. M e r š i ć M. Jožef Ficko, naš književnik. - "Gradišće". Kalendar Gradišćanskih Hrvatov za leto 1946. Hrvatsko kulturno društvo u Gradišću, [1945].
57. M [e r š i ć] M. Kako su se rodile "Naše novine" - prve hrvatske novine u Gradišću. - HN, 1971, br. 11.
58. M e r š i ć M. Nacrt za povijest književnosti gradišćanskih Hrvatov. - "Gradišće". Kalendar i ljetopis... 1969. Željezno, [1968].
59. M e r š i ć M. Naši kalendari i kalendarci. - "Gradišće". Kalendar i ljetopis... 1972. Željezno, [1971].
60. M e r š i ć M. Podatki k našoj književnosti i po-vesti. - "Gradišće". Kalendar i ljetopis... 1949. Beč, [1948].
61. M e r š i ć M. Početki naše književnosti u novoj domovini. - Meršić M. Znameniti i zaslužni Gradišćanski Hrvati. Rijeka, 1972.
62. M e r š i ć M. Pronajdene dvije najstarije gradišćanske hrvatske knjige. Početki književnosti Gradišćanskih Hrvatov. - HN, 1970, br. 24-33.
63. M e r š i ć M. s t. Se s ponovljenjem našega jezika preveć pašćimo? - HN, Beč, 1937, br. 51-52.
64. M e r š i ć M. Uzlopska "Gmajnska knjiga". - "Gradišće". Kalendar i ljetopis ... 1973. Željezno, [1972].
65. M e r š i ć M. Znameniti i zaslužni Gradišćanski Hrvati. (Biblioteka za Gradišćanske Hrvate). Rijeka, 1972.

66. M [e r š i ć] M. Život, smrt i pogreb našega velikana Ignaca Horvata. - HN, 1973, br. 18.
67. M i l č e t i ć I. Medju Hrvatima Donje Austrije i Zapadne Ugarake. - Vienac, Zagreb, 1898.
68. M i l o r a d i ć M. Slovnica hervatskoga jezika. Győr, 1919.
69. M ü l l e r I. Nacionalno stanje Gradišćanskih Hrvatov. - Gradišćanski Hrvati. (Posebna izdanja Čakavskog sabora). Zagreb, 1973.
70. M ü l l e r I. Sadašnjost i budućnost Gradišćanskih Hrvatov u koncepciji OVP-ja, SPO-a i HKD-a. - Gradišćanski Hrvati. (Posebna izdanja Čakavskog sabora). Zagreb, 1973.
71. N e w e k l o w s k y G. Akcenatski sistem čakavskib govora u Gradišću. - ЗБОРНИК ЗА ФИЛОЛОГИЈУ И ЛИНГВИСТИКУ, НОВИ САД, КЊ. XIII, СВ. I, 1970.
72. N e w e k l o w s k y G. Die kroatischen Dialekte des Burgenlandes und der angrenzenden Gebiet. Wien, 1978.
73. N e w e k l o w s k y G. Die kroatische Mundarten in Burgenland. Überblick. - Wiener slavistisches Jahrbuch, Bd. 15. Wien, 1969.
74. Н е в е к л о в с к и Г. Фонологическое сопоставление дитонгов в хорватских и словенских говорах в Австрии. - Югославянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972.
- 74^a. N o u m á r k a y I. Ein burgenländisch-kroatisches Evangelienbuch aus dem Jahre 1732. - Studia slavica, Budapest, t. XIX, fasc. 4, 1973.
75. P a v l i č e v i ć D. Izbor iz bibliografije radova o Gradišćanskim Hrvatima. - Časopis za suvremenu povijest, god. 5, Zagreb, 1973, br. 2.
76. R i b a r [Preč K.]. Da budu znali: mi pišemo po gradišćansko hrvatsku. - Naš tajednik, 1949, br. 35.
77. R i b a r, K. Pr[eč]. 30 ljet u službi hrvatskoga naroda. - HN, 1977, br. 17.
78. R i b a r [Preč K.]. Za gradišćansku hrvatsku akademiju. - Naš tajednik, 1947, br. 12-13.
79. "S a o b r a ć a j n i jezik" i mi. - HN, 1973, br. 9.
80. S u č i ć I. [L.]. Dijalekti i književnost Gradišćanskih Hrvata. - Gradišćanski Hrvati. (Posebna izdanja Čakavskog sabora). Zagreb, 1973.

81. S u č i ć I. [L.] Djelovanje Ignaca Horvata kao književnika. - Gradišćanski Hrvati. (Posebna izdanja Čakavskog sabora). Zagreb, 1973.
82. S [u č i ć] F. Hrvatske Novine po drugom svitakom boju. - HN, 1971, br. 11.
83. S [u č i ć] F. Za našu štampu. - "Gradišće". Kalendar i ljetopis... 1976. Željezno, [1975].
84. Symposion Croaticon. Gradišćanski Hrvati - Die burgenländischen Kroaten. (HAK. Publikacije, I). Beč-Wien, 1974.
85. S z e d e n i c h F. Naši pisci i njihova književnost. Sopron, 1912.
86. Š i n k o v i ć M. Iz pravoga srca, za materinski jezik. - Narodni kalendar... 1973. Budapest, [1972].
87. T o b l e r F. Bibliografski pregled ili popis izdanj i objelodanj našega jubilara [M. Marčica ml.]. - HN, 1974, br. 40-41.
88. T o b l e r F. Dva pozabljeni rječnici. - HN, 1979, br. 4.
89. T o b l e r F. Martin Meršić i njegov doprinos k istraživanju povijesti Gradišćanskih Hrvatov. - HN, 1974, br. 40-41.
90. U k o l o. Antologija jažnoslovenskih pesnika u Mađarskoj. Ur. M. Stevanović. Budapest, b. g.
91. U j e v i ć M. Gradišćanski Hrvati. 2 izd. Zagreb, 1934.
92. V a l e n t i ć M. Gradišćanski Hrvati od 16 stoljeća do danas. Zagreb, 1970; ~~комплексное издание на градубанско-хорватском языке: Gradišćanski Hrvati od XVI stoljeća do danas. Eisenstadt, 1972.~~
93. V a l e n t i ć M. Novija povijest Gradišćanskih Hrvata. - Gradišćanski Hrvati. (Posebna izdanja Čakavskog sabora). Zagreb, 1973.
94. V a l e n t i ć M. O pojavi prvih hrvatskih novina Gradišćanskih Hrvata i njihovom značenju u razvoju nacionalne svijesti Gradišćanskih Hrvata. - HN, 1971, br. 11.
95. V a l e n t i ć M. 500 ljet hrvatske dijasporu u austrijsko-ugarasko-slovačkom pograničnom području. (Bitne odrednice u povijesti Gradišćanskih Hrvatov). - Symposion Croaticon. Gradišćanski Hrvati. - Die burgenländischen Kroaten. (HAK. Publikacije, I). Beč-Wien, 1974.

96. V a s i l e v C h. Die heutige čakavische Schriftsprache der Burgenland-Kroaten. - Ost und West. Aufsätze zur slavischen Philologie. Bd. I. Wiesbaden, 1966.
97. V a ž n ý V. Čakavské nářečí v Slovenském Podunají. - Sborník Filosofické fakulty University Komenského, roč. 5. Bratislava, 1927.
98. V a ž n ý V., V a c l a v í k A. Podunajská dědina Československu. Bratislava, 1925.
99. V e i t e r T h. Pravni status hrvatske narodne grupe u Austriji - de jure i de facto. - Symposion Croaticon. Gradišćanski Hrvati - Die burgenländischen Kroaten. (HAK. Publikacije, I). Beč-Wien, 1974.
100. V i d m a r o v i ć B. Gradišćanski Hrvati u Mađarskoj (Zapadni Hrvati). - Matica. Iseljenički Kalendar 1978. Zagreb, [1977].
101. V i d m a r o v i ć Đ. Izdavačka djelatnost Demokratskog saveza južnih Slavena u NR Mađarskoj. - Matica, Zagreb, 1979, br. 3.
102. V i d m a r o v i ć Đ. Pjesništvo Mate Šinkovića kao odraz povijesti i postojanosti Gradišćanskih Hrvata u Mađarskoj. (Izbor iz književne zaostavštine Mate Šinkovića). - Čakavska rič, god. VII, Split, 1977, br. 2.
103. V i d m a r o v i ć Đ. Sjećanje na dva hrvatska pjesnika preminula u Mađarskoj. - Matica. Iseljenički kalendar 1978. Zagreb, [1977].
104. V r a n j e š R. Počeci i razvoj novinstva u Gradišćanskim Hrvata. - Matica. Iseljenički kalendar 1973. Zagreb, [1972].
105. V r a n j e š R. Školstvo gradišćanskih Hrvata. - Matica. Iseljenički kalendar 1974. Zagreb, [1973].
106. Z v o n a r i ć Š. Dokumentacija o Mati Maršiću Miloradiću. - "Gradišće". Kalendar i ljetopis... 1978. Željezno, [1977].
- x x x
107. B i r i c z M. Početnica. Beč, 1972.
108. K o č i š Š., B u z e c k i G., K u z m i ć Š. Hrvatska pjesmarica. Beč, 1973.
109. M a r h o l d S. Početnica. Za I. razred hrvatskih škol u Gradišću. 3 izd. Wien, [1963].
110. M e r s i c h K. Naš jezik. Vježbe za 2.3.(4.) - 4.5.(6.) razred i gramatika za 6.7.8. razred hrvatskih osnovnih škol u Gradišću. 3 izd. Beč, 1972.

111. M e r s i c h K. Velika čitanka. Wien, [1966?].
112. R e z n e r V. Naša mala dica. Knjižica za rad s dicom predškolske dobi. Eisenstadt, [1963].
113. Z v o n a r i c h Š, Čitanka. 2,3 i 4 razred hrvatskih škola u Gradišću. 4. prošireno izd. Wien, [1972].

X X X

114. B l a z o v i ć A. Od Vulke u Velebit. Eisenstadt, [1969].
115. B l a z o v i ć A. Rosa i dim. Trajštof, 1977.
116. D o b r o v i c h J. Pjesmarica. Narodne jačke gradišćanskih Hrvatov. Štikapron, 1950.
117. D o b r o v i c h J. Druga pjesmarica. Narodne jačke gradišćanskih Hrvatov. Štikapron, 1964.
118. H o r v a t I. Hiža rasipana po svitu. (Knjiga XX Hrvatskoga štamparskoga društva. Željezno, 1974.
119. H o r v a t I. Iz naše stare gore. (Knjiga I Hrvatskoga nakladnoga društva). Beč, 1947.
120. H o r v a t I. S perom kroz selo i život. (1923 - 1941). (Knjiga VII Hrvatskoga štamparskog društva). Željezno, [1965].
121. H o r v a t I. Školnik zvonar. Drama u 3 činih iz hrvatske prošlosti. (Knjiga V Hrvatskoga nakladnoga društva). Beč, 1949.
122. J a n d r i š e v i ć P. Sličice. Željezno, [1976].
123. J a v o r a n. Crna žena. Povjesna pripovijest. (Knjiga XIV Hrvatskoga štamparskog društva u Željeznu). Željezno, 1970.
124. L e o p o l d A. Cvijeće iz Gradišća. Pjesme. [Oberpullendorf], 1954.
125. L e o p o l d A. Gradišćanski hrvatski gaj. Pjesme iz književnosti gradišćanskih Hrvata za hrvatsku školsku dicitu i mladinu. Sabrao i priredio A. Leopold. Željezno, 1967.
126. M e r š i ć M. Jačkar. Hrvatske narodne jačke iz Gradišća. Sabrao M. Meršić. Redakcija i komentari V. Žganec. (Biblioteka pododbora Matice hrvatske, knj. I). Čakovec, 1964.
127. M i l o r a d i ć M. Zbrane jačke s, kimi je va ljubavi zabavljal i pokaral svoju braću Hrvate. Neusalj pri jezeru, 1933; 3. izd., Željezno, 1978.

128. M ě h l g a s s n e r T. Grabimo sa svijezdami.
(Knjižica br. I). Eisenstadt, [1967].
129. M a s o r V. Trinajstić. Bijeli jelen. Črlejnkapica.
(Hrvatska školska biblioteka: Knj. I). Wien,
1962.
130. P o v i d a j k e za hrvatsku dieu Gradišća. Priredio
F. Sučić. Željezo, 1975.
131. S c h r e i n e r B. Probijanje u vječni led. (Knji-
ga XVI Hrvatskoga štamparskog društva u Željeznu).
Željezo, 1971.
132. V u k o v i ć V. nemoj brate, pusti raku... Eisēh-
stadt, [1966].

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ НА ГРАДИЩАНСКО-ХОРВАТСКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Подборка содержит тексты XX в. Образцы текстов старого (XVII-XIX вв.) градищанско-хорватского литературного языка приложены к монографии Л. Хадровича [30]. К лексическим комментариям прибегаем лишь в случаях, когда слова или выражения отсутствуют в хорватско-сербском литературном языке либо выступают в нем в иной форме и значении.

Образцы поэтических произведений

I. Mate Miloradić. N a š j e z i k

Naš jezik, kroz vijeke star,	Pak si još zajačit znam,
Je mudrosti pun ormar.	Da me nij pred svitom sram!
Dâ tu pamet ta jezik	Znam mudrosti zreć po njem,
I prez škole i prez knjig!	Ča va mudri knjiga štem!

Glete, to je ča željim	Ta jezik bi rad zatrt?!
S jačkami pokazat svim!	To je zlo i grih na smrt!
Prost živari naš jezik,	Je kulturi lomit vrat,
Sam, prez škole i prez knjig,	Je oltare rušit, žgat!

K. Mersich. Velika čitanka.
Wien, [1966?], s. 410.

Ormar - шкаф, prez - без, glete - смотрите, ča - что, s jačkami - с ячками (народные песни у градищанских хорватов), zajačit - запеть песню, va - в, štem - читая, zatrt - искоренить, уничтожить, žgat - хочь.

2. Augustin Blazović. T i n a š e " Č a "

Čarobno "č" i dugo "a",	Čarobno "č" i dugo "a",
ti slatko naše "ča"!	ti slatko naše "ča"!
Tebi je blagi zavičaj	Najsladje te zgovaraju
Dalmacija i Istra.	na našu radost dica.

Čarobno "č" i dugo "a",
ti slatko naše "ča"!
Odzivaš se kroz dol i brig
kroz mnogi kraj Gradišća.

Čarobno "č" i dugo "a",
ti slatko naše "ča"!
Četirastopedeset ljet
zvučiš po naši kraji,
odzivaj se iz dičjih ust
na vjiek u naši gaji.

HN, Željezno, 1972, br. 24, s. 4.

Zgavarju - ВЪГОВАРЬВАДЪТ, на на̀шу - ПО-НАШЕМУ, НА НАШЕМ
ЯЗЫКЕ.

3. Vladimir Vuković. K a s n a j e s e n

Sve je tužno, neuljudno,
Naokolo vlada smrt.
Nema sunca, nema cvića,
Pust i prazan stoji vrt.

Gdi su ptičić mili glasi,
Toplog sunca zlati sjaj,
Da otoplu moju dušu
I načinjtu tugi kraj.

Jer je tužan ovaj život,
Srce mrzlo kao led.
Svit premali je za čežnju:
Protuliće dođdi vrijed!

V. Vuković. nemoj brate, pusti ru-
ku... Eisenstadt, [1966], s. 19.

4. Matija Šinković. N a p r a g u p r o t u l i ć a

Prva j bila snigoljica,
Glasnik blizu protulića.
Još pod snigom je hotila
kuknut kodi bela vila.

Ni već žuta suha trava,
zeleni ju to narava.
Puščadu male glavice
lipe duhe fajgulice.

Na pragi smo protulića,
mislím va će bit sam srića.
Teške bunde, halje, doli,
vozmo se ván si iz koli.

Zaran došla j lipa deba,
stala se j s zimskog groba.
Srce veselo nam tuca,
Protulića sora puca.

Čakavska rič, god. VII,
Split, 1977, br. 2, s.83.

Snigoljica - ПОДСНЕЖНИК, kuknat - ПРОПАСТН, kodi - КАК,
zaran - ЗАРАНЕЕ.

5. Cvet pod snigom.

Ukol maloga stana zimska bura s snigom vije: skero do krova dosiše napušen, nanosen snig i se je činilo, ket da b' rada otu mirnu, malu kućicu samest.

U niskoj, jedinoj škuroj sobi sa stolem sida mladi hižniki i jedna stara babica i slasno trešu ubog obed siromašni ljudi, zaprašenu, va ku je kuharica kruha nadrobila. Po staroj hrvatskoj pravici su iz skupne sdele jili. Tri prašene, oba tri trudne zlamane od teškoga poljakoga dela, živu u ovoj škuroj, vlašnoj sobi. Telo mlade seljakinje svidochi, da će se mala družina vreda povekšat, da će jedno malo stvorenje na vredi umnožit skrb ovi bedni ljudi.

Malo pred obedom su se dvi ženske, mlada iz starom porekle, mlada je srdito, od jada crljenim licem položila žlicu na stol, starica si još jednoč zagrabi s žlicom, ali je svezjom drhtajućom rukom od sdele do ust vas stol počkrapala.

Mlada se srdita skoči iza stola i jada puna počne vikati: "Sad je ali zaistinu dost. Človik s vami već gor jist nemore!" "Se zasvinjite majka" reče mladi muž.

Starica položi bez riči žlicu i si počne prederan kukljin gladit; po kratkom času tiho odgovori: "Ako sam van na pački, ko ni morate samo s jednom ričom reć, ko ću vam se veljek ugnut, jos nit minute vam neću duglje na vratu ostat".

Glavu je najper nagnula k sinu, da bolje čuje, jer sada mora nje sin, nje jedino dite, odlučit, da ali ne. Ali ov su-

ti, a starica s velikimi suznimi očima smatra mlade hižnike.

Opet je časa zminulo; samo zakadjene, prašne ure tucanje je čut u ovoj tišini. Mlada žena se na jednoč urupi. "Človik vam ne veli, da idete ali ostanete!" zgrabi iz stola zdelu i ju odnese van.

Starica se krene sinu, ustnice su joj počele drhtati, s očima je gusto migala, ar su ju žgale, pekle s silom zastavne suze, ali sin ovoga ne vidi, on mrzlo upre oči va tha i ne veli: ostante. Zdigne se iza stola i projde van.

... Starica, kad je sama ostala u sobi, si nabrano lice u poderan kukljin srani i barem ju kako teško spade, se siluje plač zadusit, samo da vani mladi ništ upamet ne zamu.

Stane se, suze si utare, poklekne pred ormar, poznimlje si opravu, jedan par obuće, pratež sveže va jedan rubec, opanke si ubuje i se zdigne iza tla; jedan hipac postane na sred hiže, diboko zdahne, prekriži se i se tiho odpravi van...

Naš Kalendar za gradišćansku hrvatsku družinu na pristupno leto 1928. Kisela-voda (Sauerbrunn), [1927], s. 69-72.

Ukol - около, рядом; žimska bura - зимняя буря, doziže - достанет, kot (da) - как (будто), škura - темная, hižniki - хозяйева, troši - едят, поглоцают; zapraženka - местное блюдо, pršone - лица, dela - работы, povekšat - повысить, vas - весь, poškrapala je - залила, загрязнила; vikat - кричать, вскрикивать; kukljin - фартук, poderan - порванный, na raški - как обуза, ću ugnut se - уйти, duglje - долго; здесь: больше; najper - прежде всего, nje - ее, ali - или; но; zminulo je - прошло, zgrabi - взяла, схватила; ar - потому что, van - в сторону, прочь; veža - двор, srani - спрятала, ormar - шкаф, prekriži se - перекрестилась, pravi se van - ушла вон, прочь.

6. Ignac Horvat. N a s h o d i š ć u

- No ča je, Jule?
- A ča će bit, Jele?
- No ter mi ništ ne kaniš povdat?
- Jo, a ča b' ti morala povdat?
- No, ča nisi bila ljetos Celji?

- A je!
- No pak!
- A vidilo mi se j'. Jako lipo je bilo. Čuda nas je bilo, s odzgor i s odz dol. Jedni su si znali lipše jačit neg drugi. A i da i šest gospodinov.

- Tako je bilo i lani, kad sam ja bila. A ono...

- Ča?

- Onoga vam nisu opet kazali?

- Koga onoga?

- No onoga... E, bolje, ako ti ništ ne velim!... Ter ga za istinu nisi vidila?

- Jo, koga?

- A... vraga.

- Vraga? Celji?

- No da...

- Celji, misliš? Kade j' onde vragov? Ja sam si sve kute pogledala va Celji, ali...

- A va teati... Znaš, da ti povim! Zednji večer su nas otpeljali jedan mladi - mer bi im bile Pandrofka dale, kad bi im se bili po teati pokazali - su nas otpeljali va teatu. Mi smo štimale, da ćemo onde vidit muku Kristuševu, ili ča takovoga, lipoga, pak znaš, duša, sve sami vrazi su bižali po posornici, ili kako se tim daškam friško veli.

- Ah!

- Da, pravi, prekučeni zali duhi. Moreš si mislit, da smo veljek sve sidile od straha i srama pod stolci.

- Zač?

- No, Bog te j' vidio, još i ne! Kad zagledaš pred sobom jednoga zaloga, črnoga kot iz pakla.

- A čuješ, ja bih bila ljetos rado dala jedan šiling, ako...

- Duša, neka si ga željit! Još ni zaman ne!

- Vindar!... Čuješ, to bi bio adut, kad bi bila pak mogla reć tomu mojemu, kad se koč onako mrazno razjeda, da sam jur vidila vraga, ali takov još nji, kot je on, kad je srdit. To b' ga svejedno mrvu popalo.

- Onda još ne poznaš muže.

I. Horvat. S perom kroz selo i život
(1923-1941). Željezno, [1965], s. 35.

Na shodišću - на посиделках, ђа - что, ništ - ничего, ne kamib - не пытаемся, s odzgor i s odzdol - с гор и долин, сверху и снизу; ječit - петь (народные песни), otpejja-li su - повели, повезли; va teatu - в театр, štimali smo - думали, предполагали, желали; friako - свежо, быстро; zali - злая, veljek - всегда, kot - как, vindaг - напротив, vrag - черт.

ОБРАЗЫ ТЕКСТОВ НАУЧНОГО, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО, ИНФОРМАТИВНОГО И ИНОГО ХАРАКТЕРА

7. Ignac Horvat. N a š e k u l t u r n e
z a d a ć e

...Mi moramo našem jeziku poštenje priskrbiti. Prosti i učeni Hrvati neka govore međ sobu uvek hrvatski! Seljački i inteligentni roditelji moraju svoju djecu u materinskom jeziku odgojivati! Odsada već ne smi postojati ta razlika, da naši seljaci govore hrvatskim jezikom, a njihova inteligencija kim tuđim jezikom.

Da budemo svi rado i lipo govorili hrvatski, treba da se ov jezik učimo. Treba da se u prvom redu naša inteligencija uči hrvatski književni jezik, ki je danas jur/ toliko dotiran, oglađen i izrazit, da se more usporediti s drugim evropskim jeziki. S ovim jezikom hoćemo i moramo naše zastale narečje ponoviti i ofriškati, tako da bude on imponiral i onim, ki ga danas zavržuju, zanemarmetaju, ar da im je priprost.

Kad se pak inteligentni Hrvati nauču ov jezik, onda neka zapeljaју i društvenu mladinu u čitanje hrvatskih knjig. Naša mladina mora čitati u glavnom hrvatske knjige, ar su o on: u hrvatakom duhu pisane; ki nje čita, nastat će bolji, čvršći Hrvat. Uz to se pravoda moru štati i druge knjige. K ovomu je potribno, da si vsako selako prosvetno ili mladenačko društvo nabavi knjižnicu. Mi ćemo nastojati, da im to kroz naše veze omogućimo.

Kasnije pak, kad budu naši učitelji svršeno znali književni jezik, učiti ćedu ga i u školi, tako da se dite jur od maljanstva navikne na njega ter bude kasnije prez poteškoće čitalo hrvatske knjige.

Mimo našega jezika moramo gojiti i našu narodnu jačku (popijevke) i hrvatsku melodiju. Meršić Martin ml. već sбира naše melodije, neka mu naši školnici budu na pomoć! U prvom redu treba spasiti melodije Kurelčevih jačak. Ovu zbirku ćemo pak i štampati, ovako će dobiti naša mladina, ka rado peva, obiljan repertoar.

...Zato moramo mi, gradišćanski Hrvati, stupiti u uže kulturne veze, u kulturni kolektiv s hrvatskim narodom u staroj domovini i od njega uzimati ono, ča smo mi već izgubili, s njim si izminjivati naša kulturna dobra, kot je to kod svih civiliziranih narodov običaj i potreba, ali us to hoćemo očuvati, kot gradišćanski Hrvati, našu kulturnu individualnost.

...Ako na ovakov način delamo za narod, ako se znamo i za njega žrtvovati, onda ćemo osigurati njegov obstanak i na dalja stoleća.

Naša domovina. Kalendar i letopis Hrvatskoga Kulturnoga Društva u Gradišću za leto 1934.
Ur. I. Horvat. Neusalj pri jezeru, [1933], s.
42-44.

Med - между, kim - какими-то, vsi - все, ofriškati - оо-
везитъ, zanemarmetaju - забрасывают, запускают; ar- потому
что, priprost - грубый, необработанный; zapeljaју - здесь:
вовлекут; pravoda - истина, štati - читать, vsako - каждый,
od maljanstva - с детства, školnici - учителя, ka - которая,
ča - что, ket - как.

8. Martin Meršić ml. P o č e t k i n a š e
k n j i ž e v n o s t i u n o v o j
d o m o v i n i

Književnost Gradišćanskih Hrvatov, kako i cijelu našu povijest dilimo na dva dijela: na književnost, ku su si našī praoci iz stare domovine sobom doprimili i na književnost, ku su u novoj domovini sami stvorili. Sigurno su si barem neki naši doseljeniki sobom doprimili neke rukopisne molitvenike, a plemići povelje svoga plemstva, književnost i kulturu svoje stare domovine. Ali od ovih nije ostalo ništa, samo nam spominja lutorska kanonska vizitacija od

31. III. 1631., ku je držao lutoraki biskup Bartol Kiss ta dan u Endrišću (Fertőendréd, prije mišano, danas već mađjarsko selo blizu Soprona u Mađjarskoj), da je našao u tom selu u crikvi jedan oltarski ubrus ili rubac "régi betükkel tótül" (sa starimi slovami po slovačku). O tom oltarskom rupcu (antipendiumu) su povidali hrvatski stanovnici, da su ga njihovi praoci sobom doprimili iz svoje stare domovine Velike. Bile su na njem svilom od črljene boje našite desetera Božje zapovidi. Spomenute "slovačke slove" bile su sigurno glagolica ili bosančica. Dalje su sobom doprimili i jedan pozlaćen kalež s patenom od ljeta 1515. Bilo bi zanimljivo izviditi, je li je ta ubrus i kalež s/patenom još očuvan znanda u kakovom muzeju ili arhivu.

...Međ početke književnosti računamo i one naše narodne pjesme, legende u verzi i povidačke (bajke) o vila i druge u prozi, ke si je naš narod iz stare domovine sobom donesao, ali ne popisane u knjiga, nego ke je napamet pjevao ili povidao.

...Doslje još očuvani najstariji rukopisni dokumenat nalazi se u klimpuškom Misalu, ki se čuva u djurskom biskupskom arhivu. Ov 1501. ljeta u Ostrogonu štampani Misal je dospio 1504. u posjedstvo klimpuške fare.. Bilo je u njem na početku i na koncu knjige nekoliko praznih stranica. Ljeta 1515. je popisao iz Klimpuha rodjeni šopronski svećenik Pankrac Frankh na početku knjige na prazne stranice nekoliko vjekovječnih naš, a 1518. dohotke fare na nimaškom jeziku. Dalje je zabilježio u latinskom jeziku neke događaje, ki se tiču klimpuške crikve. A na koncu knjige je 1564. na prazne stranice zabilježio iz Jagtrebarskog tamo doseljeni farnik Juraž Vuković, koga su prije krivo čitali Soković, ćirilicom, bosančicom i glagoljicom po hrvatsku Očenaš i vazmenu jačku...

M. Meršić ml. Znameniti i zaslužni Gradišćanski Hrvati. Rijeka, 1972, s. 7-8, 11.

Ку - котору, črljene - красне, znanda - может бытъ, наверхее; doslje - до снх пор, fara - приход, farnik - приходоу священник, vazmenu - рождественску.

9. Jezik - najveće kulturno dobro

Novine, časopisi, radio i televizija sipaju na nas dan i noć svoje jezične produkte. Pravda, prema tim produktom mora se ponekad i dvojiti, da se jezik zaista najveće kulturno dobro. Ali te ne leži na jeziku, nego na ljudi, ki ga sloupotribljavaju.

Svejedno kakov je sadržaj tih pisanih ili govorenih riči, prez riči i jezika ne bi bilo kulture. Rič i jezik su bili početki svakoga kulturnoga djelovanja. Prez riči i jezika ne bi bilo komunikacije - povezivanja međ ljudi. U ovcm leži najvažnija funkcija jezika. On ispuni svoju kulturnu zadaću, kad zbudi razumivanje jednoga za drugoga, kad zbliži različne stavi i kad spoji jednoga človeka s drugim u jednu duhovnu skupinu na opću korist. Ova najviša i najvažnija funkcija jezika postavlja sve jezike na stepen ravnopravnosti. Jezik se da prevoditi, ali nikad s jednim drugim nadomjestiti. Svaki jezik je ne samo po svojem zvuku, nego i po svojih osobina, (Eigentümlichkeiten) jedinstven.

Čuvajmo si dakle naš dragocjeni jezik, da ne spademo u barbarstvo. Mi smo svi za to odgovorni. Ne dopustimo, da dojde naš jezik kao jedan mrtvi predmet, povezan u debele i prašne knjige, u mračne prostorije jednoga muzeja. Za žitak triba jezik, isto kako i človek, prostor slobode, u kom se on more gajiti i razvijati. Prez takovoga prostora mora on umriti.

U obitelji samoj more jezik nek životariti. Za žitak triba on veći prostor. Ta prostor mora se protezati prik dičjih vrtićev, nižih i viših škol, uredov i sudov. Ravnopravnost jezika potribuje mimo toga, da ima i svoje odredjene emisije u radiju i televiziji! Onda ćemo skupa s Miloradićem nanovo moći reći: Naš jezik, kroz vijeke star, je mudrosti pun ormar...

НИ, Зелјено, 1978, br. 33, s. 1.

Pravda - истина, правда; међ - между, zbudi - взбужет, dojde - придет; здесь: заветник; prašne - пыльные, človek - человек, u kom - в котором.

10. Hrvatski akademski
klub (HAK)

Poslije drugoga svjetskoga rata pokazala se je potreba, da se u Beču osnuje društvo za hrvatske akademičare i studente i tako je u 1948. godini došlo do osnutka Hrvatskoga akademskoga kluba. Od osnutka kluba pa do danas glavne misli vodilice bišu: njegovanje hrvatske kulture, sadržanje hrvatske narodnosti i budjenje ljubavi prema svomu narodu. Za ove cilje se je u prošli ljeti s mnogo iskrenog idealizma radilo, i korak za korakom stvorilo se je iz Hrvatskoga akademskoga kluba ono mjesto, kade se sretno, skupa najde, upozna i razveseli naša učna mladina; kade se gaji i čuva naša hrvatska narodnost, kade se pretresaju i diskutiraju naša kulturna pitanja. I mi danas s radosnim i zadovoljnim srcem možemo reći, da najveći dio naše študentske mladine pripada klubu i da sada HAK zastupa interese cijeloga našega učnoga naraštaja i naših mladih akademičarov.

"Gradišće". Kalendar i ljetopis Hrvatskoga Kulturnoga Društva u Gradišću za obično ljetno 1958. Ur. I. Horvat. Beč, [1957], s. 54.

Kade - где, skupa najde se - окажется вместе, učna (mladina) - учащаяся (молодежь), študentske - студенческой.

Сокращения

- HAK - Hrvatski akademski klub, Beč (Вена)
HKD - Hrvatsko kulturno društvo, Željezno (Илезно-Эйзенштадт)
HN - Hrvatske Novine, Željezno (Илезно-Эйзенштадт)
HŠTD - Hrvatsko Štamparsko društvo, Željezno (Илезно-Эйзенштадт)

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИКРОЯЗЫКИ

(Вопросы формирования и развития)

III. Чакавский литературный язык^ж

Часть I: до XVI в.

А.Д. Дуличенко

В основе литературной чакавщины (лингвоним *čakavski književni jezik, književna čakavština*)^I лежит чакавский диалект — один из трех основных диалектов сербско-хорватского языка. Лингвоним этого микроязыка сформировался на базе специфического обозначения в нем вопросительно-относительного местоимения "что" — *ša* (при *kaž* — в кайкавском и *što/što* — в штокавском). Приблизительно до XIV в. чакавцы занимали обширную территорию: на северо-западе — от р. Купы до моря, на востоке — до р. Босны и Неретвы, а на юге — до р. Цетине (а возможно, и далее). В связи с продвижением, начиная с XIV века, турок на Балканы эта территория значительно сузилась. Потесненное турками штокавское население частью ассимилировалось, а частью отодвинуло чакавцев к морю. В XVI в. отдельные группы чакавцев (вместе с штокавцами и кайкавцами), спасаясь от турецкого натиска, покинули свои исконные места и поселились на землях, ныне входящих в состав Австрии (Бургенланд-Градище, ср. градищанские хорваты-чакавцы), Венгрии и Чехословакии (Словакии). В настоящее время чакавский диалект, самый западный в ареале сербско-хорватских диалектов, распространен в СР Хорватии: в Истрии (средней и восточной части), Хорватском Приморье, на островах Адриатического моря вплоть до Ластова и Корчулы (включительно), в Далмации — во округ Задара, Сплита, в части Шибеника, в Трогире и в запад-

^ж Очерк "Чакавский литературный язык" является третьим в серии "Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)"; первый очерк "Попытки молизско-славянского литературного языка в Италии" опубликован в сб.: Проблемы описания системы языка и ее функционирования. (УЗ Тарт. IV. Вып. 486. Труды по русской и славянской филологии. XXX). Тарту, 1979, с. 56-99; второй очерк "Градищанско-хорватский литературный язык в Австрии" — см. настоящий сборник.

^I Недавно известный хорватский лингвист Д. Йонке предложил для этого микроязыка лингвоним *hrvatski čakavski književni jezik*, см.: 48, 34/.

ной части полуострова Целенац; в некоторых местах чакавскую границу определять весьма трудно, как, напр., в районе города Карловац, где встречаются все три диалекта: на юго-западе - чакавский, на востоке - штокавский, на севере - кайкавский. В средневековые основные культурными центрами чакавцев были Сплит, о. Хвар и Задар; сейчас эту роль выполняет Сплит, а также Риека.

В соответствии с дальнейшим развитием старого \check{e} (\check{t}) чакавский диалект делится на три группы говоров: западную, или экавскую ($\check{e} > e$: mlěko > mleko; на Кварнерских островах, в хорватском Приморье и Истрия), восточную, или икавскую ($\check{e} > i$: mlěsto > misto; на далматинском побережье и островах), и ластовскую, или екавскую ($\check{e} > je$: mlěko > mljeko; о. Ластово).

До настоящего времени нет инвентаря дифференциальных признаков, которые характеризовали бы исключительно чакавский диалект. Многие из традиционно выделяемых как чакавские черт часто распространяются далеко за пределы чакавского ареала, образуя чакавско-кайкавские, чакавско-штокавские и даже чакавско-кайкавско-штокавские изоглоссы. Наиболее выразительным признаком чакавщины является вопросительно-относительное местоимение \check{c} a (и его производные: \check{c} aš, \check{c} as, \check{c} as, \check{c} oš и др.).

В области фонетики чакавский диалект характеризуется признаками:

- 1) прасл. $a_j > j$ (в результате утраты эксплозии): rojen "рожденный" (шток. rođen), preja "прияа" (шток. pređa);
- 2) на месте редуцированных \check{b} и \check{v} - а: daska < dьska "доска", dan < dьнь "день";
- 3) $l > u$: rim < rьnъ "подный"; r чаще всего сохраняется;
- 4) прасл. $o > u$: ruka "рука"; $e > e$ (sveti "святой"), а после мягких \check{c} , $\check{š}$, j : a: jазик < jьзукь "язык", роčати < роčьти "начать";
- 5) прасл. stj и skj (ske, ski) > $\check{š}$: godišće < godistje "год" (шток. godišće), krěćenje < kretjenje "крещение" (шток. krštenje);
- 6) группа zgj (zge, zgi) и $zdj > žj$: gvožje < gvoždje "железо" (шток. gvožđe);

7) прасл. *čr* преимущественно сохраняется: *črv* "червь" (шток. *crv*), *črn* "черный" (шток. *crn*);

8) прасл. *ě* дале рефлексов *экавского*, *икавского* и *екавского* типов (см. выше); имеется говоры, в которых возможен двойной рефлекс — *икаво-экавский*;

9) *č* и *с* различаются, однако *с* — не аффриката, а оклузив, т.е. фактически *t'*;

10) конечный *-i* слога или слова сохраняется: *perel* "пепел" (шток. *pereo*), *rekal* "сказал" (шток. *rekae*);

11) *vъ*, *vь* > *v, va* (недостаточно последовательно): *vnuak* < *vъnuakъ* "внуk" (шток. *uauak*), *vavek* < *vъvekъ* "всегда" (шток. *uvek*);

12) в основном сохраняются древние сочетания *-jt-* и *-jd-* в середине слова: *najti* "найти" (шток. *nači*), *najdem* "найду" (шток. *nađem*); лишь в говорах средней Далмации наблюдается *-jt->č*: *nač*, *doč* и т.д.;

13) достаточно хорошо сохраняется *h*: *hlad* "холод", *hoditi* "ходить"; исключение: *osъ* < *hosъ* "хочу";

14) фактически остается непроведенной новая йотация в *tъj*, *dъj*, т.е. остается *tj*, *dj*: *listje* < *listъje* "листья" (шток. *lišće*); ср. сохранение губного + *j*: *divjak* "дикарь" (шток. *divljak*);

15) конечное *-ъ* и *-и*: *govorin* "я говорю" (шток. *govorim*), *ženca* "женой" (шток. *ženem*);

16) *lj>j* (в большинстве говоров): *polje* < *pol'je* "поле" (шток. *polje*), *prijatej* < *prijatel'* "приятель" (шток. *prijatelj*);

17) *č* перед *k* > *č'*, т.е. вместо группы *čk* — *čk*: *mačka* < *mačka* "кошка", *kvočka* < *kvočka* "квочка";

18) развилась группа *lk* < *tk*: *pelkova* < *potkova* "подкова";

19) в системе консонантизма нет аффрикаты *čž* и не может быть аффрикаты *č'* (ср. пункт 1);

20) акцентуация в говорах Истрии, догватского Приморья, слабее — в Далмации, характеризуется тремя типами ударения — *˘*, *˘˘*, *˘˘˘*: *ženā*, *grād*, *strāja*; чакавский акцент (*˘*) — праславянского происхождения; яркая особенность здесь — старое место ударения, как в русском: *sirotā*, *selō*, *vesē* (род. п.) и т.д.

Признаки 15–18 сравнительно молодые, поскольку стали развиваться в чакавщине в средние века; признаки 4 (*č* > *t'*) пос-

де мягких согласных), 8, 9, 18, 19, а также наличие са-
-Б. Финка считает "выразительно чакавскими": "izgraito su ča-
-kavsko" [26,12].

В области морфологии:

1) сохранилась старая форма род. п. мн. ч. (без флексии -а): žen "женщин", žen (шток. ženā), ср. также gradov "городов" (шток. grādēvā) у основ на -u; от основ на -i используется флексия -i(h): vlasih "волос" (шток. vlasā);

2) отсутствует синкретизм форм дат., твор. и предл. п. мн. ч., ср. соответственно: želan, želanī, ženah;

3) наличие только кратких форм вопросительно-относительного местоимения ki, ka, ko "какой", "который" (шток. koji, koja, koje);

4) 3 л. мн. ч. настоящего времени вместо -e имеет флексия -u: mislu "думают", govogu "говорят"; в некоторых говорах даже misliđu, govoriđu;

5) наличествуют специфически чакавские формы настоящего времени типа greh "иду" (шток. idem), čin "говорю" (шток. govorigim);

6) остатки аориста и имперфекта (не везде), причем имперфект выступает с весьма специфической флексией, ср. -hi (I л. ед. ч.), -homo (I л. мн. ч.), -hote (2 л. мн. ч.) и т.д.;

7) кое-где сохраняется сунни: ke su bile navrat smokav;

8) в составе сослагательного наклонения формы вспомогательного глагола имеют достаточно специфический вид: bin/bim, biš/bi, bimo, bite, bi;

9) энклитики (особенно на северо-западе) могут начинать предложение, ср.: Si bil va grade? - San. "Ты был в городе?" - "Да".

В чакавской лексике очень много архаичного, а чакавский словарь в целом значительно италянизирован, шире, если иметь в виду латинское влияние, то и романнизированный (под властью Венеции чакавцы оказались с IX в.). Итальянское влияние отразилось также в синтаксисе; в фонетике это воздействие вызвало появление так наз. цакавизма, т.е. деналатализации š и его заменой на s, а также переходом z и ž в среднее z, а z и ž > s: sovik < ševik "человек" (шток. ševik), sestra < šestra "сестра", žena < žena "женщина". Чакавцы занимают в основном острова, а также район вокруг Риеки, Шибеника и некоторых других мест [46, 303-304; 16, 413-417; 37, 506-508; 41, 137-141; 44, 723-804; 67, 23-36].

В сравнении с кайкавщиной чакавский диалект изучен лучше. Уже в первой половине XIX в. им занимался В. Карадич и особенно А. Махурнич, впервые установивший, кстати, наличие чакаво-русских акцентных параллелей (1860 г.). Однако лишь в последней трети XIX в. появляются исследования, в которых диалектная чакавица подвергается детальному анализу. Таковы "Чакаво-хорватские исследования" о говорах Истрия и Крка Д. Неманича - "начало большого труда о чакавском наречии", по оценке А. Соболевского [70, 363-428, 505-572, 167-230]; труд М. Реветара, в котором определены границы распространения чакавского диалекта [74, 93-109, 161-199, 361-388]; затем следует описание чакавины Кварнерских островов И. Млечетича [63, 92-131]. В начале века с основополагающими работами выступил А. Белич: им детально описан говор г. Нови и впервые широко рассмотрен вопрос о происхождении чакавской акцентуации [1, 181-266; 2, 1-39]. Что касается предположений А. Белича относительно выделения чакавского и кайкавского диалектов еще до прихода славян на Балканы и о первоначальном чакаво-кайкавском симбиозе - на основе одинаковой судьбы в них прасл. $dj > j$ (1921 г.), то они подвергаются сомнению, ср., напр., точку зрения Ф. Рамовна о диалектном делении на Балканах и П. Йвича об изначальном не чакаво-кайкавском, а чакаво-штокавском симбиозе - на основе сходства в обоих диалектах типов ударения и вокализма, ср. также чакав. $\check{s}a$, которое, как и шток. $\check{y}to < \check{y}to$, в сравнении с чакав. $\check{s}a$ и кайкав. ka_j (см. соответственно: [73, 48-58; 42, 156]). Отдельными чакавскими говорами занимались М. Тентор и К. Мейер, написавший целую монографию о чакавине о. Крка [92, 146-204; 62]; М. Хрсте дал подробное описание говоров островов Хвар и Брач [39, 1-57; 40; 38, 1-66], а в послевоенные годы, вслед за польским славистом М. Малецким и Й. Рибаричем (см. соответственно: [57; 76, 1-207]), успешно занимался исследованием говоров Истрия. Еще в 1929 г. М. Малецкий выпустил целую монографию по вопросу распространения и происхождения чакавского цакавизма, - под влиянием венецианского диалекта [56]. Позднее Й. Хамм пытался доказать, что цакавизм в чакавских говорах вызван внутривидовым развитием фонетической системы чакавины, однако, как видно из его последующих работ, венецианский диалект сыграл здесь решающую роль [32, 21-38; 29, 56-80]. М. Московлевичу принадлежат большие работы об островных говорах - Корчули и Васа [7, 155-

-223; 8, 105-138/; Д. Маштрович полно описал итославизированный ивицкий говор в Далмации [61, 87-140]. В 1956 г. появилось совместное исследование Й. Урма, М. Храсте и П. Губерини о говоре одного из Кварнерских островов - Сусака - самый, пожалуй, значительный труд последних лет [33, 5-213]. Весьма плодотворно работает над различными проблемами диалектной чакавини один из крупнейших ее знатоков Б. Финка. В 1958 г. он защитил докторскую диссертацию по говорам о.Дуги; в 1968 г. на немецком языке публикуется его небольшая монография "Чакавский диалект" - первое достаточно последовательное синтетическое описание диалектной чакавини [24]; в 1971 г. работа вышла в переводе на хорватско-сербский язык, см. там же [24, II-71]; Б. Финка является также составителем подробной инструкции по сборанию и обработке чакавских говоров [25, 5-76]. Большой интерес вызывают чакавские исследования П. Скока [79, 215-278]. В 1973 г. вышел сборник трудов Х. Штайнхауера, специально посвященный чакавской диалектной проблематике [81]. В последние годы особый интерес диалектологов вызывает чакавская фонетика, фонология и акцентуация в частности. Здесь особо следует отметить попытку В. Янковича и П. Шмунювича преодолеть высказанное еще в 1935 г. А. Беличем и поддержанное известным хорватским диалектологом С. Ивличем (1951 г.) мнение о гетерогенном происхождении акцентуации северо-западных и юго-восточных говоров; на основе научения качественных изменений чакавского ударения исследователи устанавливают генетические связи между этими группами говоров [49, 7-38; 84, 5-63]. Монографии Р. Хадлича и М. Могуша посвящены соответственно вопросам исторической и современной фонологии чакавини [28; 66]. В поле зрения исследователей и чакавские говоры, находящиеся за пределами исконного ареала. Здесь следовало бы особо отметить монографическое описание чакавини в Словакии, сделанное В. Важним в 1927 г., а в последние годы - серия работ Д. Ютронич и др. о переселенческих говорах в штатах Пенсильвания и Калифорния в США в связи с воздействием на них английского языка, см. соответственно [94, 122-336; 51, 71-99; 52, 17-39; 14].

В России интерес к чакавини, как, впрочем, вообще к южнославянским диалектам, появился рано. Уже в 1866 г. М.П.Петровский дал фонетический и морфологический анализ чакавини в сравнении со итославинной [10, 423-434], а в 1880 г. появил-

ся очерк сербско-хорватской акцентуации со специальным вниманием к чакавине Р.Ф. Брандта, что позднее вызвало интерес А.А. Шахматова, доказавшего близость чакавской и штокавской акцентуации, см. соответственно [3; 13, 152-229, 171-218, 1-27]. Д.П. Якубинский подробно рассмотрел рефлекс старого \check{z} в чакавских говорах; введенное им правило до сих пор используется исследователями [47, 381-396]. М.Г. Долобоко пытался доказать, вслед за В. Караджичем, Ф. Миклошичем и А. Беличем, что икавские говоры Боснии являются по происхождению штокавизированными чакавскими [5]. Особенности чакавской лексики и выявлению чакавско-словенских и чакавско-словенско-штокавских лексических изоглоссов посвящена работа С.В. Зайцевой [101, 69-110]³.

Литературная чакавина исследована все еще недостаточно, хотя интерес к ней, особенно к ее старому периоду, значительно выше, чем, напр., к литературной кайкавине. Главным недостатком здесь является отсутствие синтетического труда, т.е. более или менее последовательного освещения вопросов становления и развития чакавского литературного языка от момента его зарождения и до наших дней. Небольшая статья М. Хрсте в этом направлении, написанная для справочного издания "Энциклопедия Државна", несомненно, ценна, однако не решает вопроса в целом [41, 525-526]. Большинство же исследований посвящено каким-либо конкретным вопросам литературной чакавины, да и то только старого периода - языку отдельных писателей, отдельным языковым явлениям в тех или иных текстах и под. В XIX - начале XX в. вопросами языка старой чакавской (и дочакавской) литературы занимались В. Ягич, М. Решетар, затем также В. Дукат и Ф. Фанцев; в начале века Т. Маретич выступил с серьезным исследованием по языку далматинских писателей XVIII в. [60, 173-240, 1-92]. В новейшее время появились работы М. Хрсте, Л. Йонке, М. Косора, Т. Матича, В. Штефанича, Й. Хампа, В. Путанца, Д. Берича, З. Винце, А. Шепича, А. Шупука, Р. Видовича и др., а за пределами

³ Подробные библиографические данные о чакавском диалекте до 1956 г. можно найти в обширном труде М. Хрсте [35, 387-479], а после 1956 г. - в статье С.В. Зайцевой [46, 363-375]; см. также: [12, 104-111; 4, 160-163; 19, 51-53; 43, 399-403; 78, 633-645]; специально чакавская библиография последних лет представлена в раб.: [99, 98-120; 98, 39-70; 85, 67-98]. См. также сб. "Hrvatski dijalektološki zbornik", Zagreb, 1956, 1 -.

Югославии - работы итальянского слависта А. Крониа и чешского - Я. Петра. Примечательно, что язык старой чакавской литературы обрабатывается в последние годы и в форме монографий. Так, языку П. Гекторовича посвящены две солидные монографии А. Младеновича и поляка З. Вагнера - эти авторы восполнили лингвистический пробел монографии русского слависта Н.М. Петровского, вышедшей в начале века, см. соответственно [64; 100; II]. А. Младенович написал также большое число работ по графике, орфографии и отдельным языковым явлениям в чакавских памятниках. Польский славист В. Борнсь написал в 1969 г. специальное исследование о словообразовании чакавских существительных по текстам XV-XVI вв. [18]. Весьма плодотворно исследует язык старых чакавских памятников Д. Малич, выпустившая две монографии, - по языку так наз. Парижского кодекса и Шибенской молитвы (оба памятника XIV в.), и Й. Вончина, автор многочисленных статей и недавно вышедшей монографии [58; 59, 81-190; 96]. При изучении чакавского языка старшего периода важное значение имеют библиографии И. Кукулевича-Сакцинского и П.Й. Шафарика (их недостатки в том, что первая не отражает оригинальных графико-орфографических написаний, вторая имеет много пропусков и сведений, добытых через кого-то); в новейшее время - библиография Й. Бадалича - о драме, Р. Видовича - периода XV-XVI вв. (работы 1961-1971 годов), П. Шимуновича, см. соответственно [53; 82; 15, 95. 155-190; 85, 67-98].

Чакавица - самый старый литературный микроязык. Ее истоки восходят к XII-XIII вв. Учитывая специфику развития этого литературного языка, целесообразно выделить в нем два периода - старый и новый. Период старочакавского языка начинается с XII-XIII вв. и достигает расцвета в XVI в.; в XVII и XVIII вв. наблюдается постепенное затухание, а в XIX в. в чакавском культурно-языковом процессе наступает опад. Однако уже в самом начале XX в. этот процесс, на качественно новой основе, возрождается и продолжается до наших дней. Это время чакавского ренессанса, время функционирования новочакавского литературного языка. Старочакавский от новочакавского разделяет не только время, но и существенная разница в их внутривидовом и функциональном развитии.

В появлении литературного языка на чакавской основе решающую роль сыграл глаголизм - культурно-языковое движение,

зародившееся здесь, как полагают, еще в IX в. и распространившееся по Истрии, Кварнерским островам, Хорватскому Приморью и Далмации [77; 86, 376 - 30, 315]. Существенными признаками хорватского глаголизма были: глаголическое письмо, церковнославянский язык, богослужение по западной литургии и юрисдикция римской церкви. "Золотой период", по выражению В. Штефанича, в развитии хорватской глаголической письменности падает на XIV-XV вв., причем центром глаголизма в это время был Задар [89, 14; 87, 8]. До XV в. в хорватской письменности глаголица как письмо доминирует, являясь одновременно синонимом церковнославянского языка. Когда в XIV в. начинает вводиться латиница, позиции глаголицы постепенно утрачиваются; оттесненная на острова, она, однако, продолжает использоваться до XIX в. включительно. Несмотря на постоянные нажимы и запреты со стороны Рима (письма папы, решения синода в Сплите 925 г., затем 1060 г. и др.), глаголическое священство настойчиво развивало славянскую письменность. В противовес неоднократно высказывавшейся недооценке роли, значения и значимости хорватской глаголической литературы [20; 21, II-29], новейшие исследования показали, что эта литература была достаточно развита, так как включала в себя не только религиозные книги, но и различные (поучительные) сборники, проповеди, руководства для священников, стихотворные произведения. Из церкви глаголица вскоре распространилась в сферу общественной и личной жизни; на ней составляются общинские бумаги, юридические и проч. документы и сочинения, делаются надписи на камнях, ведется личная переписка, создаются тексты литературного характера, правда, в основном это еще пока переводы рассказов, романов, стихов и под. Преследуемое Римом глаголическое священство не имело собственной церковной иерархии, которая заботилась бы об образовании священников и сохранении прочной языковой традиции, как это было на востоке, где патриарх и синод "следили за правильностью" церковных книг в языковом смысле [30, 317]. Поэтому в глаголические церковнославянские тексты довольно рано начинают проникать элементы народного языка, причем если в церковных книгах, особенно до XIII в., как считал В. Ягич [45, 14], еще сохраняется в основном графико-орфографическая правильность и правильность грамматическая церковнославянского языка, то в сочинениях, предназначенных для чтения вне церкви, живой язык в виде звуков, форм и конструкций - непрелюдная

черта таких сочинений. Так постепенно выработалась хорватская редакция церковнославянского языка. Чакавизация церковнославянского языка первоначально проявлялась в лексических нововведениях и звуковых изменениях типа: $\acute{e} > e, q > u, dj > j, stj > \acute{s}$, вместо m и i — только i и под.; позднее проявляется церковнославяно-чакавская конкуренция морфологических форм и синтаксических конструкций [45, 14; 31, 43-67; 34, 119-139].

Уже в первых глаголических памятниках светского содержания, как, напр., известный текст на камне — так наз. Вайцанька плоча 1100 г., проявляется народная, чакавская, языковая основа; в текстах XII-XIV вв. и более поздних, напр., Vinodolski zakon 1288 г., Kastavski statut 1400 г., Verpinački statut 1507 г., Istarski pravod и др., а также в переведенных произведениях реальных жанров, в том числе романах, как, напр., роман об Александре Македонском, роман о взятии Тром и т.д., чакавские элементы выступают так сильно, что церковнославянский язык проявляется здесь только в орфографии, некоторых формах и частично в словаре. Собственно, в основе своей названные тексты являются чакавскими,⁴ что и дало повод А. Беличу считать началом чакавского литературного языка вторую половину XII в., т.е. от Винодолского закона [17, 348]. Квалифицировать так наз. Ivančićev zbornik, глаголический памятник начала XV в., как только церковнославянский было бы, видимо, большим упрощением, поскольку исследования показали, что язык этого текста состоит почти на 50% из чакавских элементов [68, 68-86]. В "Законе братства святого духа в Банке" ("Zakon braćstine svetoga duha u Banji", до 1424 г., о. Крк), переведенного с латинского, основой, напротив, является чакавица, пронизанная церковнославянскими элементами. Такова же характеристика и другого чакавского глаголического памятника, относящегося в начале XV в. и созданного на о. Крк, — так наз. Дуцидария (от elucidarium, т.е.

⁴ Эти глаголические памятники издавались (в том числе и в России в XIX в. — О.М. Бодянский, В. Ягичем) и издаются по настоящее время; достаточно хорошо собраны и проанализированы в языковом плане памятники Иобенника, о. Крк, Истрия и Приморья, см., напр. [80; 91; 88; 83, 5-40]; многочисленные работы о глаголическо-чакавской проблематике раннего и позднего средневековья можно найти в изд.: "Radovi Staroslavenskoga instituta", Zagreb, 1952, I — и в органе этого института, журнале "Zivo", см., напр., огромный том критических исследований посвященных II-вековой традиции хорватской глаголицы, [27].

сочинение энциклопедического характера, часто в форме "ученик спрашивает - учитель отвечает"). По наличию в нем чехизмов, напр.: *gorkost* < чеш. *horkost* "жара", *porgulak* < чеш. *pargulak* "луч (солнечный)" и под. - установлено, что это был перевод с чешского на чакавский. Достаточно сильны церковнославянизмы в так наз. Колунчевом сборнике ("Kolunčev sbornik", 1486 г.), содержащем обширный текст о великом посте и трактат о семи грехах главных.

Церковнославяно-чакавский языковой симбиоз вообще характерен для многих глаголических памятников, причем чем дальше от IX в., т.е. начала применения глаголицы, тем живая чакавская основа отчетливее. Так, язык первой хорватской рукописной песмаршцы 1380 г. (так наз. Парижский кодекс - *Pariski kodeks*; своеобразное пособие для священников) в целом представляет собой хорватскую разновидность старославянского языка, однако содержащиеся в конце этой рукописи 9 духовных песен написаны "почти живым языком народным", как утверждает исследовательница этого памятника Д. Малич. Рукопись возникла не в северной чакавской области, как предполагали ранее, а в районе Сплита, на что указывает местные чакавские черты как в старославянской части, так и в тексте духовных песен [58]. Хорошо изученные в языковом отношении глаголические памятники Шибеника 1547-1774 гг. являются чакавскими; церковнославянское влияние в них заметно слабее, зато уже проявляется влияние штокавского диалекта в виде фонетического элемента *đ* вместо *j*, употребления местоимений *što, koji* вместо соответственно *ša* и *ki* и под. [91, 23-37].

В XV в. появляются печатные глаголические книги. Первой такой книгой был выпущенный в 1483 г. в Венеции "Миссал по закону римского двора". Значение этого издания велико, если учесть, что до того миссалы печатались только на латинском языке. С открытием в 1494 г. в Сене первой хорватской типографии, действовавшей с перерывами до 1509 г., глаголическая печать переживает большой подъем. Уже в 1494 г. здесь выходит миссал, затем еще три книги. Три книги напечатаны в второй по времени хорватской глаголической типографии, основанной в 1530 г. в Риеке выходцем из Задара Ивном Количичем (см. библиографические данные о глаголических книгах: [59, 415-442; 93; 53, 1-8]). Язык одной из книг сенской типографии, которая называется "Исповедь общая" (1496 г.), напр., в основе северно-чакавский (якавский, с элементами экавизма);

церковных элементов здесь мало, зато текст изобилует заимствованиями из латинского и итальянского языков.

Наряду с глаголицей в южных чакавских областях довольно рано начинает применяться (в юридической и административной сфере, в личной переписке и под.) пришедшая из Болгарии кириллица, вернее ее несколько видоизмененный вариант, известный под названием босанчицы, специфического письма боснийско-герцеговинских иквцев. К 1440 г. относится довольно крупный чакавско-кириллический памятник — так наз. Полицкий устав ("Poljski statut"). Босанчица, несмотря на ее более скромное, в сравнении, напр., с глаголицей, использование, все же просуществовала в районе Макарского приморья, Полици, Сплита и на островах до середины XIX в. [102, 869-875; 50, 674-679; 72, 32-103].

Установлено, что в XIV и XV вв. Задар был центром глаголизма, откуда его влияние распространялось в направлении Лица и Крбавы, затем Хорватского Приморья и в Истрию [71, 5-108]. Однако в это же время, точнее с XIV в., и именно в Задаре, а затем уже в других далматинских городах начинает использоваться латиница (сначала в логической разновидности), причем с самого начала тексты, написанные этим письмом, были на народной, т.е. чакавской, основе. Расцвет чакавской литературы и чакавского литературного языка XV и особенно XVI вв. был бы, однако, невозможен, если бы до того не существовала многовековая глаголическая традиция. Только наличие таковой, чакавско-глаголической, традиции дало мощный толчок бурному развитию чакавской литературы на латинице [22, 136; 97, 295-303]. Наиболее ранние здесь памятники находятся, по выражению Ф. Фанцева, в русле так наз. народной церковной литературы, представлявшей собой различные в жанровом отношении тексты (евангелистари-лекционарии, псалтири, молитвенники, лекции, легенды о святых, церковные приказания, т.е. показы — прообраз драматического жанра, церковные песни и др.) и обращенные к верующему (в произведениях большинства жанров достаточно отчетливо выражено литературно-художественное начало). Такая литература на живой, чакавской, основе возможна была только в глаголических церквях, где литургическим языком был церковнославянский [23, I-III]. Первым известным памятником является небольшой по объему так наз. Задарский доминиканский устав "Red i zachon od primljenia na dil dobroga signenja sestar nasich reda nastoga odza nasega dominicha".

на котором указана и дата его создания - 1345 г.⁵ Устав переведен на икавскую чакавицу с латинского, а его достаточно последовательная и правильная графика (готика) наводит на мысль о том, что использование латиницы в чакавской письменности имело уже длительную традицию. К XIV в. относится и так наз. Шибенская молитва (точное название: *Oratio pulcra et deuote ad beatam virginem Mariam*, т.е. "Молитва прекрасная и отданная блаженной девице Марии"). В отличие от "Beda i zachema", этот памятник не отличается графико-орфографической последовательностью; кроме того, в нем отмечается и влияние глаголицы, напр., в употреблении одинаковых графем для твердых и мягких *l* и *ll*. Все это, видимо, можно объяснить индивидуальным уровнем подготовки и образованности переводчика. По жанру это типичная средневековая латинская церковная поэзия (латинский оригинал не обнаружен), однако в тексте иноязычного влияния нет; в языковом отношении молитва отражает средне-далматские чакавские черты, в частности, говор околицы Шибенника: $\check{y} > i$, т.е. преимущественно икавизм, $i > u$ и др. [59, 81-190].

С XIV в. возникают написанные латиницей лексиконы, т.е. отрывки или лекции из евангелия и посланий, переведенные обычно с латинского. Первый чакавский лексиконарий появляется так же в Задаре, но поскольку употреблялся и найден (в конце прошлого века) на о. Корчула, традиционно называется Корчуланским ("Korčulaneki leksionar"). К началу XV в. относится собственно Задарский лексиконарий ("Zadarski leksionar"), а в конце этого века, в 1495 г., выходит и первый печатный лексиконарий Бернардина Сплитчанина - "*Euangelia et epistole cum interpretationibus et benedictionibus per anni circulum in lingua vlyirich scriptis; emendata et diligenter correcta per fratrem Bernardinum Splatensem*" (Ingressum Venetiis, D.M. 1495, 208 p.). М. Ренетар, досконально исследовавший язык чакавских лексиконариев, пришел к выводу, что, несмотря на отклонения в каждом из них того говора, где он был переведен (написан), в целом здесь отчетливо обнаруживаются связи с предшествующей чакавской (а в известной мере и с церковнославянской) языковой традицией и с говорами, распрост-

⁵ В. Ягич, а вслед за ним и некоторые позднейшие исследователи, напр., В. Боуль, ошибочно датировали это XV веком, см.: [23, IV].

раненными вне пределов локализации того или иного лексикона-
рия [75, 96-97].⁶ Таким образом, уже в этик, часто безымян-
ных, памятниках раннего средневековья ощущается тенденция к
созданию общечакавского койне как необходимого условия для
функционирования развитого литературного языка.⁷ Наряду с
лексиконарными, этой же особенностью отличаются и памятники
других жанров чакавской церковной литературы, как, напр.,
легенды, или жития, святых ["Život sv. Katarine", XV в.; "Ži-
će sv. etasa", XV в.; "Život sv. Jerelima", относящийся, по
В. Ягичу (1896 г.), к XVI в., а по Ф. Фанцеву (1934 г.) -
к XV в.], литургические лекции (так наз. "Lekcijuni" Луки
Брачанина, XVI в.), церковные песни (две такие песни с о.
Корчула, относящиеся к XV в.; "Zbornik crkvenih pjesama bra-
tovštine Svih svetih u Korčuli", XV в.), молитвенники
(напр., "Vatikanski hrvatski molitvenik", XIV в.) и др.

Латиница широко использовалась и при составлении так наз.
матрикул, т.е. списков членов различных религиозных общесте
с неперменным перечислением правил поведения, распорядка
внутренней жизни и под. Сохлелся, для примера, на достаточно
старую матрикулу братства блаженной Марии ("Matrikula bra-
tovštine blažene Marije") 1452 г. из Шибеника. Матрикула на-
писана, как указывается в начале текста, "v argvaski jezik",
т.е. "на хорватском языке", а точнее на икавской чакавщине,
причем графико-орфографическая система, примененная здесь,
типично итальянская, характерная для большинства чакавских
латинических текстов средневековья. Так, *č* обозначается
обычно посредством *c* + какой-либо гласный переднего ряда:
ciniti "činiti", гесени "gešeni", *ć* - как *chg* (паромошг
"паромош", prisechgi "priseći"), иногда как *chi* либо *ch*
(hochiemo "hošeme", nemošni "neмоšni"); *j* - как *gi* и *ij*,
реже как *g* либо *i*: glesu "jesu", imajiu "imaju", poijti "poj-

⁶ Научное издание лексиконариев было предпринято еще в
прошлом веке Т. Маретичем и М. Решетаром, см.: [54, 55].

⁷ Ср. на этот счет мнение крупного знатока чакавщины
М. Хрсте: "Возьмем ли в руки любое прозаическое или поэ-
тическое произведение светского или религиозного содер-
жания, до появления Маруличевой "Одиссеи" (т.е. до XVI в.),
с островов Корчула, Увар, из Сплита, Шибеника, Задара,
Хорватского Приморья, Истрия, Кварнерских островов, уви-
дим почти те же фонетические, морфологические, синтакси-
ческие и лексические черты. Нет в чакавском диалекте то-
го времени столько различий, чтобы можно было говорить о
двух и более разновидностях чакавского диалекта". Автор,
правда, добавляет, что лишь западная чакавщина обладает
рядом специфических черт, которые сближают ее со словен-
ским языком и кайкавщиной, см.: [36, 246-247].

ti". dođti "dojti"; k - как о или oh: zasconi "zakoni",
 ohačo "kako"; lj - как gli, a nj - как gn(i): gliu-
 bavi "ljubavi", učiniene "učinjene"; š - как ш ss: a nasze
 "naše"; v - как u; viditi "viditi"; z - то как s, то как
 z:sla "sla", zaclad "saklad"; ž - как s:blasene "blašene"
 и т.д. Язык рассматриваемой матрикулы отражает основные ча-
 ковские черты, как, напр.: последовательное сохранение h (ho-
 čemo), j < dj (takejer, rojeni), š > i (divice, mjesa), šć <
 stj, skj (godišće), иногда конечное -н > -и (moju nasiz
 skupon), род. п. мн. ч. сущ. без флексии (od staresin)
 либо с -ov (od nasih oficijalov), местоимение ša и ki, ста-
 рые формы глагола vazeti, dojti, rojti и т.д.; в синтакси-
 се ощущается влияние итальянского языка, напр., за + двиг-
нитев (za rekazati dilo) и тому под. [90, 5-34]; ср. также
 особенности графики и орфографии чаковских житей XV в. в раб.
 [65, 211-216, 103-107, 113-118].

ЛИТЕРАТУРА

1. Б е л я ч А. Заметки по чаковским говорам. - ИОРЯС Имп. АН, т. 14, Спб., 1909, кн. 2.
2. Б е л я ч А. О чаковской основной акцентуации. - Глас САН, Београд, 1935, бр. 168.
3. Б р а н д т Р.Ф. Начертания славянской акцентологии. Спб. 1880.
4. Д м и т р и е в П.А. О вкладе русских ученых в изучение сербохорватской диалектологии. - Вестник Л[Г]У, 1960, 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. I.
5. Д о л б о к о М.Г. О языке некоторых боснийских грамот XIV в. - ИОРЯС Имп, АН, т. 19, Пг., 1914, кн. 3, 4.
6. З а й ц е в а С.В. Сербохорватская диалектология (обзор работ югославских лингвистов за 1956-1967 гг.). - Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.
7. М о с к о в л е в и ч М. Говор острова Корчула. - Српски дијалектошки зборник, Београд, 1950, XI.
8. М о с к о в л е в и ч М. Говор острова Бис. - Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.
9. П а в л о в и ч М. Примери историског развјатка српско-хорватског језика. Београд, 1956.

10. П е т р о в с к и й М.П. Материалы для славянской диалектологии. - Известия и УЗ Казан. ун-та, т. 2, 1866, вып. 4, 5.
11. П е т р о в с к и й Н.М. О сочинениях Петра Гекторовича (1487-1572). Казань, 1901.
12. Т о л с т о й Н.И. Новые работы югославских лингвистов по сербохорватскому языку (краткая информация за 1945-1955 гг.). - ВЯ, 1956, 4.
13. Ш а х м а т о в А.А. К истории сербохорватских ударений. - Русский филологический вестник, т. 19, Варшава, 1888, № 2; т. 23, 1890, № 2; т. 24, 1890, № 3.
14. A l b i n A., R o n e l l e A. The Speech of Yugoslav Immigrants in San Pedro, California. The Hague, 1972.
15. В а д а л и ć J. Bibliografija hrvatske dramske i kazališne književnosti. Zagreb, 1948.
16. В е л и ć A. Čakavski dijalekat. - Stanojević S. Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. I. Zagreb, 1925.
17. В е л и ć A. Književni jezik srpskohrvatski. - Stanojević S. Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. II. Zagreb, [192 ?].
18. В о р у ś W. Budowa słowotwórcza rzeczowników w tekstach czakawskich XV i XVI w. Wrocław etc., 1969.
19. В р о с о в и ć D. Tri razdoblja u razvitku naše dijalektologije. - Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru. I. Razdio lingvističko-filološki. Zadar, 1960.
20. C r o n i a A. L'enigma del glagolismo in Dalmazia dalle origini all' epoca presente. - Rivista dalmatica, VI-VIII, Zara, 1922-1925.
21. C r o n i a A. Storia della letteratura serbo-croata. Milano, 1956.
22. Č r n j a Z. Kulturna historija Hrvatske. Ideje - ličnosti - djela. Zagreb, 1965.
23. F a n s e v F. Latinički spomenici hrvatske crkvene književnosti 14 i 15 v. i njihov odnos prema crkvenoslovenskoj književnosti hrvatske glagolske crkve. - Vatikanski hrvatski molitvenik i Dubrovački psaltir. Dva latinicom pisana spomenika hrvatske proze 14 i 15 vijeka. (Djela JAZU. Knj. XXXI). Zagreb, 1934.
24. F i n k a B. Čakavsko narječje - Der čakavische Dialekt der serbokroatischen Sprache. (Ruhr-Universität Boc-

- hum. Veröffentlichungen des Seminars für Slavistik.
2). Bochum, 1968; to 30 cm.: Čakavsko narječje. - Čakavaka rič, god. I, Split, 1971, br. 1.
25. F i n k a B. Napatak za ispitivanje i obradivanje čakavskih govora. - Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj.3. Zagreb, 1973.
 26. F i n k a B. O čakavskom identitetu. - Suvremena lingvistika, Zagreb, 1973, br. 7-8.
 27. G l a g o l j i c a - jedanaest steljeća velike tradicije. Zbornik radova. - Slovo, Zagreb, 1971, 21.
 28. H a d l i c h R. L. The Phonological History of Vegliote. Chapel Hill, Univ. of N. C. press, 1965.
 29. H a m m J. Čakavci i Romani. - Radovi Instituta JA u Zadru, 1960, 6-7; to 30 cm.: Z badań nad językami Jugosławii, Warszawa, 1961, s. 67-80.
 30. H a m m J. Glagolizam i njegove značenje za Južne Slavene. - Slavica, roč. XXV, Praha, 1956, seš.2.
 31. H a m m J. Hrvatski tip crkvenoslavenskog jezika. - Slovo, Zagreb, 1963, 13.
 32. H a m m J. Iz problematike čakavskih govora. I. Čakavizam i njegova geneza. - Radovi Instituta JA u Zadru, 1957, 3.
 33. H a m m J., H r a s t e M., G u b e r i n a P. Govor otoka Suska. - Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj.I. Zagreb, 1956.
 34. H e r c i g o n j a E. Iz radova na istraživanju sintakse i stila nekih glagolskih neliturgijskih kodeksa XV stoljeća. - Radovi Zavoda za slavensku filologiju. Knj. 7. Zagreb, 1965.
 35. H r a s t e M. Bibliografija radova iz dijalektologije, antroponimije, toponimije i hidronimije na području hrvatskoga ili srpskoga jezika. - Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. I. Zagreb, 1956.
 36. H r a s t e M. Crtrice o Marulićevoj čakavštini. - Zbornik u proslavu petstogodišnjice rođenja Marka Marulića. 1450-1950. (Djela JAZU. Knj. 40). Zagreb, 1950.
 37. H r [a s t e] M. Čakavski dijalekat. - Enciklopedija Jugoslavije. Sv. IV. Zagreb, 1960.
 38. H r a s t e M. Čakavski dijalekat ostrva Brača. Српски дијалектологски зборник. X. Београд, 1940.

39. H r a s t e M. Čakavski dijalekat ostrva Hvara. - Јужнословенски филолог, XIV. Београд, 1935, см. такође № 40.
40. H r a s t e M. Čakavski dijalekat ostrva Hvara. (Biblioteka "Južnoslovenskog filologa", knj. 8). Beograd, 1937.
41. H r [a s t e] M. Čakavski književni jezik. - Enciklopedija Jugoslavije. Sv. IV. Zagreb, 1960.
42. I v i ć P. Die serbokroatischen Dialekte. Ihre Struktur und Entwicklung. Bd. I. Allgemeines und die štokavische Dialektgruppe. 's-Gravenhage, 1958.
43. I v i ć P. O današnjem stanju srpskohrvatske dijalektologije. - Prace jazykoznavce, 1963, N LX, zesz. 5.
44. I v š i ó S. Isabrana djela iz slavenske akcentuacije. - Gesammelte Schriften zum slavischen Akzentuation. (Slavische Propyläen. Hrgb. von D. Tschizewskij. Bd. 96). München, 1971.
45. J [a g i ó] V. Hrvatska glagolska književnost. - Vodnik B. Povijest hrvatske književnosti. Od humanizma do potkraj XVIII stoljeća. Zagreb, 1913.
46. J [a g i ó] V. Porovnaní kajkavčiny, čakavčiny a štokavčiny. - Slovník naučný. Red. F.L.Rieger. D. IV. Praha, 1865.
47. J a k u b i n s k i j L. P. Die Vertretung des urslavischen ě im Čakavischen. - Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig, 1925, Bd. I.
48. J o n k e Lj. Problematika norme hrvatskoga književnog jezika u sinkronijskom i dijakronijskom aspektu. - Jezik, god. XIII, Zagreb, 1974/75, br. 2.
49. J u n k o v i ć Z. Prilog sa suvremenu čakavsku dijalektologiju. - Čakavska rič, god. III, Split, 1973, br. 1.
50. J u t r o n i ć A. Bosančica na Braču. - Mogućnosti, god. VII, Split, 1960, br. 8.
51. J u t r o n i ć D. Američki engleski i hrvatski (čakavski dijalekt) u kontaktu. - Čakavska rič, god. III, Split, 1973, br. 1.
52. J u t r o n i ć D. Upotreba i održavanje hrvatskog jezika (čakavskog i kajkavskog dijalekta) kod naših iseljenika i njihove djece rođene u Sjedinjenim Američkim Državama. - Čakavska rič, god. IV, Split, 1974, br. 1.

53. K u k u l j e v i ć S a k c i n s k i I. Bibliografija hrvatska. Dio prvi. Tiskane knjige. U Zagrebu, 1860-1863.
54. L e k c i o n a r i j Bernardina Splječanina. Po prvom izdanju od god. 1495. Prir. T.Maretić.(Djela JAZU. Knj. V). Zagreb, 1885.
55. L e k c i o n a r i j zadarski i Ranjinin. Prir. M.Rešetar. (Djela JAZU. Knj. XIII). Zagreb, 1894.
56. M a ž e c k i M. Čakavism z uwzględnieniem szjawisk podobnych. Kraków, 1929.
57. M a ž e c k i M. Przegład słowiańskich gwiar Istrji. Kraków, 1930.
58. M a l i ć D. Jezik najstarije hrvatske pjesmarice. Zagreb, 1972.
59. M a l i ć D. Šibenska molitva (filološka monografija). - Rasprave Instituta za jezik JAZU. Knj. II. Zagreb, 1973.
60. M a r e t i ć T. Jezik dalmatinskih pisaca XVIII vijeka. - Rad JAZU. Knj. 209. Zagreb, 1916; 1916, knj. 211.
61. M a š t r o v i ć Lj. Minski govor. - Radovi Instituta JA u Zadru, 1955, 2.
62. M e y e r K. H. Untersuchungen zur Čakavština der Insel Krk (Veglia). Leipzig, 1928.
63. M i l č e t i ć I. Čakavština Kvarnerskih otoka. - Rad JAZU. Knj. 121. Zagreb, 1895.
64. M l a d e n o v i ć A. Jezik Petra Hektorovića. Novi Sad, 1968.
65. M l a d e n o v i ć A. Prilog proučavanju čakavskih rukopisa iz Dalmacije. I. Grafija i ortografija Suzane. - ЗБОРНИК ЗА ФИЛОЛОГИЈУ И ЛИНГВИСТИКУ, НОВИ САД, 1961 - 1962, IV - V; II. Grafija i ortografija Života sv. Jeronima. - Ibid., 1964, VII; III. Grafija i ortografija Života sv. Katarine. - Ibid., 1966, IX.
66. M o g u š M. Čakavsko narječje. Zagreb, 1978.
67. M o g u š M. Fonološki kriteriji za određivanje čakavskoga narječja. - Radovi Zavoda za slavensku filologiju. 13. Zagreb, 1973. -
68. M a z o r A. Jezični kriterij pri određivanju donje

- granice crkvenoslavenskog jezika u hrvatskoglagolskim tekstovima. - Slovo, Zagreb, 1963, 13.
69. H a z o r A. Kulturno-pevijesne značenje izdanja glagoljske tiskare u Senju godine 1494-1508. - Slovo, Zagreb, 1971, 21.
70. N e m a n i ć D. Čakavisch-kroatische Studien. - Sitzungsberichte der philosophisch-historische Klasse der kais. Akademie der Wissenschaften, Wien, 1883, 104; 1884, 105; 1885, 108.
71. P a n t e l i ć M. Prvotisak glagoljskog misala iz 1483. prema misalu kneza Nevaka iz 1368. - Radovi Staroslavenskog instituta, Zagreb, 1967, 6.
72. P o l j i č k i statut. [1440]. Izvorni tekst Poljičkog statuta i prijevod. - Poljički zbornik. Sv. I. Zagreb, 1968.
73. R a m o v š P. Une isoglosse čakavo-kajkavienne. - Revue des études slaves, t.3. Paris, 1923.
74. R e š e t a r M. Die Čakavština und deren einstige und jetztige Grenzen. - Archiv für slavische Philologie, Berlin, 1891, Bd. XIII.
75. R e š e t a r M. Primorski lekcionari XV vijeka. - Rad JAZU. Knj. 134. Zagreb, 1898; knj. 136, 1898; см. также отдельное издание: R e š e t a r M. Primorski lekcionari XV vijeka. Zagreb, 1898.
76. R i b a r i ć J. Razmještaj južnoslavenskih dijalekata na poluotoku Istri. - СРПСКИ ДИЈАЛЕКТОЛОШКИ ЗБОРНИК, Београд, 1940, IX.
77. R i t t i g S. Povijest i pravo slovenštine u crkvenom bogoslužju sa osobitim osvrtom na Hrvatsku. Zagreb, 1910.
78. S e d l á č e k J. Nové práce o dějinách srbocharvátského jazyka a o srbocharvátských nářečích. - Slavia, roč. XXXIII, Praha, 1964, seš. 4.
79. S k o k P. Novi prilozii proučavanju govora žumberačkih Čakavaca. - Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. I. Zagreb, 1956.
80. S t a t u t a lingua croatica conscripta. - Hrvatski pisani zakoni; Vinodolski, Poljički, Vrbanski, a donekle i svega Krčkoga otoka, Kastavski, Veprinački i Trsatski. Ur. F. Rački, V. Jagić, I. Črnčić. (Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium. Vol. 4). Zagreb, 1890.

81. Š t e i n h a u e r H. Čakavien studies. (Slavistic printing and reprintings, 306). The Hague-Paris, 1973.
82. Š a f á ř í k P. J. Geschichte der südslawischen Literatur. Hrgb. von J. Jireček. II. Geschichte der illirischen und kroatischen Literatur. Prag, 1865.
83. Š e p i ó A. Jezik hrvatskih općinskih statuta istarskih i primorskih. (Prilog historičkoj gramatici hrvatskog jezika). - Rad JAZU. Knj. 295. Odjel za filologiju. Knj.5. Zagreb, 1953.
84. Š i m u n o v i ć P. Čakavština srednjodalmatinskih otoka. - Čakavska rič, god. VII, Split, 1977, br. 1.
85. Š i m u n o v i ć P. Građa za čakavsku bibliografiju. - Čakavska rič, god. VI, Split, 1976, br. 1.
86. Š i š i ć F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb, 1925.
87. Š t e f a n i ć Vj. Determinante hrvatskog glagolizma. - Vjesnik, Zagreb, 30. rujna 1968.
88. Š t e f a n i ć Vj. Glagoljski rukopisi otoka Krka. (Djela JAZU. Knj.51). Zagreb, 1960.
89. Š t e f a n i ć Vj. Hrvatska pismenost i književnost srednjeg vijeka. - Hrvatska književnost srednjega vijeka. (Pet stoljeća hrvatske književnosti. Knj.1). Zagreb, 1969.
90. Š u p u k A. Matrikula bratovštine Blažene Marije u Šibenskom varošu iz godine 1452. - Čakavska rič, god. VI, Split, 1976, br.1.
91. Š u p u k A. Šibenski glagoljski spomenici. Zagreb, 1957.
92. T e n t o r M. Der čakavische Dialekt der Stadt Cres (Cherso). - Archiv für slavische Philologie, Berlin, 1909, Bd. XXX.
93. V a j s J. Najstariji hrvatskoglagoľski misal s bibliografskim opisima svih hrvatskoglagoľskih misala. (Djela JAZU. Knj. XXXVII). Zagreb, 1948.
94. V á ž n ý V. Čakavské nářečí v slovenském Podunají. - Sborník Filosofické fakulty University Komenského, roč.5. Bratislava, 1927.
95. V i d o v i ć R. Građa za literaturu o hrvatskim piscima XV i XVI st. (Razdoblja Humanizma i Renesan-

- se). Radovi objavljeni u Jugoslaviji i inozemstvu od 1961. do 1971. godine. - Čakavska rič, god. II, Split, 1972, br. 2.
96. V o n ċ i n a J. Analize starih hrvatskih pisaca. (Biblioteka znanstvenih djela. 4), Split, 1977.
97. V o n ċ i n a J. O istraživanju jezika starije hrvatske književnosti. - Umjetnost riječi, god. XIV, Zagreb, 1970, br. 3.
98. W a g n e r Z. Čakavština u zadnjih petnaest godina (bibliografski pregled). - Čakavska rič, god. III, Split, 1973, br. 1.
99. W a g n e r Z. Przegląd nowszych prac poświęconych dialektowi czakawskiemu. - Rocznik slawistyczny, 1970, XXXI, I.
100. W a g n e r Z. Ze studiów nad językiem Petra Hektorovicia. Wrocław etc., 1970.
101. Z a j c e v a S. Specifična slovenska leksika u savremenim čakavskim govorima. - Прилози проучавању језика. Нови Сад, 1967, 3.
102. Z e l i ć - B u ċ a n E. Upotreba bosančice u Splitu i okolici. - Mogućnosti, god. III, Split, 1956, br. 11.

О г л а в л е н и е

М.А. Ш е л я к и н. О спорных вопросах видо- временной системы современного русского глагола	3
В.П. А б р а м о в. Структурно-семантическая классификация глаголов передачи в русском языке	24
М.А. Ш е л я к и н. Дистрибутивно-суммарный способ действия русского глагола	43
И.П. К в л ь м о я. Синтаксические типы кратко- соотносительных конструкций в русском языке.	54
Ю.П. К н я з е в. О семантике степеней сравнения прилагательных	68
А.Д. Д у л и ч е н к о. Славянские литературные микроязыки (Вопросы формирования и развития) II. Градишанско-хорватский литературный язык в Австрии	86
А.Д. Д у л и ч е н к о. Славянские литературные микроязыки (Вопросы формирования и развития) III. Чакавский литературный язык. Часть I: до XVI в.	147

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 524. ПРОБЛЕМЫ ВНУТРИСТРУКТУРНОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНО-
ГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА. Труды по русской и славянской филоло-
гии XXXIII. На русском языке. Тартуский государственный
университет. ЭССР, г.Тарту, ул.Дзержинского, 18. Ответствен-
ный редактор М. Шелякин. Корректор Н. Чикалова. Сдано в пе-
чать 23.04.1980. Бумага печатная № 2 30x45 1/4. Печат-
ных листов 10,75. Учетно-издательских листов 9,84. Тираж
700. МВ 01357. Типография ТГУ, ЭССР, г.Тарту, ул. Пял-
сона, 14. Зак. № 319. Цена 1 руб. 50 коп.